Жозе Мариа де ЭРЕДИА

ТРОФЕИ

Жозе Мариа
де
ЭРЕДИА

ТРОФЕИ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Литературные Памятники

Jose-Maria de HEREDIA

LES TPOPHEES

Жозе-Мариа де ЭРЕДИА

ТРОФЕИ

Издание подготовили
И. С. ПОСТУПАЛЬСКИЙ,
Н. И. БАЛАШОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1973

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
Н. И. БАЛАШОВ

Э $\frac{0744\text{-}0295}{042(02)\text{-}73}$ 314-73

MANIBUS	МАНАМ
CARISSIMAE	МОЕЙ ДОРОГОЙ
ET	И
AMANTISSIMAE	ЛЮБИМОЙ
MATRIS	МАТЕРИ
FILIUS MEMOR	СЫН В ПАМЯТЬ
J. M. H.	Ж. М. Э.

*Леконт де Лилю**

Вам, дорогой и знаменитый друг, посвятил бы я эти «Трофеи», если бы уважение к священной памяти, — дорогой, я знаю, и для вас, — не запрещало мне написать иное, хотя бы и славное, имя на первом листе этой книги.

Один за другим, на ваших глазах, рождались эти стихи. Они — как звенья, связывающие нас с тем, уже далеким, временем, когда вы законами и нежными тайнами нашего искусства наставляли молодых поэтов в любви к чистой поэзии и к чистому французскому языку. Я более, чем кто-либо другой, обязан вам: вы признали меня достойным чести быть вашим другом. В течение нашей продолжительной близости я лучше смог постигнуть глубину ваших наставлений и советов, всю красоту вашего примера.

В угоду вам я собираю свои разбросанные стихи. Вы укрепили меня в уверенности, что эта книга, хотя и незаконченная в своих частях, все-таки могла бы снискать некоторую степень того благородного расположения, о котором я мечтал. Я предлагаю ее вам такой, какая она есть, не без сожаления, что не мог сделать лучшего, но с сознанием, что я сделал лучшее, что мог.

Примите же ее, дорогой и знаменитый друг, в свидетельство моей искренней признательности, и, так как было бы неподобающим закончить это обращение, как бы кратко оно ни было, без традиционных пожеланий, позвольте пожелать вам и всем, кто будет перелистывать эти страницы, прочесть мои стихотворения с таким же удовольствием, с каким я их писал.

Жозе-Мария де Эредиа

---

* Перевод Д. Олерона (Глушкова).

ГРЕЦИЯ И СИЦИЛИЯ

ЗАБВЕНИЕ

Разрушен древний храм, и мыс пустынен в море,
И сочетала Смерть, владычица времен,
Героев бронзовых и белогрудых жен
4 В глуши иссохших трав, как в гробовом затворе.

Порою лишь пастух, на мшистом косогоре,
Свирелью, где напев старинный затаен,
Наполнит овидь волн и ясный небосклон,
8 Встав тенью черною на голубом просторе.

Земля к своим богам нежна из века в век
И хочет, чтоб весной все снова зеленели
11 Аканфы свежие у падшей капители.

Но, чужд мечтам отцов, не вздрогнет Человек,
Когда, из тьмы ночей, певучей скорби полны,
14 Сирен умолкнувших оплакивают волны.

(Адриан Пиотровский)

ГЕРАКЛ И КЕНТАВРЫ

НЕМЕЯ

Когда вступил он в лес и шел на смертный бой,
По следу хищников врывая в почву ноги,
Далекий рев, как гром, донесся из берлоги
4 И смолк. Пылал закат в лазури голубой.

Взывая к небесам с напрасною мольбой,
Пастух бежал в Тиринф в безумии тревоги
И, обратясь назад, увидел на дороге
8 Золотогривого гиганта за собой.

Как будто тот, пред кем дрожала вся Немея,
Стоял и скалился на небе, пламенея;
11 То с боя шел Геракл в трофее золотом,

А тени от него росли в вечернем свете
И, слив бойца и льва в огромном силуэте,
14 Составили один, чудовищный, фантом.

(Д. Олерон)

СТИМФАЛ

И стая тысяч птиц над озером немым
С внезапным ропотом промчавшегося шквала
Из тонких зарослей испуганно взмывала
4 И сетью черных крыл кружилась перед ним.

Напрягши гибкий лук, победно недвижим,
Стоял он в камышах, и стая задевала
Могучий лик стрельца, к которому Омфала
8 Любила приникать с лобзаньем огневым.

Затем взвилась стрела, и вот из шумной тучи
Средь воплей ужаса пролился дождь летучий
11 И гроздья мертвых тел навесил на кустах.

И солнце видело в блестящие прорывы,
Как, кровью залитый, спустив стрелу, счастливый
14 Геракл глядел в лазурь, с улыбкой на устах.

(Д. Олерон)

НЕСС

В те дни, когда я жил средь фессалийских скал,
Как братья, не знаком с иным, не нашим роком,
Я царствовал один в кочевье гор широком,
4 И грудь мне леденил быстротекущий вал.

Так, вольный, радостный, под солнцем я мужал;
И только на бегу или во сне глубоком
Эпирских кобылиц я чуял ненароком,
8 И их горячий дух мне ноздри раздувал.

Но с той поры, как я, смеющуюся миру,
В Геракловых руках увидел Деяниру,
11 Меня бичует страсть, и шерсть встает на мне;

То бог — проклятие проклятому от века! —
Смешал в моей крови, сгорающей в огне,
14 Пыл зверя и любовь — мученье человека.

(Студия М. Лозинского)

КЕНТАВРЕССА

Когда-то, средь лесов, потоков и камней,
Кентавров без числа бродил табун счастливый;
Подруга лен волос мешала с черной гривой;
4 Их бедра лоснились от солнца и теней.

Напрасно вся в цвету трава. Одни по ней
Мы бродим. Логово заглушено крапивой;
И по ночам, порой, мой сон нетерпеливый
8 Тревожит в душной тьме далекий зов коней.

Затем, что гордый род, с годами поределый,
Воинственных сынов, взлелеянных Нефелой,
11 Не нам, а женщине бросается вослед.

Для нас сама любовь — порыв скотского пыла.
Не крик ликующий, а ржанье наш ответ,
14 И в их объятиях безумствует кобыла.

(Студия М. Лозинского)

a Madame E. M. de Vogüé
amical hommage de
M. de Heredia

Дарственная надпись Эредиа мадам де Вогюэ.
Автограф. Из архива П. Н. Беркова.

LES

TROPHÉES

PAR

JOSÉ-MARIA DE HEREDIA

PARIS

ALPHONSE LEMERRE, EDITEUR

23-31, PASSAGE CHOISEUL, 23-31

M DCCC XCIII

Титульный лист первого издания «Трофеев». 1893 г.

КЕНТАВРЫ И ЛАПИФЫ

Кентавры и бойцы, пьяны, красивы, смелы,
Толпой ликующей нахлынули к столу,
И в свете факелов мешаются сквозь мглу
4 И тело воинов, и шерсть сынов Нефелы.

Смех, шум... Внезапный крик!.. Невесту чернотелый
Теснит скакун и рвет в неистовом пылу
На ней багрец, и медь бряцает на полу,
8 И скамьи рушатся под вой остервенелый.

Тогда тот, перед кем и великан — дитя,
Встает. На голове щетинится, блестя,
11 Пасть льва. То Геркулес, презревший сумрак Ада.

И через весь чертог до дальнего конца,
Смирясь пред яростью ужасного лица,
14 Отходит, фыркая, чудовищное стадо.

(Студия М. Лозинского)

З французької

Жозе-Марія де Ередіа

КЕНТАВРИ ВТІКАЮТЬ

Вони біжать, п'яні від хижого розбою,
Де чорне пасмо гір укрив їх похід.
Їх гонить чорний жах, їм смерть ступає вслід,
Левиний чують дух вони поза собою.

Роздавлюючи гідр хапливою ногою,
Летять через струмки, через колючий глід,
Де Оса й Пеліон — крізь хаос темних віт —
Знялися в тишині громадою німою.

Зненацька спиниться один з-поміж юрби,
І озираючись здійметься на диби,
І дожене табун одним шаленим скоком,

Крізь промінь місячний побачивши блідий,
Як тінь Гераклова в плащі його широкім
Гігантським пострахом лягa на їх сліди.

Сонет «Бегство кентавров»
в переводе Максима Рыльского
из книги сонетов Максима Рыльского.
Киев, 1969 г.

БЕГСТВО КЕНТАВРОВ

Сорвавшись с дальних гор гудящею лавиной,
Бегут в бреду борьбы, в безумье мятежа.
Над ними ужасы проносятся, кружа,
4 Бичами хлещет смерть, им слышен запах львиный...

Чрез рощи, через рвы, минуя горный склон,
Пугая гидр и змей... И вот вдали миражем
Встают уж в темноте гигантским горным кряжем
8 И Осса, и Олимп, и черный Пелион...

Порой один из них задержит бег свой звонкий,
Вдруг остановится, и ловит запах тонкий,
11 И снова мчится вслед родного табуна.

Вдали, по руслам рек, где влага вся иссякла,
Где тени бросила блестящая луна —
14 Гигантским ужасом несется тень Геракла...

(Максимилиан Волошин)

РОЖДЕНИЕ АФРОДИТЫ

Вначале Хаос был и облекал светила;
Пространства и века без меры мчались в нем;
Потом большой груди обильным молоком
4 Земля, благая мать, титанов напоила.

Титаны пали. Стикс их принял, как могила.
И никогда весна под неумолчный гром
Не зажигала солнц сияющим огнем,
8 И осень щедрая полей не золотила.

Не знающий забав и радостей, суров,
Сидел на снеговом Олимпе сонм богов.
11 Но небо изошло божественной росою;

Разверзся Океан, и, девственно светла,
Восстав из пены вод, вскипающих грядою,
14 В Урановой крови Киприда расцвела.

(Е. Малкина)

ЯСОН И МЕДЕЯ

Гюставу Моро

Завороженная стояла тишина
В лесу, где древних битв затаены раскаты,
И в пламени зари, позолотившей скаты,
4 Цвела дремучая и странная весна.

В чудесном воздухе, отравнее вина,
Слова волшебницы роняли сев заклятый;
Ей следуя, Герой на золотые латы
8 Сноп молний стряхивал с Колхидского руна.

Как драгоценностей летучих вереницы,
Кружили под листвой сверкающие птицы,
11 И капала лазурь на серебро озер.

Любовь смеялась им, но, в сердце укрывая,
Несла ревнивый гнев Супруга роковая,
14 И предков, и богов, и яд азийских гор.

(Студия М. Лозинского)

ФЕРМОДОНТ

Под Фемискирою, сожженною дотла,
Дрожавшей целый день от грохота сражений,
Полночный Фермодонт уносит в царство теней
Повозки, трупы, медь, что смерть в него смела.

Где Феба, где Марпе, Астерия, Кала,
Которых пламенный Пенфесилеи гений
С их ратью царственной повел для поражений?
Во прахе и крови их мертвые тела.

Как груды скошенных гигантских белых лилий,
Далеко берега сраженные покрыли,
И только бьется конь и, приподнявшись, ржет;

И увидал Эвксин, в лучах зари туманной,
По обе стороны окровавленных вод,
Бег белых жеребцов, покрытых кровью бранной.

(Е. Малкина)

АРТЕМИДА И НИМФЫ

АРТЕМИДА

Горячим запахом дохнувшие леса
Твою вздымают грудь огнем иепокоривым,
И, взмыта девствеиным и боевым порывом,
4 Ты мчишься, Лучннца, откииув волоса!

И леопардов злых глухие голоса
Ты дразнишь до ночи по ортигнйским срывам,
И бег твой веселит дымящимся разливом
8 Вкруг псов растерзаниых кровавая роса.

Ты любишь, чтоб тебя язвило териий жало
И острие клыка и когтя поражало,
11 Богиия, твоему железу отомстнв,

Затем, что ты горда усладою суровой, —
Играя, смешивать бессмертиый ток багровый
14 С густой и черною рудой сражеиных див.

(Студия М. Ловинского)

ОХОТА

Все круче белые возносят скакуны
Квадригу в глубь небес, и жаркое дыханье
Струит червонное в равнинах колыханье.
Безмерным пламенем холмы опалены.

Дубравы сень ветвей сплетать утомлены.
Свет полдня, сквозь вершни неверное качанье
И тень, где серебром звенит ключей журчанье,
Разит, слепительный, и льется с вышины.

То час пылающий, когда чрез тери и травы,
Меж гончих прядая, светла в крови забавы,
Где лаем вторят псы победным голосам,

За взвившейся стрелой неистово стремима,
Раскинув волосы, дика, непобедима,
Мчит Артемида смерть по вспугнутым лесам.

(Студия М. Лозинского)

НИМФЕЯ

Четверка знойная сбегает под уклон;
И, видя, как под ним горит простор закатный,
Напрасно тянет бог ремень свой сыромятный:
4 Вздыбились жеребцы средь золотых знамен.

Нет колесницы. Вал катит хрустальный звон
В высь полнозвучную, где пурпур перекатный,
Где в черной синеве, густой и необъятной,
8 Край тихий облака луной осеребрен.

Вот нимфа у ручья роняет в мох зеленый
Лишенный стрел колчан и лук ненагнетенный.
11 Безмолвно все. Вдали к воде олень приник.

На полуночный пляс льет свет луна немая,
И Пан, смеясь и лад порывисто меняя,
14 Глядит, как грудь его вдыхает жизнь в тростник.

(Георгий Шенгели)

ПАН

В зеленых зарослях, убежище дриад,
Где сходят сети троп в таинственные логи,
Гроза нагих богинь, охотник козлоногий,
4 Неслышно крадется, завесив жаркий взгляд.

Как сладко вдалеке вздыхает водопад;
Как полдень золотит скалистые отроги,
И солнце с высоты блистательной дороги
8 Пронзает зыбкий мрак оливковых громад.

И нимфа слушает в смятении сторожком,
Как с листьев каплют в мох росинки по дорожкам,
11 И в девственную грудь пьянящий льется зной.

Вдруг шорох... бог... скачок, — и к ней из-за оливы...
Хлестнуло хохотом, сверкнуло белизной —
14 И нет... И чащи вновь темны и молчаливы...

(Д. Олерон)

КУПАНИЕ НИМФ

К уютной рощице ведет незримый путь.
Проносеняет лавр источник полноводный,
И нимфа, смеючись, его воды холодной
4 Опасливой ногой касается чуть-чуть.

Ее подруги тут. И, одолевши жуть,
В волну веселую стремят прыжок свободный,
И резво плещутся во влаге благородной
8 Их плечи, волосы и розовая грудь.

И смех божественный катится в роще темной.
Но что сверкает там? Чей это взор нескромный?
11 Сатир! И хохотом спугнул он их игру.

Они попрятались. Так ворон, взмывши быстро
Над светлою рекой, голодный поутру,
14 Сгоняет лебедей горячего Каистра.

(Георгий Шенгели)

ВАЗА

Кость резана рукой творца, и столь умелой,
Что виднмы леса Колхнды, н темио
Глядит Медея вдаль, и с ней Ясон. Руно
4 Покоится, блестя, поддержанное стелой.

Вблизи простерся Нил, вовек неоскуделый
Источннк рек, а там вакханкн пьют вино,
И тяжкое ярмо волов оплетено
8 Шнроколиственной лозою с кистью зрелой.

Вннзу наезднкки взметают боем прах;
Убитых воннов уносят на щитах,
11 И старец сетует, н мать скорбит без меры.

И, белые тела по стороиам вия,
Тугими персямн накрыв его края,
14 Из темного жерла, склоинвшись, пьют Химеры.

(Студия М. Лозинского)

АРИАДНА

Кимвальной музыки внимая медный взлет,
На тигре царственном она лежит, нагая,
И видит — оргия, Иакха настигая,
4 На берег хлынула и движется вперед.

А благородный зверь крутую спину гнет
Под милым бременем, морским песком шагая,
И, чуть в руке вожжа окрепнет нетугая,
8 Рыча от нежности, узду в цветах грызет.

Раскинув волосы в извивах непокорных
Янтарной россыпью меж виноградин черных,
11 Не слышит женщина его грозы глухой;

И, позабыв любви осиротелой крики,
Ее безумный рот, пьян амврозийной мглой,
14 Смеясь, зовет уста азийского владыки.

(Студия М. Лозинского)

ВАКХАНАЛИЯ

Внезапный слышен вопль, и сломана преграда.
То тигры вырвались и, ярости полны,
Ворчат и прыгают, и, ими сметены,
4 Вакханки в бегстве мнут долины винограда.

Кусая черный грозд, безумная менада
Струит багряный сок на полосы спины
И брюха белые зверей, что сплетены
8 И опрокинуты на грязь и пурпур сада.

К телам поверженным ползут со всех сторон
И чуют хищники, дыша тяжелым жаром,
11 Еще краснее кровь под золотым загаром.

Но бог, неслыханной игрою опьянен,
Взметая легкий тирс, на самку, в буйстве диком,
14 Самца рычащего натравливает криком.

(Т. Владимирова)

ПРОБУЖДЕНИЕ БОГА

Жестокой горестью и плачем исступлен,
Терзая с воплем грудь и повторяя пени,
Хор финикиянок, в унынье песнопений,
4 Свершает шествие неспешных похорон.

На ложе, посреди цветущих анемон,
Ресницы длинных глаз смежив для смертной тени,
Покоится в волне бальзамов и курений
8 Прекрасный юноша, любовь сирийских жен.

Так до утра их сонм томился долгим стоном.
Но пробуждается, кропимый киннамоном,
11 Астартой призванный таинственный супруг.

Бессмертно молодой, он воскрешен любовью!
И небо, розою расцветшее вокруг,
14 Горит Адониса заоблачною кровью.

(Студия М. Лозинского)

ЧАРОДЕЙКА

Куда ни убегу, везде мой дух смущеи,
Везде зовет она, объятья простирая.
О милый мой отец, о мать моя родная,
Ужель ваш сыи навек проклятью обречен?

Иль враг мой Эвмолпид кровавый свой хитои
Склонил пред алтарем, к отмщенью призывая?
Не властиый над собой, бегу я, нзнывая,
Грозе священных псов виемля со всех сторон.

Я чувствую везде таинствеиные чары,
Я в чериой пелеие томительиых тревог.
Непобедимое орудье страшной кары

Вложил в ее уста и очи гневный бог,
Чтоб был я схвачен в плеи и принял их удары
И от лобзаиий их и слез их изиемог.

(Д. Олерон)

СФИНКС

От Киферона путь сквозь терн ведет туда,
Где озаряет скат и логовище дева
Сияньем глаз, грудей и золотого чрева —
4 Орлица, что любви не знала никогда.

И человек вошел, пространствовав года:
«Чья тень мне застит свет у каменного зева?» —
«Любовь». — «Ты бог?» — «Герой». — «Войди, не бойся гнева;
8 Но знай, ты встретишь смерть. Иль ты смелее?» — «Да!»

Беллерофонт смирил Химеру огневую.
«Ни шагу!» — «Я твой рот трепещущий целую». —
11 «Приди! Костей своих сейчас услышишь хруст;

Когтями я вопьюсь...» — «Что для меня мученье,
Коль славы я достиг твоих коснуться уст?» —
14 «Напрасно торжество. Ты мертв». — «О упоенье!»

(М. Бронников)

МАРСИЙ

Тебе внимавшие родных лесов громады
Плоть не сожгли твою, несчастный! На куски
Растерзан ты, и кровь уносят родники
4 К долинам Фригии и пажитям Троады.

Ревнивый Кифаред, краса небес Эллады,
Бряцалом сокрушил живые тростинки,
Любезные и львам, и птицам у реки;
8 И больше нет певца, келенских рощ услады.

Лишь кровяной лоскут, прибитый лезвием
К стволу, где он висел, ободранный живьем.
11 О злобный бог! О крик! Плачевный вопль и нежный!

Нет, больше не прольют свирельный тихий зов
Искусные персты на отмели прибрежной...
14 И кожа сáтира — игралище ветров.

(Студия М. Лозинского)

ПЕРСЕЙ И АНДРОМЕДА

АНДРОМЕДА У ЧУДИЩА

Еще летейский мрак не свился над царевной, —
В оковах, на скале, она еще жива,
И сумрачно молчат пустые острова,
4 Внимая жалобам судьбы ее плачевной.

У ног ее прибой клубится зыбью гневной;
Ресницы сомкнуты, клонится голова,
И, в пене ледяной, морская синева
8 Колеблет пропасти пучины многозевной.

И вдруг, чуть слышное, как дальняя гроза,
Сверкнуло ржание. С трудом открыв глаза,
11 Дрожа и радуясь, взглянула дочь Кефея:

С подоблачных высот, скача во весь опор,
Под бранным седоком, крылатый конь Персея
14 Чудовищную тень по волнам распростер.

(Д. Олерон)

ПЕРСЕЙ И АНДРОМЕДА

Средь моря пенного остановив полет,
Медузы властелин и победитель змея,
Обрызганный слюной, где кровь струится, рдея,
Золотокудрую в объятия берет.

На дивном жеребце, который в дыме вод
Храпит, артачится и рвется, пламенея,
В его руках дрожа, смиренно, дочь Кефея
Смеется, льнет к нему, и плачет, и зовет.

Он сжал ее. Вокруг вскипают клочья вала.
Она к хребту коня испуганно прижала
Ступни, которые целует ей прилив.

Но, разъярившийся в бичующем прибое,
Пегас, на зов бойца одним порывом взмыв,
Огнем широких крыл бьет небо голубое.

(Студия М. Лозинского)

ПОХИЩЕНИЕ АНДРОМЕДЫ

Взвился крылатый конь, стремит полет свой рьяный,
Клубит горячий пар из яростных ноздрей,
Неся любовников все выше, все быстрей
Сквозь голубую ночь и сквозь эфир звездяный.

Летят. Вот Африка легла на океаны,
Вот Азия, Ливан в тумане, точно змей,
Вот пена белая таинственных морей,
Где Гелла обрела на дне покой нежданный.

И ветр порывистый вздувает гриву, хвост
И крылья-парусы, что, мчась от звезд до звезд,
Несут обнявшихся, баюкая, лелея.

И дева, и герой, откинувшись лицом,
Глядят, как, от Тельца лучась до Водолея,
Горят созвездья их во мраке голубом.

(Георгий Шенгели)

ЭПИГРАММЫ И БУКОЛИКИ

КОЗОПАС

По спутанным следам в овраге этом диком
Зачем преследуешь козлиное руно?
Ты не найдешь его: становится темно.
4 Здесь ночи ранние в лесу под горным пиком.

Давай присядем здесь. Внимая птичьим крикам,
Пробудем до утра. Есть фиги и вино.
Но тише говори: Дианы луч давно
8 Осеребрил весь лес, и боги в сне великом.

Гляди: вон узкий грот. Теперь укрылся в нем
Сатир приветливый. И если не вспугнем,
11 Он выйдет, может быть, из этой темной щели.

Ты слышишь? Ветерок свирели звук принес.
Он! Видишь, как рога его за луч задели,
14 Как он плясать повел моих ленивых коз!

(Георгий Шенгели)

ПАСТУХИ

Килленская тропа змеится вниз по скатам.
Приди. Здесь грот и ключ. В объятьях полусна
Забыться сладко здесь, где темная сосна
4 Поет над ложем трав и дышит ароматом.

Овечку привяжи во мху к корням мохнатым.
Ты знаешь, друг, — на днях должна родить она.
Она соткать плащи дриадам даст руна
8 И будет молоко давать своим ягнятам.

Будь милостив к нам, Пан! Склони свой светлый взор,
О страж аркадских стад, питомцев мирных гор.
11 Услышал! Посмотри, как дрогнули деревья!

Садится солнце... Ночь... Теперь уйдем скорей.
Простой и чистый дар убогого кочевья, —
14 Он стоит мрамора роскошных алтарей.

(Д. Олерон)

ЖЕРТВЕННАЯ НАДПИСЬ

Арею грозному! Вражде, зовущей к бою!
Приди помочь, я стар, повесить не могу
На столб мой щит и меч, грозившие врагу,
4 И красногривый шлем, пробитый булавою.

И лук. Но отвечай, прилично ли герою
Обвить его пенькой? Столь крепкую дугу
Не гнул еще никто — иль снова напрягу
8 Тугую тетиву дрожащею рукою?

Возьми и мой колчан. Ты словно ищешь в нем
Пернатых легких стрел, что в вихре боевом
11 По воле лучника свершают путь короткий?

Он пуст. Ты думаешь, я даром их извел?
Ступай их собрать на Марафонский дол:
14 Они остались там, застряв у Перса в глотке.

(М. Рыжкина)

НАДГРОБНАЯ НАДПИСЬ

Прохожий, здесь лежит зеленая цикада,
Малюткой Геллою с весны приручена,
Чье звонкое крыло под лапкой, как струна,
Звучало на сосне и по оливам сада.

Она молчит, увы! горячих дней отрада,
Певунья спелых нив, и борозд, и пшена.
Чтоб легкого ее не потревожить сна,
Друг, проходи скорей, ее гнести не надо.

Взгляни. Вот венчики цветущий фимиам
Над белою плитой склоняет на просторе.
Земля не так добра ко всем своим сынам!

Омыло прах ее младенческое горе,
И радостно кропить над нею по утрам
Росинки свежие заботливой Авроре.

(Студия М. Лозинского)

ПОГИБШИЙ В МОРЕ

Был ясен небосклон, и ветер в море вел.
Следя за Маяком, бегущим сквозь ветрила,
Он от Египта плыл, когда звезда всходила,
4 И отдавал корабль волнам на произвол.

Он не увидит вновь александрийский мол.
В песках, где и травы весна не возрастила,
Прибоем вырыта печальная могила;
8 Там вихри дикие гнут одинокий ствол.

Среди зыбучих дюн, в ложбине неприметной,
В ночи безвременной, безлунной, безрассветной,
11 Отважный плаватель да обретет покой.

О море, о земля, пусть он уснет счастливым!
И в эллинском краю, где брошен он судьбой,
14 Ты будь ему легка, а ты будь молчаливым.

(Студия М. Лозинского)

МОЛЬБА УСОПШЕГО

Постой и выслушай! О, если, пилигрим,
Твой путь лежит на Гебр, к родимым моим Кипселам, —
Молю, поговори там с Гиллом престарелым:
4 Пусть справит тризну он над мальчиком своим.

В глухом кустарнике лежу я недвижим,
И звери правят пир над бездыханным телом,
И бродит тень моя по сумрачным пределам, —
8 Клянет своих убийц и ждет отмщенья им.

Иди! И если в час вечернего тумана
Старуха в рубище у дальнего кургана
11 Мелькнет перед тобой, печальна и бледна, —

Ночных не бойся чар, приблизься к ней без страха:
То, путник, мать моя томится там одна
14 И слезы льет, склонясь над урною без праха.

(Л. Олерон)

РАБ

Голодный, загнанный, в отрепьях нищеты,
Невольник — посмотри, вот рабства знак тяжелый, —
Свободным я рожден, у рощ, где пахнут смолы
4 И Гиблы высятся лазурные хребты.

Я бросил милый край, увы! .. О, если ты
По следу лебедей еще вернешься в долы,
Где стены Сиракуз, и виноград, и пчелы,
8 Гость, расспроси о той, кому верны мечты.

Увижу ль некогда темней фиалок взоры,
Где неба нашего отражены просторы
11 Под торжествующей дугой ее бровей?

Будь милосерд! Иди, спеши в родные дали,
Поведай Лесбии, что я томлюсь по ней.
14 Ее узнаешь ты — она всегда в печали.

(Георгий Адамович)

ПАХАРЬ

Мотыгу, сеялку, надежные гужи,
Плуг, борону, ярмо и серп с косой упорной,
Звеневшей целый день на пажити просторной,
4 И вилы, бравшие снопы тяжелой ржи;

Орудья верные, теперь добычу ржи,
Стареющий Пармис приносит Рее черной,
Кормящей семена землею животворной.
8 Он в восемьдесят лет достиг конца межи.

Век долгий, о другой не помышляя доле,
Он продвигал сошник в необозримом поле;
11 Прожив без радости, не помнит темных дней.

Но утомился он страдой под знойным небом,
А может быть, опять придется у теней
14 Распахивать поля, вспоенные Эребом.

(Р. Блох)

ГЕРМЕСУ КРИОФОРУ

За то, что, друг наяд, он верен нашим селам,
И делает козу угодной для козла,
И, милостью его умножась без числа,
Галезские стада по злачным бродят долам, —

Почтить его должны мы в празднестве веселом,
Чтоб кровля пастыря родной ему была.
Для демона семьи честь жертв равно мила, —
На пышном алтаре или на камне голом.

Почтим же Эрмия. Сиянье храмов бог
Не предпочтет тому, кто набожность сберег
И жертву чистую творит ему с любовью.

Там, у твоей межи, воздвигнем, друг, курган,
Убьем козла, и пусть под жертвенною кровью
Прах станет пурпурен и свежий дерн багрян.

(Д. Олерон)

РАНО УМЕРШАЯ

Кто б ни был ты, живой, пройди и не развей
Цветы, покрывшие мой пепел позабытый;
Чти бедный мавзолей, кустарником обвитый,
4 Где слышно мне, как плющ ползет и муравей.

Ты медлишь? Горлица запела меж ветвей.
Нет! Пусть не обагрит кровь жертвы эти плиты!
И, если ты мне друг, услышь слова защиты.
8 Так сладко жить, увы! Верни свободу ей!

Подумай, в миртами украшенном чертоге
Я девой умерла на свадебном пороге,
11 Так близко и уже от милого вдали.

Для радостных лучей мои сомкнулись очи,
И тень мою теперь навеки обрели
14 Безжалостный Эреб и царство темной Ночи.

(Р. Блох)

POESIES COMPLÈTES

DE

José-Maria de Heredia

LES TROPHÉES

SONNETS ET POÈMES DIVERS

TEXTE DÉFINITIF AVEC NOTES ET VARIANTES

PARIS

LIBRAIRIE ALPHONSE LEMERRE

23-33, PASSAGE CHOISEUL, 23-33

M DCCCCXXIV

Титульный лист собрания стихов Эредиа. 1924 г.

РЕГИЛЛА

Под этим мрамором спит Анния Регилла.
О, пожалей ее, безвестный пешеход,
Дочь Ганимедову, ее любил Герод.
4 Увы, безвременно взяла ее могила.

И плачет тень ее, печальна и уныла,
Считая каждый день и каждый долгий год,
С тех пор, как смерть ее, по воле Парк, под свод,
8 На смутных Островах Блаженства поселила.

И, раненный ее угасшей красотой,
Один томится муж в их спальне золотой,
11 Под пурпуром завес и листьями аканфа.

Он медлит, не идет. И ждет его жена
И вьется призраком, пуглива и бледна,
14 Вкруг черного жезла в деснице Радаманфа.

(Д. Олерон)

РИСТАТЕЛЬ

Как в Дельфах некогда, при кликах торжества,
Опережая всех, он несся по равнине,
Так, ветром окрылен, Лада́с бежит поныне,
Подножья медного касаясь едва.

Рука протянута, торс нагнут, голова
Высоко поднята в уверенной гордыне;
Ты скажешь, плоть его, отвердевая в глине,
Из плена вырвалась и стала вновь жива.

Он рвется, он горит огнем надежды чудной,
Грудь тяжко дышит, рот глотает воздух скудный,
И крепких мускулов расширился металл;

Неудержимый бег напряг его колени,
И, свой незыблемый минуя пьедестал,
Он к пальме и мете помчится по арене.

(Студия М. Левинского)

ВОЗНИЧИЙ

Когда, с бичом в руке над дышлом наклонен,
Он держит на вожжах полет четверки диких, —
Знай, варвар, в этот миг он, гордый и великий,
4 Стократ искуснее, чем сам Автомедон.

Сын славного отца, еще славнее он...
Вот меж соперников, под радостные клики,
Любимец кесаря, ливиец смуглоликий,
8 Он на ристалище. Зовет багряный конь.

Семь раз обогнут круг пред цирком ослепленным!
О, славься, Калхантид! Победа за зеленым!
11 И если б смертный взор мог зреть апофеоз,

Ты б видел, как в огне небесной колесницы
Победа мчит ему с гирляндой ярких роз
14 И скипетр, и венец, и пурпур багряницы.

(Д. Олерон)

НА ОТРИИ

Свежеет. Меркнет день с последними лучами,
И отдыхает скот от златок и слепней.
На склонах Отрия становится темней.
4 Останься, милый гость, ниспосланный богами.

С порога хижины окинь страну глазами
И с миром молока горячего испей.
Вот благодатный край Фессалии моей,
8 Эвбея и Олимп, сверкающий снегами.

Взгляни, как в сумерках алеет Каллидром
И Ойта высится, где новым алтарем
11 Стал золотой костер, Гераклом возведенный.

А там, в вечерней мгле, виднеется Парнас,
Куда, божественным полетом утомленный,
14 Вернется, чтоб с зарей опять взлететь, Пегас.

(Т. Владимирова)

РИМ И ВАРВАРЫ

О КОРАБЛЕ ВЕРГИЛИЯ

О братья светлые божественной Елены,
О Диоскуры, пусть сверканья звезд хранят
Латинского певца, кто золото Циклад
Под небом греческим узрит в кипенье пены.

Пусть легкий ветерок, не зная перемены,
Пусть Япикс сладостный, сгущая аромат,
Крутые паруса полетом напоят,
Неся корабль туда, где встали мысов стены.

О дети Лебедя, следя Архипелаг,
Поэту Мантуи по глади кротких влаг
Указывайте путь потоком звездной пыли.

Да, мой тревожный дух на корабле пленен:
В пустых морях, где пел когда-то Арион,
Плывет к земле богов торжественный Вергилий.

(Георгий Шенгели)

VILLULA *

Да, Галла-старика, меж этих двух холмов,
Перед собой гнездо ты видишь родовое.
Оно не велико и боле чем простое:
4 В тени одной сосны ютится низкий кров.

А все ж для гостя там приют всегда готов, —
И там есть уголок, где крепнет молодое
Вино из садика в таинственном покое...
8 Что ж? мало? .. Но старик благодарит богов:

Он в рощице своей, где летом так привольно,
Охапку хвороста в морозный день найдет,
11 А осенью и дрозд там в сети попадет.

Так Галл кончает жизнь, своей судьбой довольный,
В родимом гнездышке меж этих двух холмов.
14 Немного встретишь ты подобных мудрецов!

(П. Д. Бутурлин)

* Небольшая вилла, дача *(лат.)*.

СВИРЕЛЬ

Притихли голуби. Смотри, уже закат.
Пастух, тоске любви ничто так не поможет,
Как песня. Друг, свирель страданья уничтожит,
4 Когда с ней камыши и волны зашумят.

Сядь в тень. Здесь от чинар так нежен аромат
И травка так мягка. Тебя коза тревожит?
Пусть бродит по скале и почки веток гложет,
8 Не слыша блеянья покинутых козлят.

Неравные в длину, семь трубочек цикуты
Печатью восковой одна к другой примкнуты —
11 Свирель. Она поет и стонет. Ну, иди!

Силеновой игре мы здесь тебя научим,
И вздохи из твоей измученной груди
14 С дыханьем отлетят — божественно певучим.

(Д. Олерон)

СЕКСТИЮ

Ясиеют небеса. Сошел холодный иией,
Сверкают яблоии в весеннем серебре,
Стада из душных стойл выходят на заре,
И тих кристалл озер, и шумны рощи пиинй.

Все живо. Только иам холодный гиев Эринний
Грозит задуть огонь на зыбком алтаре, —
Уж близится конец огию, цветам, игре.
И скоро станет пуст торжественный триклиинй.

О Секстнй, жнзнь кратка. Спешнм скорее жить!
Когда рука судьбы обрежет нашу иить,
Ни счастья, нн весны не будет в царстве теией.

Приди! Леса в цвету, — давио пора пришла
Заклать властнтелю лесиых уединеиий
Ягиенка белого иль черного козла.

(Д. Олерон)

HORTORUM DEUS *

Полю Арену

I

*Olim truncus eram ficulnus**.*
Гораций

Не подходи! Долой! Ступай себе, прохожий!
Грабитель дерзостный, ты, видно, был бы рад
Похитить баклажан иль спелый виноград,
4 Что наливается под золотистой кожей.

Я стерегу его. Меня, когда-то, тоже
Из бука вырезал пастух эгинских стад.
Осмей ваятеля, но знай, хранящий сад
8 Приап умеет мстить, и с ним шутить не гоже.

Любимец моряков, я плавал в старину
На клюве корабля, сердитую волну
11 Встречая хохотом, средь пенного простора;

Теперь, увы, храню капусту и салат,
Спасая огород от хищника и вора...
14 И мне уж не видать смеющихся Циклад.

(М. Бронников)

---

* Бог садов *(лат.)*.

** Некогда был я чурбан... [*Гораций*. Сатиры, I, 8, 1. Пер. Дмитриева.]

II

*Huius nam domini colunt me deumque salutant**.

Катулл

Чтоб не был добрый мир нарушен между нами,
О путешественник, почти смиренный кров.
Под ним живет старик среди своих сынов;
4 Он этим родником владеет и полями.

Мое подобие своими он руками
Из липы вытесав, вкопал среди лугов;
На страже я один, и нет других богов
8 В саду, засаженном, в угоду мне, цветами.

То люди скромные, знакома им нужда,
Но под моим столбом рассыпаны всегда
11 Колосья, темный мак, лесная анемона;

И дважды в год земля алтарная пила
Под жертвенным ножом усердного колона
14 Кровь бородатого бесстыдного козла.

(Н. Сурина)

* А хозяева чтят меня, величают, как бога [*Катулл*, 20, 5].

III

Ecce villicus
Venit...*

Катулл

Эй вы, проклятые ребята! Здесь собаки
И западни! Стеречь поставленный сюда,
Я не позволю взять ни одного плода;
4 И то за чесноком сюда приходит всякий.

К тому ж поблизости хозяин режет маки,
И если только он заметит вас — беда:
Клянусь моим столбом, увесист бог, когда
8 Здоровою рукой он занесен для драки.

Ступайте-ка скорей, налево, по кустам,
Тропинкой вдоль плетня, до тополя, и там
11 Воспользуйтесь моим приятельским советом!

Рассеянный Приап хранит соседний сад;
Отсюда вам видать, как золотистым цветом
14 В тени его шпалер налился виноград.

(Студия М. Лозинского)

* Смотри-ка, староста идет сюда... [*Катулл* 19, 19—20].

IV

*Mihi corolla picta vere ponitur**.

Катулл

Войди же. Заново столбы побелены,
И под навесом лоз от солнечного зноя
Ты отдохнешь в тени. Душиста сатуроя,
И устлана земля цветным ковром весны.

Мне каждая пора приносит новины:
Пшеницу, виноград иль первый куст левкоя;
Сыр не готов еще от раннего удоя,
Как козьи вымена опять уже полны.

Владелец чтит меня. Заслужена награда.
Ни дрозд, ни человек не тронут винограда.
Никто так не хранит господское добро.

Красивы сыновья, жена за скромность чтима,
А у хозяина в ладони серебро
Звенит, когда придет он вечером из Рима.

(Студия М. Лозинского)

* Весною мне венки цветистые плетут [*Катулл*, 6].

V

Rigetque dura barba juncta crystallo.
*Diversorum poetarum lusus**

Морозно. В инее последний лист ветвей;
Я солнца жду, и час я знаю утром рано,
Когда блеснут снега Соракты из тумана.
4 Злы люди. Тяжела судьба богов полей.

Уж двадцать долгих зим на пустоши своей
Я зябну, одинок. Сошли мои румяна,
Свалялась борода, и дерево чурбана
8 Расселось в трещины, и я боюсь червей.

О, если бы мне быть домовым ларом, сытым,
С губами, липкими от меда, краской крытым
11 Или украшенным гирляндой свежих трав!

Средь предков восковых, ветров не внемля гулу,
Век доживать в сенях, чтоб дети, возмужав,
14 На шею старику пришли повесить буллу.

(Н. Сурина)

* Заледеневши, борода моя стынет [Из сборника «Забавы различных поэтов» (*лат.*)].

TEPIDARIUM *

И члены миррою сирийской умастя,
Они покоятся в истоме сладострастной.
С жаровен бронзовых струится отблеск красный,
4 На побледневших лбах причудливо блестя.

Порой, дыханье тревожно участя,
Рабыня, жаждою палимая напрасной,
С подушки медленно поднимется атласной,
8 И снова падает, виссоном шелестя.

Жена восточная, на пурпурной постели,
Сквозь сон почуявши, как в обнаженном теле
11 Хотенье бешеным пожаром разлилось,

Пьянит азвонских дев, стыдливых и покорных,
Богатой, дикою гармониею черных,
14 По телу медному крутящихся волос.

(Сергей Соловьев)

* Теплое отделение в банях, парильня (*лат.*).

ТРАНКВИЛЛ

*C. Plinii Secundi Lib. I, Ep. XXIV**.

В стране блаженной сей жил некогда Светоний,
И виллы, что была близ Тибура видна,
Меж виноградников еще цела стена
4 И арка с трещиной и гроздью на фестоне.

Сюда являлся он всегда на летнем склоне,
Вне Рима, в дни, когда лучилась вышина,
Здесь он лозу срезал, что ягодой грузна,
8 И жизнь его текла в незыблемом затоне.

И в сельской тишине, в которой медлил он,
Калигула бывал, и Клавдий, и Нерон,
11 И Мессалина тут влачила пурпур столы.

И стиля тонкого железным острием
Он, воск безжалостный скребя, вскрывал на нем
14 Капрейца старого желаний жар тяжелый.

(Константин Липскеров)

* Г. Плиний Младший. Письма I, XXIV (*лат.*).

ЛУПЕРКУС

M. Val. Martialis Lib. I, Epigr. CXVIII.*

Луперкус, издали меня завидя: «Гений,
Как управляешь ты латинским языком!
Послушай, я к тебе отправлю завтра ж днем
4 За всеми свитками твоих стихотворений».

«Нет. Раб твой слишком стар, дрожат его колени,
Живу я далеко и на холме крутом;
Но твой, мне кажется, на Палатине дом?
8 Книгопродавец мой торгует на Капене.

Его близ форума хранилища. Из них
Он томы продает и мертвых, и живых;
11 Там есть Теренций, Федр, Вергилий, Силий, Плиний.

И сомневаюсь я, чтоб сзади всех стоял
В кедровом ящичке, обернут тканью синей
14 И в пять динариев ценою Марциал».

(Н. Гумилев)

* М. Валерий Марциал. Эпиграммы I, CXVIII (*лат.*).

ТРЕББИЯ

На высях темных гор зажегся день багровый.
Весь лагерь на ногах. Кругом, со всех сторон,
Призывных медных труб несется ясный стон;
4 Сыны Нумидии лететь на бой готовы.

Напрасно убеждал спокойный Сципион,
И вздулась Треббия, и ветер дул, суровый;
Семпроний-консул, горд своей победой новой,
8 Дал знак сражения. Взнеслись орлы знамен.

На жертву преданы безжалостного мщенья,
Пылают вдалеке инсубрские селенья.
11 Порой доносится протяжный рев слонов.

И, стоя под мостом, один, как скромный воин,
Внимает Ганнибал, уверен и спокоен,
14 Глухому топоту бесчисленных шагов.

(Валерий Брюсов)

ПОСЛЕ КАНН

Один из коисулов убит, другой в Лнитерне
Засел. От мертвых тел подиялся Авфнд. Гром
В капитолийский храм ударил. Белым днем
4 Покрылась потом медь. Все души суеверией.

Великий поитифекс иапрасио лектистерний
Устронл праздиества, и с авгуром вдвоем
В смысл книг сивиллииых виикал. Звучат кругом
8 Стенанья матерей и буйиый ропот черии.

И каждый вечер виовь, в поля, иа акведуки,
Соим жеищии и детей спешит, ломая руки,
11 Чтоб плакать жалобио в зловещей тишиие.

И все им кажется, что, над холмом горбатым
Сабииских гор, встает, весь озареи закатом,
14 Тот одиоглазый вождь иа медленном слоие.

(Валерий Брюсов)

ТРИУМФАТОРУ

На арке мраморной, о вождь, запечатлей
Дружины варваров в жестокой обороне,
И старцев под ярмом, и дротики, и брони,
4 И ростры гордые плененных кораблей.

Кто б ни был предок твой, неведомый плебей
Иль Марций, доблестью увенчанный на троне,
Все имена, и род, и титул на фронтоне
8 Глубоко высеки, страшась грядущих дней.

Уж время потрясло оружием. Тебе ли
Желать, чтоб в вечности твои дела гремели?
11 Разрушит дикий плющ трофей бессмертный твой.

И только на камнях, лежащих по откосу,
Где слава спит твоя, заглушена травой,
14 Самнитский селянин свою зазубрит косу.

(М. Рыжкина)

АНТОНИЙ И КЛЕОПАТРА

КИДН

Под солнцем пламенным, в лучах лазури ясной,
Триремой белою прорезана волна,
И далеко за ней река напоена
Куреньями кадил и флейтой сладкогласной.

На вырезном носу, откинув полог красный,
Стоит, внимательно вперед наклонена,
Дочь Птолемеева, и кажется она
Большою птицею, и хищной, и прекрасной.

Вот Тарс, где ждет ее развенчанный герой;
И руки нежные, одетые зарей,
Лагида смуглая простерла над волнами;

Она не видела, смотря в немую твердь,
Над черной быстриной играющих цветами
Божественных детей — Желание и Смерть.

(Георгий Иванов)

ВЕЧЕР ПОСЛЕ СРАЖЕНИЯ

Упорным натиском закончена борьба.
Трибуны, рыская по спутанным когортам,
Дышали воздухом отравленным и спертым;
4 Их крики медные звучали, как труба.

Считая трупы тех, кого взяла судьба,
Подобные листам, порывом ветра стертым,
Крутились пращники, влекомые Фраортом;
8 Обильный пот стекал с их бронзового лба.

Тогда-то, копьями и стрелами изъеден,
При дружном громе труб, окровавлен и бледен,
11 Сияя пурпуром и медью лат литой,

Коня вспененного задерживая шпорой,
Сам император стал, гордясь победой скорой,
14 Весь окровавленный, на туче золотой.

(Сергей Соловьев)

АНТОНИЙ И КЛЕОПАТРА

С высоких стен дворца они вдвоем глядят:
Египет спит внизу, покрытый душной мглою;
И режет Дельту Нил тяжелою волною,
4 В стремленьи на Саис не ведая преград.

И римлянин забыл походы и солдат,
Без боя взятый в плен любовью роковою;
Он тело гибкое, прильнувшее змеею,
8 Ликуя, чувствует сквозь холод медных лат.

Пред ним ее лицо белеет в прядях темных
Надушенных волос, ее зрачков огромных
11 Завороженный блеск, застывший взлет бровей...

И видит триумвир в темно-зеленом взоре
Продолговатых глаз — всю необъятность моря,
14 В их искрах — призраки бегущих кораблей.

(Инна Чежегова)

ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ СОНЕТЫ

Баньер-де-Люшон, сент. 188. . .

ОБЕТ

ILIXONI
DEO
FAB. FESTA
V. S. L. M.*

ISCITTO DEO
HUNNU
VLOHOXIS
FIL.
V. S. L. M.**

Бывало, рыжий галл, нль ибернец чериый,
Илн гаруми, с лицом, расписанным вокруг,
На мраморной плнте, нзделье дикнх рук,
4 Превозиоснлн ключ живой н благотвориый.

Поздиее цезари, смеиив Венеск иагорный,
Постронлн бассейи н рнмский акведук,
И Феста Фабия, придя иа этот луг,
8 Срывала для богов вервену н внорны.

Как в вашн времена, Искнтт н Илнксои,
Сегодня мие пропел ключей священный звои,
11 И сера все еще курнтся в иебе синем.

Поэтому, обет свершая, как Гунну́,
Сын Улоокса, я святую чту волиу,
14 В стихах сложив алтарь таниствениым богиням.

(Р. Блох)

---

* Богу Иликсону Фаб[ия] Феста д[оброаольно] и з[аслуженио] и[сполнила] о[бет].

** Богу Искитту — Гунну́ сын Улогокса д[обровольно] и з[аслуженно] и[сполнил] о[бет].

КЛЮЧ

NVMPHIS AVG. SACRVM*.

Разрушенный алтарь давно порос травой,
И безымянный ключ, не зная каплям счета,
Их звуком жалобным тревожит сумрак грота.
4 То нимфа нежный век оплакивает свой.

Пустого зеркала недвижимый покой
Не потревожит рябь от птичьего полета,
И только иногда, в ночи, его дремота
8 Оживлена с небес глядящейся луной.

Порой здесь пьет пастух, блуждающий со стадом,
И древнюю плиту на выжженном песке
11 Он окропит водой, оставшейся в руке.

Так он почтит богов наследственным обрядом,
Не видя пред собой на мраморной доске
14 Патеры жертвенной с кувшином легким рядом.

(Ада Оношкович-Яцына)

* **Божественным нимфам посвящено** (*лат.*).

БОЖЕСТВО БУК

FAGO DEO*.

Гаруми построил свой неприхотливый дом
Под буком кряжистым и сходным с крепким станом,
Где божеская мощь бежит в соку медвяном.
4 Прапрадедовский лес замкнул его кольцом.

Но вольный человек всегда добудет в нем
Мох, бурелом, зверей, которых он обманом
Умеет взять из нор иль изловить капканом,
8 Чтоб мясо их съедать и греться их руном.

В достатке прожил он, не зная бед и скуки,
И, дружески к нему протягивая руки,
11 Встречал его с работ, как сына, старый бук;

Когда ж его чело оденет сумрак вечный,
Родоначальнику гроб выстругает внук
14 Из ветви дерева, прямой и безупречной.

(М. Бронников)

* Богу буку (*лат.*).

БОЖЕСТВЕННЫМ ГОРАМ

GEMINVS SERVVS
ET PRO SVIS CONSERVIS*.

Граниты, мраморы, верховных льдов алмаз,
Морены дикого Нету́, чей ветр безмерный
Палит и мчет поля пшеницы и люцерны,
4 Леса, звенящие от птиц в полдневный час!

Долины черные, где беглецы не раз
Скрывались, предпочтя неволе мрак пещерный. —
Жилище ястреба, медведя или серны,
8 Потоки, пропасти, благословляю вас!

От тяжести цепей избавив дух и тело,
Раб Геминус алтарь рукою неумелой
11 Горам, хранителям свободы, здесь воздвиг;

И в тишине вершин, молчавших век за веком,
Я до сих пор еще как будто слышу крик,
14 В просторы брошенный свободным человеком!

(Ада Оношкович-Яцына)

* Раб Гемин [за себя] и за своих товарищей по рабству (*лат.*).

ИЗГНАННИЦА

MONTIBUS...
GARRI DEO...
SABINULA
V. S. L. M.*

По воле цезаря изгнанью предана,
Дорогой в Арднеж, к скале среди долины,
Склоняя скорбный лик и ранние седины,
4 Неспешно в сумерки приходишь ты одна.

Перед тобой опять твой дом, твоя весна,
И в белом шествии багряные Фламины;
И ты на небеса, чтоб не видать чужбины,
8 Глядишь, Сабинула, безмолвна и грустна.

Туда, где семь вершин гора подъемлет к звездам,
Отсталые орлы, летя к родимым гнездам,
11 Твой неизменный сон уносят на простор;

И, брошена людьми, надеждой не томима,
Ты молишься богам гостеприимных гор,
14 В них утешение найдя вдали от Рима.

(Студия М. Лозинского)

* Горам... богу Гарра... сабиняночка д[обровольно] и з[аслуженно] и[сполнила] о[бет] *(лат.)*.

СРЕДНЕВЕКОВЬЕ И ВОЗРОЖДЕНИЕ

ЦВЕТНЫЕ СТЕКЛА

Ты видела окно, и рыцарей, и дам,
И в радужных лучах процессии баронов,
Склоняющих верхи забрал и капюшонов
4 Перед рукой с крестом, льющей фимиам.

Когда, под звуки труб иль шелест орифламм,
Ловцы-сокольники, враги ли пышных тронов,
На Аккру шли они иль в глубь лесных притонов —
8 Охотиться на птиц иль низвергать ислам.

Но ныне спят они, владельцы и сеньоры.
Не слышно стука сеч, молчат борзые своры, —
11 Всех принял навсегда угрюмый мрамор плит.

Лежат — безгласные, ушедшие от света,
И камень их зрачков незрячих вечно слит
14 С оконной розою, не знающей отцвета.

(Д. Олерон)

ЭПИФАНИЯ

Вот Мельхиор, Гаспар и Балтазар, владыки,
Неся курильницу, и чашу, и ковчег,
Идут с верблюдами из-за холмов и рек,
4 Как бы на росписях старинной базилики.

Они, смиренные, свершили путь великий
К тому, кто в этот мир рожден, чтобы вовек
Не знал страдания ни зверь, ни человек;
8 Им держит мантию невольник чернoликий.

У яслей, где видны Мария и отец,
Они приветствуют, сияв с головы венец,
11 Дитя, довольное одеждой их порфирной.

Так в годы Августа пришли с далеких гор
Со многим золотом, и ладаном, и смирной
14 Владыки Балтазар, Гаспар и Мельхиор.

(Студия М. Лозинского)

ПЛОТНИК НАЗАРЕТА

Едва зардел зари предутренний венок
И горы синие возникли из тумана,
Иосиф, для работ с одра поднявшись рано,
4 Стругает дерево, ворочая станок.

Он трудится весь день, устал и одинок...
Но вот длиннее тень высокого платана,
Где богородица и праведная Анна
8 Сидели с мальчиком, играющим у ног.

Раскалена лазурь, и ветр не шелохнет.
Иосиф ждет, когда горячий пот просохнет,
11 И вытирает лоб, замедлив над доской.

Он жадно воду пьет из принесенной кружки,
А ученик во тьме глубокой мастерской
14 Струит опилок дождь и золотые стружки.

(Сергей Соловьев)

МЕЧ

На яблоке меча читаем: «Каликст Третий».
Тиара, и ключи, и невод, и ладья
Венчают пышностью тяжелого литья
4 Червленого быка, наследие столетий.

По рукояти плющ свои раскинул сети,
Силена резвого покрыв, как чешуя;
И столько роскоши в убранстве лезвия,
8 Что более слепят, чем ранят, грани эти.

Как будто Борджиев предвидя торжество,
Лас Сельяс выковал у горна своего
11 Сей посох пастырский владыке Ватикана;

И нам ни Ариост, ни Санназар звучней
Не скажут, чем клинок и золото чекана,
14 Блеск Александровых и Цезаревых дней.

(Студия М. Лозинского)

ХОЗЕ-МАРІЯ ДЕ-ЭРЕДІА

СОНЕТЫ

ВЪ ПЕРЕВОДѢ

ВЛАДИМІРА ЖУКОВСКАГО

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА
1899

*Титульный лист
первого русского издания «Сонетов» Эредиа.
1899 г.*

МЕДАЛЬ

Владелец Римини, викарий, подеста.
Мощь прежняя живет в его лице орлином.
На диске сумрачном, холодном и единым,
Маттео Пастисом навеки отлита.

Никто из деспотов, чья память проклята,
Будь он разбойником иль кровным властелином,
Зовись он Цезарем, Лоренцо, Эццелином,
Так не господствовал в те гордые лета.

Из первых первый он, Гисмондо Малатеста,
Обрек мечам страну от Марки до Триеста,
Любил, и пел любовь, и строил дом Христа.

Их жены, как они, горды и величавы,
И в бронзе, где цветут Изоттины уста,
Победоносный слон мнет молодые травы.

(М. Лозинский)

ПОДРАЖАНИЕ ПЕТРАРКЕ

Вы от обедни шли, и в милосердный час
Прекрасная рука убогих одаряла,
И светлый облик ваш в глубокой тьме портала
4 О рае золотом несчастным вел рассказ.

Поклоном вежливым приветствовал я вас,
Как тот, кому одна почтительность пристала,
Когда рассерженно движеньем покрывала
8 Вы скрыли от меня сиянье ваших глаз.

Но бог любви, сердцам сплетающий оковы,
Дозволить не хотел, чтоб, ясный, но суровый,
11 Ключ сострадания лишь для меня иссяк;

И вот, пока плащом вы укрывали очи,
Густая тень ресниц затрепетала так,
14 Как черная листва, где светят звезды ночи.

(Студия М. Лозинского)

НА КНИГУ ЛЮБВИ ПЬЕРА ДЕ РОНСАРА

Когда-то ие один чувствительный сеньор
В тени бургейльских рощ чертнл инициалы,
И Лувр сзывал гостей в блистательные залы,
4 Где не одну любовь зажег лукавый взор.

К чему?.. Могильный склеп над ними тьму простер...
Где страстн их, восторг, мольбы и мадригалы?..
Лежат оин, мертвы, забвенны, небывалы.
8 Кому для праха нх подиять, как прежде, спор?..

Кассандра гордая, Мария и Елена,
Прекрасные тела, вы были б горстью тлена, —
11 У лилий н у роз нет завтрашнего дня...

В стране, где свежесть волн мчит Сена и Луара,
Любовь и Славу — мирт н лавр — соединя,
14 Венчала вас рука бессмертного Ронсара.

(Д. Олерон)

ПРЕКРАСНАЯ ВИОЛА

Вы, ветров легких стая,
Что, крылья раскрывая,
Несетесь далеко...

Жоашен Дю Белле *

С балконов вдаль смотря, откуда путь видней,
К Луаре близящий Италии заливы,
Она склоняется под веткою оливы;
4 Фиалка бедная, цвести до завтра ей.

Чаруя грусть скупых и одиноких дней,
Виолу трогают ее персты, ленивы;
Туда, к неверному, несется вздох ревнивый,
8 Где гордость Рима спит меж царственных камней.

Душа покинутой — его анжуйской неги, —
Руке сопутствует в ее звенящем беге,
11 Когда тоской любви охвачена она;

И голос отдает ветрам неутомимым,
Чья ласка, может быть, помедлит над любимым,
14 Ту песнь, что он сложил на веянье зерна.

(А. Курошева)

* Перевод В. Давиденковой.

ЭПИТАФИЯ

Подражание стихотворению Генриха III

Прохожий, подходи с молитвою смиренной, —
Здесь Гиацинт лежит, сеньор де Можнрон.
Да будет дух его в блаженстве водворен.
На землю снизойдя, он спит в земле священной.

Ни брыжж носить, как он, ни шапки драгоценной
Не сможет ни один придворный и барон.
Над скорбным мрамором творил второй Мирон;
Смотри, как Гиацинт им высечен нетленный.

То Генрих пожелал, чтоб средь угрюмых стен
Прекрасный прах его бесшумный Сен-Жермен
Навеки восприял на каменное лоно.

И, память вечную судя ему в удел,
Немой и нежный знак печали Аполлона,
Сей памятник над ним воздвигнуть повелел.

(Д. Олерон)

ЗОЛОЧЕНАЯ ВЕЛЕНЬ

Живое золото, что мастер наложил
На плотный корешок и на обрез массивный,
Уж не горит, как встарь, игрою переливной:
4 Угас от времени первоначальный пыл.

И вензеля, сплетясь в тончайшей вязи жил,
Совсем стираются с велени этой дивной,
И глаз не уследит за веточкой извивной,
8 Что мастер тщательный в девизах прозмел.

Но кость слоновая прозрачна и медвяна.
Мария и Маргрет, а может быть — Диана
11 Ласкала некогда ее рукой своей.

И воскрешает желть дряхлеющей велени,
Не знаю, — прелестью каких минувших дней, —
14 Их аромата тень и душу их томлений.

(Георгий Шенгели)

ДОГАРЕССА

В палатах мраморных сошлись у колоннады
Патриции, чью мощь прославил Тииторет,
И золото цепей, ложась иа красный цвет,
4 Тяжелой пышиостью убрало их наряды.

На сииеве лагуи оии покоят взгляды,
В которых теплится гордыня древиих лет,
И широко струит веиецианский свет
8 Адриатической дыхание прохлады.

В то время, как вельмож великолепный рой
Парчой и бархатом пятиает белый строй
11 Ступеней, блещущих в сиянье утра тонком,

Оиа, иадмеииая, проходит в стороне
И, в горностаевой оборотясь волне,
14 Следит за треи ее несущим арапчонком.

(Студия М. Лозинского)

PONTE VECCHIO

Антонио ди Сандро, ювелиру

Там мастер ювелир, работой долгих бдений,
По фону золота вправляя тонко сталь,
Концом своих кистей, омоченных в эмаль,
Выращивал цветы латинских изречений.

Там пели по утрам с церквей колокола,
Мелькали средь толпы епископ, воин, инок;
И солнце в небесах из синего стекла
Бросало нимб на лоб прекрасных флорентинок.

Там юный ученик, томимый грезой страстной,
Не в силах оторвать взгляд от руки прекрасной,
Замкнуть позабывал ревнивое кольцо.

А между тем иглой, отточенной как жало,
Челлини молодой, склонив свое лицо,
Чеканил рукоять тяжелого кинжала.

(Максимилиан Волошин)

СТАРЫЙ РЕЗЧИК

Искусней мастеров Дамаска и Тавриза,
Вернее, чем Руис, Хименес, Бесеррил,
Я оправлял рубин, и жемчуг, и берил,
4 На вазах выбивал узор колец и фриза.

Эмаль, чья радугой сквозит живая риза,
Играя гибелью, я краскам покорил,
Где не Христос в крови, не Марк и не Кирилл,
8 А пьяный Вакх, о стыд! или нагая Хриза.

Я не один клинок в огонь и чернь одел.
И ради суеты богопротивных дел
11 Я душу обрекал бесовскому дурману.

И вот, когда близка последняя заря,
Я умереть хочу, подобно фра Хуану,
14 Чекания в золоте ковчег для алтаря.

(М. Лозинский)

ШПАГА

Верь, отрок набожный, достойней путь отцов!
С искрнвленным крестом, с крученой гардой шпага
Тому, в ком живы честь, решимость и отвага,
Приличией и нужней, чем римский часослов.

Возьми ее. Геракл, согрет рукой бойцов,
Незримо оживлен, как заклинаньем мага,
И снова чувствует, что огненная влага
Струится в мускулах и рвется из оков.

Взмахнн ей! Взвизгнув, сталь игрою искр мгновенной
Блеснет. Она прочна, ее закал нетленный
Из тех, что грудь пьянят спокойным торжеством;

Затем, что тело ей, одетое лучамн,
Как редкнм жемчугом убрал своим клеймом
Сам Хулиен дель Рей, король меж ковачамн.

(Студия М. Лозинского)

КЛОДИЮСУ ПОПЛЕНУ

По хрупкому стеклу, средь олова скреплений,
Писали мастера и рыцарей, и дам,
И, с шапками в руках, приученных к трудам,
4 Смиренных горожан, склоняющих колени.

Иные красками на матовой велени
Изображали рай, где обитал Адам,
Или причудливо по вазам и блюдам
8 Струили золото блестящих разветвлений.

А ныне Клодиюс, в котором вновь восстал
Ряд славных праотцов, хранивших тайны эти,
11 Свой гений заключил в незыблемый металл.

Поэтому хочу, чтоб для иных столетий
Эмаль моих стихов нетленным сберегла
14 Вечнозеленый лавр вокруг его чела.

(Студия М. Ловинского)

ЭМАЛЬ

Доска готова; печь красна. Зажги огонь.
На фольге пламенной и радужной от света,
Где краска темная пыланьем разогрета,
Блестящий порошок сухою кистью тронь.

Ты миром осенишь или оденешь в бронь
Любовника, бойца, царя или поэта?
Кем будет на дыбы под черным небом вздета
Химера злобная или небывалый конь?

Нет. Лучше заключи в слепящий круг сапфиры
Надменные черты наездницы Офиры,
И Альд, и Брадамант с воинственным челом.

И, чтобы ужас в ней сливался с красотою,
Крылатым чудищем укрась ее шелом
И охвати ей грудь Горгоной золотою.

(Студия М. Лозинского)

ВИДЕНИЯ ЭМАЛИ

В приюте сумрачном, где ропщет атанор,
Беснуется в печи огонь иеугомонный,
И, попирая все природные законы,
4 Эмаль кладет на медь роскошный свой узор

Из-под кистей моих встает, смущая взор,
Былых чудовищ сонм, искусством воскрешенный:
Кентавры, Паи и Сфинкс и детища Горгоны,
8 Пламекрылатые Пегас и Хрнзаор.

Ахиллову ли скорбь и смерть Пенфесилеи
Иль Эвридике вслед пришедшего Орфея
11 У врат Аидовых изображу сейчас?

Победу ли над псом Гераклову в Аверио
Иль деву в трепете средь полумглы пещерной,
14 Где лалом светится дракона страшный глаз?

(Бенедикт Лившиц)

КОНКИСТАДОРЫ

КОНКИСТАДОРЫ

Как вылет кречетов от их родимых скал,
Устав дырявые доиашивать кафтаиы,
Прощались с Палосом бойцы и капитаиы;
Сои героический и грубый их ласкал.

И плыли покорить тот сказочиый металл,
Которым славятся иеведомые страны;
Клоиили к Западу их мачты урагаиы,
К таинствеиной земле их гиал широкий вал.

Эпические дии им обещая вскоре,
Фосфоресцируя, тропическое море
Баюкало их сои в мираже золотом;

Иль с каравелл оии, склоиясь иа меч железиый,
Смотрели, как встают иа иебе, им чужом,
Созвездья иовые из океаиской бездиы.

(Н. Гумилев)

ИСТОЧНИК ЮНОСТИ

Хуан Понс де Леон, послушный сатане,
За долгий век познав все тайные доктрины,
Отправился искать, когда пришли седины,
Родник здоровья в неведомой стране.

Со стаей кораблей он в неотступном сне
Три года бороздил безлюдные пучины,
И вот, за мглой Бермуд, из-за мелей и тины,
Флорида выросла, подобная весне.

Тогда конкистадор, свой бред благословляя,
В сверкающей земле, у гробового края,
Стяг предков водрузил слабеющей рукой.

Старик, ты был счастлив, и ты добился права
Считать ничтожной смерть перед твоей мечтой;
Бессмертной юностью тебя венчала Слава.

(Студия М. Лозинского)

МОГИЛА ЗАВОЕВАТЕЛЯ

Среди цветов катальп н запаха камеди
В тени тюльпаиииков, под звездчатой листвой,
Он не лежнт в земле Флориды роковой,
Которая была тесиа его победе.

Простой могильный холм не ждет таких иаследий.
Над покорителем страны вечеровой
Весь Мешасебе льет тяжелый саван свой.
Не потревожат сна индейцы и медведи.

Он там, иа девствеином и иедоступиом дне.
К чему курения и катафалк в огие,
Псалмы и памятиик иадгробный, и ex-voto *?

Здесь северным ветрам, меж кипарисиых рощ
Поющим вечиый гимн, внимает в зиой и в дождь
Великая река, где спит Эриандо Сото.

(Студия М. Лозинского)

* Дары, приносимые церкви во исполнение обета (*лат.*).

CAROLO QUINTO IMPERANTE *

Он имя славное над многими вознес,
Затем, что в Новый Свет открыл пути армадам,
Когда меж островов шел Королевским Садом,
Где ветер напоен дыханьем вешних роз.

Не годы, а волна, и блеск и грохот гроз,
И в тишине морей, неведомых прохладам,
И ужас, и любовь сирены с ясным взглядом
Осеребрили смоль его густых волос.

Он торжеством покрыл Кастилью. По вселенной
Ее могущество несли его суда,
Чтоб солнце для нее не меркло никогда, —

Варфоломей Руис, меж кормчих несравненный,
В чьем родовом гербе о прошлом говорят
Ствол черный якоря и золотой канат.

(Студия М. Лозинского)

* В правление императора Карла V (*лат.*).

ПРЕДОК

Клодиюсу Поплен

То слава провела победные морщины
На сумрачном лице великого бойца,
Чей непреклонный лоб несет следы рубца,
Загар суровых битв и солнечной лавины.

Пройдя все острова, нагорья и равнины,
Везде воздвиг он крест. От крайнего зубца
Над лестницею Анд до пенного кольца
Флоридских отмелей он мчал штандарт свой львиный.

Для внуков дивными уколами иглы
На латах бронзовых, о Клод, из мутной мглы
Вновь к жизни вызови задумчивого предка.

И пусть его глаза с угрюмою мечтой
В эмали пламенной следят остро и метко
Сверканья гордые Кастильи Золотой.

(Георгий Шенгели)

ОСНОВАТЕЛЮ ГОРОДА

Устав преследовать Офир неуловимый,
В излоге берега у этих чудных вод
Штандарту короля ты даровал оплот
4 И новый Карфаген воздвиг — неодолимый.

Ты славы пожелал, навек неистребимой,
Надеясь навсегда замкнуть ее полет
В кровавой впадине, где город твой цветет;
8 Но — на песке мечта и тает точно дымы.

Лазурью дьявольской задушен, Карфаген
С дворцами черными узрел паденье стен
11 В горячечный прибой, в алканье Океана.

И только шлем хранит, о конкистадор, — твой
Свидетельство герба о грезе, солнцем пьяной, —
14 Твой град серебряный под пальмой золотой.

(Георгий Шенгели)

ЕМУ ЖЕ

Ацтеков победив, гваяков — все кругом:
Пампасы, и леса, и горы, и потоки,
Они оставили лишь зыбкие намеки:
Прозванья, титулы, — давно умолкший гром.

Лишь ты, ты основал, надменностью влеком,
У караибских вод вновь Карфаген высокий,
И там, где Атрато в Дарьен сошел глубокий,
Диск солнца красного преодолел крестом.

На острове своем меж волн пенноодетых,
Презрев года, ветра, и грозы, и людей,
Возносит город твой строй башен и церквей.

И правнуки твои чеканят на монетах
Рельефом тщательным три пальмы, что хранят
Под кроной золотой серебряный твой град.

(Георгий Шенгели)

МЕРТВОМУ ГОРОДУ

*Cartagena de Indias**
1532—1583—1697

О город, некогда венчавший Океан!
Теперь охотятся за скумбриями скаты,
Да стелет облако свой отсвет лиловатый
По рейду, знавшему все флоты дальних стран.

С тех пор, как Дрейк привел безбожных англичан,
Развалинами стен твои чернеют скаты,
И, словно жемчугом, французские гранаты
Обвили камень твой рядами темных ран.

Меж небом пламенным и морем беспокойным,
Изнемогающий под солнцем полдня знойным,
Ты думаешь, боец, о людях старины;

И в духоте ночей, томящихся устало,
Про славу мертвую к тебе нисходят сны
Под долгий трепет пальм, клонящих опахала.

(Студия М. Лозинского)

* Карфаген Индий (*исп.*).

ВОСТОК И ТРОПИКИ

ВИДЕНИЕ КЕМА

I

Полдневный жар. Горит и льется пламень белый
На изнемогший Нил, где вал свинцовый спит;
Отвесно шлет лучи слепительный зенит,
4 И беспощадный Фра в Египет мечет стрелы.

Всегда раскрытый взгляд подняв, окаменелый,
Огромный Сфинкс, в песках купая свой гранит,
Зрачком таинственным и пристальным следит
8 Взлет каменной иглы, неудержимо смелый.

Лишь черной точкою под сводом огневым
Кружат ягнятники неутомимым лётом;
11 Животных и людей дремотным клонит гнетом.

Сверкает жгучая земля, и, недвижим,
Среди равнин, где зной ликующий пылает,
14 Анубис бронзовый на солнце молча лает.

(Е. Малкина)

II

Огромная луна лучи над Нилом льет.
И содрогается. Некрополь позабытый,
Где спит под слоем смол и платами увитый,
4 В оцепенении, царей нетленный род.

Как в дни Рамзесовы, бесчисленный народ
В таинственный поток ночным безмолвьем слитый,
Толпа, тяжелая, как сонные граниты,
8 Встает, и строится, и движется вперед.

Со стен, где письмена легли цветным узором,
Нисходит шествие за кораблем, в котором
11 Солнцеводитель Ра жрецами вознесен;

И сфинксы, вдоль пути на страже с двух сторон,
Вдруг подымаются с обезумелым взором,
14 Прервав, ослеплены, тысячелетний сон.

(Студия М. Лозинского)

III

И все несметнее растет безмолвный хор.
И усыпальница покинута, пустая
И темная. С гербов взметнувшаяся стая
4 Священных кобчиков умчалась на простор.

Идут цари, народ и звери, свой узор
Вьет золотой урей, на хмурых лбах блистая;
Но губы тонкие клеймит смола густая.
8 Всех прежде боги: Гор, Хнум, Пта, Нейт, Мин, Гатор.

Затем ведет своих бог Тот Ибисоглавый,
Носящих схенти, псхент, тех, чью главу венчал
11 Цвет лотоса. Восстав, великолепье славы

Течет средн ужаса многоколонных зал,
И полная луна во мраке запустений
14 Притягивает вдаль чудовищные тени.

(Студия М. Лозинского)

ПЛЕННИК

Жерому

Далече муэдзин прервал протяжный зов.
На пеструю кайму заря небес похожа;
Ныряет крокодил, отыскивая ложе,
4 И молкнут шум реки и звуки берегов.

Скрестивши ноги, бей, во власти смутных снов,
Мечтательно курил, гашиш иглой тревожа,
И барку двигали, свои усилья множа,
8 Два негра голые на скамьях для гребцов.

Ругаясь и смеясь, у длинного кормила,
Под резкий звук зурны, взывающий уныло,
11 Веселый арнаут злорадный взор склонил;

А в лодке, связанный веревкой, в луже крови,
Седобородый шейх глядел, насупив брови,
14 Как минаретами, дрожа, играет Нил.

(Н. Сурина)

ꟷ

САМУРАЙ

Это был человек при двух саблях.

Блуждая по струнам рассеянной рукой,
Она через бамбук, пронизанный закатом,
Глядит туда, где он, залитый бранным златом,
4 Мечта ее любви, взошел на брег морской.

Он, он! Две сабли, меч и веер расписной.
Пурпуровая кисть и пояс, к медным латам
Прильнувший, как змея, багряным перехватом,
8 И токугавский щит, горящий за спиной.

В кольчужной чешуе, под бронзою и шелком,
Он, воин, кажется сияющим осколком
11 Иль тайным чудищем, исшедшим из морей.

Увидел. Гордый взгляд смеется под забралом.
Удваивает шаг. И, рея в блеске алом,
14 Над шлемом два крыла колеблются быстрей.

(Д. Олерон)

ДАЙМИО

Утро битвы.

Почувствовав бича увесистый помпон,
Воинственный скакун в нетерпеливой пляске
Ржет, и на панцыре позвякивают связки,
4 И юбка всадника гремит о медь попон.

Вождь, облаченный в лак, и в бронзу, и в крепон,
Сняв с бритого лица щит волосатой маски,
Глядит, как, снеговой на глади алой краски,
8 Вулкан взнесен к заре, венчающей Ниппон.

Но вот над блещущим и золотым востоком
Светило, радуясь об этом дне жестоком,
11 Плывет, слепящий шар, над водной синевой;

И он, не шевельнув ресниц оцепенелых,
Распластывает вдруг свой веер боевой,
14 Где солнца красный диск встает из складок белых.

(Студия М. Лозинского)

ХОЗЕ МАРИЯ ДЕ ЭРЕДИА

ТРОФЕИ

ПЕРЕВОД
Д. И. ГЛУШКОВА
(Д. ОЛЕРОНА)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД
1925

Титульный лист русского издания Эредиа. 1925 г.

ОГНЕННЫЕ ЦВЕТЫ

Век Хаоса прошел, но тысячи веков
Здесь пламенный поток взлетал из недр вулкана,
И в мощном зареве багрового султана
4 Дым Чимборасо меркнул под сводом облаков.

Теперь безмолвствует недвижный строй хребтов.
Где падал серный дождь былого урагана,
Там птица воду пьет. Покрылась пеплом рана,
8 И лаву, кровь земли, сковал тугой покров.

И все же, поздний бунт стихии побежденной,
У края пропасти, навеки охлажденной,
11 Взрывая древних скал иссохшие пласты,

Как громовой удар среди ущелий косных,
В червонном облаке пылинок плодоносных
14 Горящих кактусов вскрываются цветы.

(М. Рыжкина)

СТОЛЕТНИК

В пустынной высоте, на гребне одичалом,
Где навсегда иссяк вулкан былых времен,
Зерно, упавшее в Гвальятирийский склон,
4 Прозябло, и росток цепляется по скалам.

Ствол крепнет. В темноте, как ненасытным жалом,
Корнями жадно пьет подземный пламень он;
И солнцами ста лет взлелеянный бутон
8 Сгибает стебель свой над гибельным провалом.

Вот, мощным пестиком из глубины тесним,
Все раскалив кругом, он рвется в мертвом зное,
11 И цветень кружится сияньем золотым;

И пурпурный цветок гигантского алоэ,
Для брака, звавшего его во тьме годин,
14 Прожив столетие, цвел только день один.

(М. Рыжкина)

КОРАЛЛОВЫЙ РИФ

Под волнами заря текучий ток металла
Меж водорослями струит на теплом дне.
Живая флора там, в лагунной тишине,
4 С цветущей фауной дыхание смешала.

И ржавый йод и соль легли оттенком лалла
На анемон и мох, что кроют в глубине,
В сгущенно-пурпурном мерцающем огне,
8 Червивые стволы звездчатого коралла.

Сверкая чешуей, как жидкая эмаль,
Там рыба грузная сквозь голубой хрусталь,
11 Дремотствуя, плывет, — сверкающее чудо, —

И вдруг, внезапно взвив свой огненный плавник,
Ныряет. И в воде угрюмой в этот миг
14 Бежит дрожь золота, огня и изумруда.

(Георгий Шенгели)

ПРИРОДА И МЕЧТА

АНТИЧНАЯ МЕДАЛЬ

Все блещет пурпуром и золотом кистей
На Этне виноград, пьянивший Феокрита,
Но слава тех, кого он пел, давно забыта,
И что их красота поэтам наших дней!

Утратив тонкость лба и чистоту бровей,
Лилея Аретуз ложилась под копыта,
Смешав в своей крови, в чужих гаремах скрыта,
Надменность древних рас и дикий гнев степей.

Века идут. Все прах. И умолкают музы.
Великий Агригент лишь тень, а Сиракузы
Покрыла саваном небесная эмаль,

Но серебро хранит упрямых душ посевы, —
Сквозь темные века доходит к нам медаль
С бессмертным профилем сицилианской девы.

(Всеволод Рождественский)

ПОГРЕБЕНИЕ

В Фокиду, в славный храм, что стережет вершина
Скалистого Пифо, одетого грозой,
Когда идет за Стикс аттический герой,
4 Эллада в трауре сопровождает сына.

И если лунная оденет паутина
Залив, архипелаг или утес пустой,
У мрамора могил над пенной крутизной
8 Внимает тень его прибою Саламина.

Мой старческий конец томителен и груб:
Тяжелая парча, похолодевший труп,
11 Заупокойных месс кадила и лампады,

А я готов мечтать о доблестной судьбе —
Как солнце догореть и память о себе
14 Оставить юношам и девушкам Эллады.

(Всеволод Рождественский)

СБОР ВИНОГРАДА

Нестройиая толпа работавших людей
Затишье вечера весельем огласила,
И жеищииы, гурьбой сойдясь вокруг точила,
Мешали смех и крик с иапевами полей.

Такою же зарей, под сиегом лебедей,
У скал, дымящихся, как рдяиые кадила,
К меиадам Наксоса критяика подходила,
И, пьяиый кровью лоз, встречал ее Лиэй.

Бессмертиых и зверей прекрасиый победитель,
Уже лучистый тирс ие вскиивет укротитель,
Ярмо цветочиое паитерам иаложив.

Лишь осеиь, солица дочь, в дии сбора виикограда
Сжимает золото и чериь волос и грив
Багряиой веткою аитичиого обряда.

(В. Лейкина)

СЬЕСТА

Не слышен нн жуков, ни пчел докучный гуд,
И дремлет каждая в лесу нстомном ветка,
Где тесиая листва роняет солице редко
4 На бархатного мха прохладный изумруд.

Деиь ослепительиый струится в мой приют,
Произая темный свод, сквозистый, как беседка,
И стелется, цветясь, мелькающая сетка,
8 Которую лучи моей дремоты ткут.

К огиистой сииеве, сияиием сплетенной,
Смолистым запахом и светом опьяиеииый,
11 Рой пышиых бабочек иесется с высоты;

И я тянусь рукой за иитями без счета,
Чтоб в золотнстые, воздушиые теиета,
14 Ловец гармонин, замкиуть свои мечты.

(В. Лейкина)

БРЕТОНСКОЕ МОРЕ

Эммануэлю Лансье

ХУДОЖНИК

Он понял, чем велик задумчивый народ,
Бретани глыбистой владетель первородный,
Равнины розовой, и серой, и бесплодной,
Где замки точит плющ, сплетаясь в темный свод.

С обветренных холмов, где в корчах бук растет,
Он видел, осенью суровой и холодной,
Как тонет красное светило в бездне водной,
Ему плескал в лицо соленых брызгов взлет.

Вглядевшись в Океан, огромный и лучистый,
В котором облако рождает аметисты,
Недвижный сапфир и пенный изумруд,

Он уловил волну, и тень, и час летучий,
И на его холсте вовеки не умрут
Над зеркалом песков пылающие тучи.

(Студия М. Лозинского)

БРЕТАНЬ

Чтоб радостная кровь покончила с разладом,
Пусть, в брызги разметав соленую струю,
Порыв Атлантики наполнит грудь твою,
4 Весь в бурунах, Арвор твоим предстанет взглядам.

Уж вереск заалел по каменистым грядам.
Здесь мудрых карликов и демонов семью
По скалам сторожит в прадедовском краю
8 Недвижный человек с недвижной вещью рядом.

Приди. Перед тобой, венчая дальний мыс,
Подымется во мгле, нетленный кипарис,
11 Менгир, поставленный когда-то над героем.

И Океан, где спят, заросши с давних пор,
Сластолюбивый Ис и гордый Оксимор,
14 Смирит твою печаль прибоя мерным строем.

(Студия М. Лозинского)

FLORIDUM MARE *

Разлившись по холмам, курчавый сенокос,
Волнуясь и шумя, стекает вниз со ската;
И профиль бороны схож с остовом фрегата,
В далекой синеве поднявшим черный нос.

Лиловый, розовый, то медь, то купорос,
То белый от валов, бегущих, как ягнята,
Громадный Океан, под пурпуром заката,
Лежит весь в зеленях, как луговой откос.

И чайки, следуя за мчащимся приливом,
На золотую зыбь, идущую по нивам,
Крутясь и радуясь, бросались с вышины;

А ветерок, дыша медвяным ароматом,
Рассеивал, летя, в беспамятстве крылатом
Воздушных бабочек по цветникам волны.

(М. Бронников)

* Цветущее море (*лат.*).

ЗАХОДЯЩЕЕ СОЛНЦЕ

Цветы утесника, как золото, легли
По гребням каменным, горящим в свете алом;
А там, еще блестя широкопенным валом,
4 Бескрайный Океан шумит окрай земли.

Здесь, подо мною, ночь, безмолвье. Журавли
Умолкли, человек в жилье укрылся малом;
И только благовест, блуждающий по скалам,
8 С пустынным гулом волн сливается вдали.

Тогда, как будто бы из глубины бездонной,
С полей, с откосов, крик восходит отдаленный
11 Отсталых пастухов, ведущих скот домой.

Огромным сумраком весь горизонт объяло,
И день багровое склоняет опахало
14 В закатных небесах, цветущих пышной тьмой.

(Студия М. Лозинского)

MARIS STELLA *

Все вместе, женщины, окончив день труда,
В крахмаленных чепцах, в плащах из грубой ткани,
Став на колени в ряд у побережной грани,
4 Глядят, как пенится вкруг островов вода.

Отцы, и сыновья, и милые, туда,
И с ними рыбаки со всех концов Бретани,
Ушли на промысел в открытом океане.
8 Быть может, многие простились навсегда!

Над шумом берега и над морским простором
Молитвенная песнь взывает скорбным хором
11 К спасительной звезде, надежде моряков;

И благовест, клоня их лбы в загаре медном,
От Сен-Мелен в Морле до Нотр-Дам в Роскоф
14 Возносится, звенит и тает в небе бледном.

(Студия М. Лозинского)

* Звезда морей (*лат.*).

КУПАНИЕ

И человек, и конь, как дивный зверь Эллады,
Средь пены хлещущей и солнечной пыли,
Под небом пламенным в морской простор вошли,
4 Нагие, сильные, не ведая преграды.

И буйный жеребец, и вольный всадник рады,
Вдыхая соль зыбей и ветра издали,
Ждать, чтобы тело им с налету обожгли
8 Седой Атлантики холодные громады.

Волна вздымается, бежит, встает стеной,
Упала. Он кричит. Тот ржет, и хвост могучий
11 Взметает синих брызг сверкающие тучи.

И, дикие, они, в лазури золотой,
Поднявшись на дыбы, встречают грудью черной
14 Косматые бичи пучины непокорной.

(Студия М. Лозинского)

НЕБЕСНЫЙ ГЕРБ

Когда эмаль небес лазурно глубока
И пламенный закат слепящим пышет горном,
Смотрю, как пурпурным, серебряным и черным
Чертят небесный герб живые облака.

Там вся геральдика подвижна и легка:
И лев, и змей, и барс с извилистым ликорном,
И плен в сплетенье тел причудливо-узорном,
И чудищ вольный бег под вздохом ветерка.

Я знаю, этот щит в краю необозримом,
В бою архангела с мятежным серафимом
Небесный сюзерен на недругов воздвиг.

Как рыцарь, бившийся в сраженьях при Босфоре,
Он на щите своем несет, архистратиг,
Диск солнца золотой на ярко-синем море.

(Д. Олерон)

АРМОР

Чтобы дойти до Раз, дорогой на Трогор
Меня повел пастух, как древний бард, лохматый,
И мы кимрийских трав вдыхали ароматы
4 В полях, где стелет дрок желтеющий ковер.

Мы шли; уже закат свой пурпур распростер,
Когда в мое лицо хлестнул порыв крылатый,
И спутник, оглянув унылые раскаты,
8 Сказал с протянутой рукой: «Sell euz ar-mor!»*

И я увидел там, за вересковой чащей,
Огромный Океан, весь в бурунах, кропящий
11 Зеленой солью вод граниты черных скал;

И сердцем я вкусил, в пустынном кругозоре,
Который к западу пред ночью отступал,
14 Безумный хмель пространств и ветра на просторе!

(М. Лозинский)

---

* **Вот море!** *(кельтск.)*

ПРИЛИВ

Снопы лучей горят, недвижны и белы.
От Раз и до Пенмарк весь день дымятся кручи,
И, споря с бурею, лишь чаек полк рыскучий,
От ветра всклоченный, кружит средь влажной мглы.

В порыве ярости, за строем строй, валы
Мутно-зеленые, под гривой пены летучей,
С тяжелым грохотом рассеиваясь тучей,
Венчают гребнями далекие скалы.

И я крылатых дум не превозмог свободы,
Мечты, стремления, растраченные годы
Исчезли, только скорбь не унеся с собой.

Как брату, Океан мне вторил бесконечный,
Затем, что тот же крик, который шлет прибой,
Восходит от людей к богам, бесцельно вечный.

(Студия М. Лозинского)

МОРСКОЙ ВЕТЕР

Зима раздела степь и берег одичалый.
Все умерло. Лишь там, где бьет в кремнистый склон
Волн атлантических неутомимый гон,
4 Последний лепесток трепещет, запоздалый.

Но тонкий аромат сюда, на эти скалы,
Струей воздушною от моря занесен,
И сердце теплотой переполняет он;
8 Откуда он летит, тот запах небывалый?

Я узнаю его. Он с запада, где спят
Гаити сияя и знойный Тринидад,
11 Не в силах превозмочь слепящее сиянье;

И на кимрийские поля, издалека,
С родными ветрами ко мне лилось дыханье
14 В садах Америки расцветшего цветка.

(Ада Оношкович-Яцына)

РАКОВИНА

Во мгле каких зыбей, скажи мне, сколько зим
(Не знай их никогда, дитя морского вала!)
Твой хрупкий перламутр пучина обвивала
4 И странствовала ты по безднам голубым?

Теперь вдали от воли твой остов недвижим.
На золоте песков покой ты призывала.
Напрасно! Зов морей, как дальний зов кимвала,
8 Поет в тебе тоской, ничем не укротим.

Как ты, душа моя — певучая темница.
Как в завитках твоих, вздыхает в ней цевница
11 Напевной жалобой давно минувших дней.

Протяжный и глухой, но вечно непрерывный,
Там, в сердце, полном грез и памятью о Ней,
14 Далекий ропщет гул, мятежный и призывный.

(Д. Олерон)

КРОВАТЬ

Под бархатным шатром иль завесью кумачной,
Безрадостна, как склеп, иль, как гнездо, нежна,
Она дарует жизнь, любовь и сладость сна
Младенцу, старику, жене и новобрачной.

Под миртой иль крестом, святой росой прозрачной
В дни свадеб и смертей не раз окроплена,
Началу и концу свидетелем она,
От утренней зари до свеч разлуки мрачной.

Простая, тесная иль гордая красой
Цветного полога с расшитой полосой,
Из тополя, сосны иль дуба редкой стати, —

Блажен, кто может спать, от всех сует вдали,
В почтенной, вековой, прадедовской кровати,
Где предки родились и мирно отошли!

(Студия М. Лозинского)

СМЕРТЬ ОРЛА

Орел, перелетев за снеговые кручи,
Уиосится туда, где шире небосвод,
Где солнце горячей средь голубых высот,
4 Чтоб в мертвенных зрачках зажегся блеск колючнй.

Он подымается. Он пьет огонь летучнй.
Все выше мчит его торжественный полет,
Навстречу полымям, куда гроза влечет;
8 Но молния, разя, ударнла сквозь тучи.

И, бурей уиосим, разлитый пламеиь ои
Глотает, кружится, и крнк его смертелен,
11 Он в корчах падает в бездонный мрак расселин.

Блажен, кто вольностью иль славой увлечен,
В избытке гордых снл пьянея вдохиовенно,
14 Так ослепительно умрет и так мгиовеино!

(Ада Оношкович-Яцына)

PLUS ULTRA *

Осилил человек и львиный край, и тот,
Где змеи ползают, и тот, что дышит ядом,
И пеной золотой, бегущей вслед армадам,
Встревожил гад морских в пучине синих вод.

Но дальше, чем Мальстрем, и нерушимый лед,
И мрак Шпицбергена, объятый вечным хладом,
В прибое теплых волн, встающих ряд за рядом,
Пловца на полюсе безвестный остров ждет.

Идем! Я путь найду по льдистым переправам,
Затем, что смелый дух наскучил легким правом
Гордиться именем твоим, конкистадор.

Вперед! Я поднимусь на снеговые главы,
Чтоб море, для других немое до сих пор,
Баюкало мой слух широким гулом славы.

(М. Рыжкина)

* За пределы (*лат.*).

ЖИЗНЬ МЕРТВЫХ

Поэту Арману Сильвестру

Когда поставят крест над нашим вечным кровом
И прорастет земля могильною травой,
Ты возродишься вновь в лилее снеговой,
А я взойду из тьмы шиповником багровым.

И Смерть, воспетая твоим нетленным словом,
Путем, не прерванным ни звуком, ни молвой,
На крыльях бархатных, пустыней мировой
Нас, убаюканных, помчит к созвездьям новым.

И к солнцу возносясь, в его живом огне
Наш дух расплавится и канет в глубине
Неведомых блаженств пылающего мира,

Меж тем как будут жить вовек поэт и друг,
Затем, что слава их введет в священный круг
Теней, что братская соединила Лира.

(Т. Владимирова)

ТРАГИКУ Э. РОССИ

После чтения Данте

О Росси, я видал, как, Гамлета двойник,
Ты сердце истомил Офелии несчастной
И, тигр, свою любовь и боль смирить не властный,
Ты роковым платком душил безумный крик.

Ты был Макбет и Лир, и я в слезах поник,
Когда, в последний раз, дитя Вероны страстной,
Ты целовал уста Джульетты безучастной.
Но раз ты подлинно был страшен и велик.

Затем, что я вкусил восторг и трепет жгучий
Внимать тебе в тот день, когда тройных созвучий
Твой голос золотой будил железный лад;

И, в красном отсвете подземного предела,
Я видел, — вся душа во мне похолодела, —
Как, встав из гроба, Дант произносил свой Ад.

(Студия М. Ловинского)

МИКЕЛЬАНДЖЕЛО

Да, мука мрачная его будила труд,
Когда, покинув Рим, забывший о святыне,
Пророков и Сивилл он создавал в Сикстине
И на глухой стене — неотвратимый Суд.

Он слышал, как в душе, упорные, зовут —
Титан, прикованный к трагической вершине, —
Честь, Слава и Любовь, поруганные ныне;
Он знал, что смертно все и сновиденья лгут.

Зато его рабы в объятьях горной жилы,
Гиганты, бледные от непомерной силы,
Как странно выгнулись они, оцепенев;

И в хладном мраморе, где спит его тревога,
Как яростно кипит неукротимый гнев
Слепою косностью окованного бога!

(Студия М. Лозинского)

РАЗБИТЫЙ КУМИР

Его жалея, мох глаза ему закрыл:
Тут, в лес глухой смотря, все ждал бы он тоскливо,
Чтоб дева вновь к нему с дарами шла стыдливо,
4 Как в славной той стране, где он межи хранил.

Зеленый хмель теперь его всего обвил
И у разбитого кумира прихотливо —
Будь он Сильван иль Фавн, Гермес иль Пан
блудливый —
8 Рогами над челом побеги отрастил.

Гляди же! Луч косой, лицо его лаская,
Подобье взора вдруг придал слепым глазам,
11 А дикий виноград, как губы, рдеет там...

И легкою игрой, на миг, листва лесная,
Вечерний ветерок и солнце — из него,
14 Из камня, сделали живое божество!

(П. Д. Бутурлин)

ROMANCERO*

ПОЖАТЬЕ РУК

Исполнен черных дум, он заперся в жилище,
Славнее Иньиго и выше Абарка,
Диего Лаинец забыл о сне и пище,

С тех пор, как графская надменная рука
Воздвиглась на него, нанесши оскорбленье,
И опозорила седины старика.

Томительная мысль, что дружеское мненье
Простит ему позор, как смертный яд змеи,
Терзала гордый ум и гнала утешенье.

Призвал он сыновей: «Ко мне, сыны мои,
Мой Санхо-первенец, и мой Альфонсо смелый,
Манрико, радость дев, и юный мой Рюи!»

Слабея, он дрожит, больной и снежно-белый.
Затем, собрав с трудом остаток прежних сил,
Сжал руки сыновьям рукой оледенелой.

---

* **Собрание испанских народных песен-романсов** (*исп.*).

И Санхо: «Больно мне, — в смущенье возгласил, —
Пусти!» — Альфонсо вслед: «Покорствуя измлада,
Какой виной, отец, я кару заслужил?»

Манрико ж: «Господи, я слышу муки ада:
Ты ногти мне вонзил в ладони до кости!»
Диего сыновей не удостоил взгляда.

Бессильный в руки их свой жар перенести,
Он к младшему идет, отчаяньем спаленный,
Готовый прошептать: «Навеки, месть, прости! ..»

Он к младшему идет и с силой исступленной,
Объятья грозные пред мальчиком раскрыв,
Стремится сокрушить сосуд незакаленный.

Он руки хрупкие — слабеющий порыв! —
С надеждой слабою меж пальцев зажимает:
Рюи стоит пред ним, очей не опустив.

Трепещут мускулы, в глазах огонь пылает,
Как сталь, ужасные смыкаются тиски,
И крик в устах Рюи с хрипеньем замирает.

«Отец мой, если ты не выпустишь руки,
Клянусь, я в грудь тебе вопьюсь без сожаленья
И печень изорву зубами на куски!»

И старец слезы льет, исполнен умиленья.
«О, сын моей души, Родриго дорогой,
Ты воскресил меня порывом исступленья!»

И сыну он открыл с пылающей тоской,
Как гордый граф ему нанес удар позорный.
Затем он обнажил дрожащею рукой

Заветный свой клинок с насечкою узорной
И, набожно к устам приблизив рукоять,
45 Благословил Рюи на подвиг ратоборный.

«Восстань, Рюи Диац, и выступи на рать,
И пусть твоя рука сменит мой бранный холод:
48 Наш род повержен в прах, иди его поднять».

49 И граф был через час рукой Рюи заколот.

(Д. Олерон)

МЕСТЬ ДИЕГО ЛАИНЕЦА

В тот вечер за столом Диего Лаинец
Сидел с вассалами немой, с недвижным взглядом,
При тусклом блеске свеч бледнее, как мертвец.

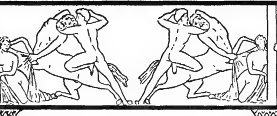
И трое сыновей сидело тут же рядом.
Он ждал: ужель Рюи погибнуть суждено? ..
И в грудь его тоска вливалась смертным ядом...

В серебряных ковшах горит огнем вино,
И кортик стольника лишь ждет распоряженья,
Но блюда пышных яств стоят, застыв давно,

И старый гранд сидит, затихнув без движенья.
Не видя трапезы, он «резать» не сказал.
Он мыслью далеко: он слышит шум сраженья.

Никто безмолвия нарушить не дерзал,
И, сидя за столом безгласно бледным хором,
Не тронул яств ни сын, ни рыцарь, ни вассал.

Куда бежать картин, представших слабым взорам!
Сомкнуть глаза... Все, все погибло навсегда.
Родриго пал, а он... он жив с своим позором...

ხოზე-მარია დე ჰერედია

ტროფეები

თარგმნილი ფრანგულიდან
მიქელ პატარიძის მიერ
წინასიტყვაობით-შენიშვნებით

გ-ბა «ფედერაცია»
1936

*Титульный лист
первого грузинского издания «Трофеев».
1936 г.*

Он жив для вечного бесчестья и стыда,
И тени прадедов, не ведавших упрека,
Швырнут ему упрек в день Страшного Суда.

Сраженное рукой безжалостного рока,
Где имя гордое, достойное царей?..
Мертво... И мертв Рюи, сраженный раньше срока...

«Отец, открой глаза, взгляни сюда скорей!
Как скуден этот пир без дичи настоящей!
Я нынче шел на лов без гончих и псарей

И вепря дикого убил тебе средь чащей.
Возьми его, отец!» — И мертвую главу
Рюи за волосы поднял рукой дрожащей.

Диего Ланнец восстал, подобен льву:
«Ты ль, граф? Застывший смех и взор твой дерзновенный
Ужель воистину я вижу наяву?

Да, он! О, как зажат в зубах язык надменный!
Он речь в последний раз проклятьем заключил,
И нить ее пресек клинок благословенный!»

Качался мертвый лик, и кровь отверстых жил
Под страшной головой чернела сгустком алым.
И кровью той старик ланиту омочил.

«Родриго! — прогремел призыв его по залам: —
О сын моей души, о вестник торжества!
Отца, сраженного позором небывалым,

Ты расковал! А ты, проклятая глава, —
Пускай моя рука, упившись местью страстной,
45 Восстановит мои попранные права!»

И он пощечину нанес главе ужасной:
«Вы видели, он жизнь вдохнул мне снова в грудь!
48 Руи, воссядь за стол, владыка полновластный!

49 За эту голову — главою в доме будь!»

(Д. Олерон)

ТОРЖЕСТВО СИДА

Открыт дворцовый вход, расцвечена веранда.
Со всею пышностью блистательных царей,
В толпе своих вельмож выходит Дон Фернандо.

С полей, из мастерских, таверн, монастырей
Стекается народ ликующей волною,
И сонмы жен у всех балконов и дверей.

В Замору возвратил увенчанный войною
Родриго де Бивар, отважный паладин,
Защитников креста, теснимого луною.

Все пало, покорясь грозе его дружин:
Где конь его скакал, там вились ураганы,
И в ужасе бежал неверный сарацин;

Где меч его звенел, разгромленные страны
Дымились позади, как пламенный костер,
От эбрских берегов до тихой Гвадианы.

Он вел теперь с собой на муки и позор
Пять пленников-царей, закованных и бледных,
Он, юный де Бивар, о, Сид Кампеадор!

То был Рюи Диац. С мечом, в доспехах медных,
В забрале со щитом на блещущей броне,
В Замору он вступал при возгласах победных.

По улицам герольд промчался на коне:
«Король!» — Могучий клич взметнулся буйным
шквалом,
В испуге вороны забились в вышине.

И вот, при звуках труб, в плаще кроваво-алом,
Фернандо со двором, торжествен и велик,
Предстал глазам толпы под мраморным порталом.

И снова весь окрест потряс могучий крик.
Идет! Вдруг перед ним, прорвав цветник
придворных,
Явилась женщина. Ее суровый лик

Был бледен. Дикий взор горел. В одеждах черных
Дышала тяжко грудь, и золото волос
Блистало волнами извивов непокорных.

«Месть! Мой отец убит! Он честно долг свой нес.
И верно защищал испанскую корону!
Я жду, чтоб ты свой суд убийце произнес!

Ужель я короля рыданьями не трону,
Ужель король молчит в угоду палачу?
Иль больше места нет ни правде, ни закону?

Устала я молить и к правому мечу
Взывать о действии... Король, склонив колена,
Я с гневом и мольбой на весь народ кричу:

Месть! Месть! Иль суд у нас — бесправье и измена!
Смотрите, вот злодей!» — Как шумная волна,
Промчалась по толпе: «Дочь Гормаса, Химена!»

Когда, как Высший суд, прекрасна и гневна,
В упор на юного Рюи Кампеадора
Карающей рукой уставилась она.

И все увидели, как два прекрасных взора —
Прозрачный изумруд и уголь огневой —
Скрестились, как клинки, в пылу немого спора.

Король безмолвствовал пред встречей роковой,
Не зная, что решить, исполненный смущенья,
Колеблясь между той и этой стороной.

Молчал. И весь народ в молчанье ждал решенья.
Молчал, рассеянно из-под бровей седых
Глядя на строй полков и блеск вооруженья.

Кампеадор стоял, бесстрастен, горд и тих.
Змеилась конница, бряцали бригандины,
Сверкала сталь мечей и копий золотых.

Развитый, зеленел священный стяг Медины,
Под ним влачили цепь пять пленников-вождей,
Эмиров, взятых в плен у Мирамамолины.

Горели белизной двенадцать лошадей
И черный негр держал разбитые литавры.
«Он мстил и, мстя, убил, и, значит, он — злодей.

Враги Кастилии, пред ним склонились мавры.
Я должен разрешить, суровый судия:
Убийце — все же казнь; герою — все же лавры!»

И долго медлил он и, думу затая,
Скользил по бороде медлительной рукою.
Потом сказал: «Пусть так. Довольно, дочь моя!

Не бойся, встань с колен и слез не лей рекою!»
И руку девушки учтиво он берет.
«Я скорбь твою уйму и сердце успокою.

Да, дорог мне Бивар, могучий наш оплот,
Но ты, дитя мое, по праву так сурова.
Возьми ж, веди его сама на эшафот!

Скажи, — и он умрет: секира уж готова».
Рюи Диац взглянул, суровый, как скала,
И замерла она, не вымолвив ни слова.

Нет, ей не осудить победного чела
И глаз, исполненных бесстрашного сиянья.
Она, не вымолвив ни слова, замерла.

Она не дочь того, кто жаждет воздаянья,
Увы, уже не тот огонь ее ланит, —
Не гнева, а стыда и робкого признанья.

«Граф душу испустил — пусть бог ее хранит! —
Под шпагой мстителя, кто движим был любовью
К отцу, чей род велик и честью знаменит.

Диего Лаинец был чист по родословью,
Не меньше королей блистая, как кристалл:
Он равен древностью с твоею готской кровью.

Казни ж! Или прости, чтоб род ваш общим стал,
Чтоб с древним Гормасом Лаин соединился
И новым отпрыском расцвел и заблистал.

Скажи, — я отпишу, чтоб дом ваш утвердился:
Салданью, Бельфорад и Каррьяс дель Кастиль».
99 Молчанье. Он над ней с улыбкой наклонился:

«Мне вспомнилась одна схороненная быль:
А кто та девушка, кто с детства неизменно
102 Мечтала о Рюи? Кто плакала? Не ты ль?»

103 И дрогнула в его руке рука Химены.

(Д. Олерон)

ЗАВОЕВАТЕЛИ ЗОЛОТА

ЗАВОЕВАТЕЛИ ЗОЛОТА

I

С тех пор, как Бальбоа с дружинами впервые
Расчистил путь коню сквозь чащи вековые,
И — девственных земель подоблачный барьер —
Победно одолел ущелья Кордильер,
И вторгся в мрачные истмийские пределы,
И там, где сеет смерть губительные стрелы
Сырым дыханием тропических марем,
И над сапфиром бездн, не знаемых никем,
Суровые главы гранитных великанов
Хранят границы двух великих Океанов,
У пены новых вод воздвиг свой бранный стяг, —
С тех пор зажглись сердца скитальцев и бродяг
Пленительной мечтой, по следу орифламы
Вступая в тайные убежища Панамы,
На пышных берегах неведомых морей,
Во исполнение преданья старых дней
О золотой стране, где будет всем награда,
Открыть завещанный от предков Эльдорадо,
В безвестной глубине горячих поясов
Пленить могучих дев, властительниц лесов,
Мифической поры воительниц суровых,

Низринуть капища богов быкоголовых
И воссоединить, как древние цари,
Народы Сумерек с народами Зари.

И знали храбрые, что только бы ветрилы
Домчали их туда, а там хризобериллы
Таятся под землей в томительном плену,
Там клады царственных некрополей Зенý
И храмовых руин серебряные глыбы
Теснятся в золотых ущельях Добоибы;
Что только бы, держась индийского пути,
От Пряных островов подняться и пройти
За страны, где, пробив серебряные своды,
В глубокой пропасти кипят Живые Воды, —
А там уже в огнях небесной синевы
Возносят под зенит волшебные главы
Хребты из бирюзы и пики из сапфира:
Там сказочный предел блаженного Офира.

Когда, отвергнутый завистливой судьбой,
Сам Васко Нуньец пал, ответив головой
За то, что преступил заветные границы,
Отважных витязей залетные станицы,
Сменяя павшего, навстречу смерти шли
На поиски чудес неведомой земли:
В долины темных сьерр, на каменные пики,
Под девственную сень сельвасов Коста-Рики,
Песками, топями и шумным бегом рек
Прокладывал себе дорогу человек,
Победно вознося кастильские знамена;

А там, под бурями иного небосклона,
Преследуя один блистательный мираж
Боролся с волнами упорный экипаж

И, глядя лишь вперед, не слышал ни лишений,
Ни мелей, ни песков, ни рифов, ни крушений
И правил по валам зияющих пучин
Тугие паруса неверных бригантин
От скал Верагуа туда, туда, далеко,
К восточным берегам, где желтый Ориноко,
Вздуваясь от дождей и грозных непогод,
Бушует в льяносах потопом тяжких вод
И, лихорадочный, пятидесятиглавый,
Под небом, дышащим губительной отравой,
Ввергает в океан свой яростный разлив.

Меж тем, в другой конец исканья устремив,
Со стами рыцарей Пасквале Андогойя,
Мечтатель молодой, не знающий покоя,
За Гольфом, где бурлит Великий океан,
Объехал южный мыс, дополнил старый план
Жемчужным островом, неведомым дотоле,
И поднял паруса, гордясь счастливой долей
Впервые углубить в незнаемый предел
Торжественный полет тяжелых каравелл.
Когда ж, достигши всех земных и водных граней,
За десять месяцев томительных скитаний,
Средь опасностей, от гибели стократ
Спасаясь, потеряв три четверти солдат,
Больной, истерзанный, с остатками отряда,
Отчаявшись достичь убежищ Эльдорадо,
Несуществующей, мифической земли,
Пасквале повернул обратно корабли, —
Ужасен в гневе был Педрариас д'Авила,
И тех, кого молва в Панаму заманила, —
Идальго, поселян, простых и знатных, — всех
Поверг в отчаянье нежданный неуспех.

И вот, за новыми победами сеньоры
Пошли на Мехико, за северные горы,
Туда, где новое их ждало торжество,
А не имевшие с собою ничего,
Которые пришли к прибрежьям Дариена,
Чтоб только вырваться на родине из плена
Докучного труда и рабской нищеты,
Лелея впроголодь лишь сладкие мечты,
Да рваные плащи, да дремлющие шпаги, —
Хотя и добрые матросы и бродяги, —
Остались созерцать пустыню шумных вод,
И ждали смелого, который соберет
И двинет их в поход, — в неведомые дали.

II

Медлительной чредой два года истекали,
Когда один солдат, неведомый Франциск
Пизарро, наконец рискнул (и этот риск
Стяжал ему потом маркизскую корону):
Просил он под свою команду галиону,
Чтоб снарядить ее и с горстью моряков
Пуститься в океан от скудных берегов
Пуэрто Пинаса; но просьба получила
Решительный отказ: Педрариас д'Авила
Считал, что при таких условьях чересчур
Безумно толка ждать от разных авантюр,
Что долго он терпел и больше не согласен
Безропотно смотреть, как ради всяких басен
Напрасно льется кровь испанских бранных сил,
Что до сих пор ему никто не приносил
Из мангровых лесов, стоящих дикой чащей,
Ни славы, ни побед, ни пользы настоящей,

Что как ни далеко ходили корабли,
Им, вместо берегов заманчивой земли,
Встречались на пути лишь бурные преграды,
И после долгих мук безумцы были рады
Дойти в живых назад, мечту свою кляня.

Отказ не охладил упорного огня:
Готовый разделить триумф и пораженье,
Альмагро к путникам примкнул; на снаряженье
Фернандо Лука дал им золото, и вот
В слепой ноябрьский день (был тысяча пятьсот
Двадцать четвертый год), на утлой бригантине
Со стами рыцарей, доверившись пучине,
Пизарро в первый раз направил путь туда,
Куда звала его счастливая звезда.

Он смело в даль смотрел... Увы, уже начало,
Казалось, все его надежды развенчало:
Поднялся ураган; в завесе бурной мглы
Запенились горой чернильные валы,
И, зевы пропастей до грунта разверзая,
В громовом грохоте, пучина грозовая
Летучие столбы взметнула в небеса;
Смывало якори, срывало паруса,
Убогое судно без мачт и такелажа
Неслось, как зыбкий плот, и вопли экипажа
Сливались с воем волн; запас воды иссяк
И вышел провиант, когда сквозь черный мрак
Одиннадцатый день томительной дороги
Лучами просиял и на берег отлогий
Пизарро высадил измученных солдат.
Сбегая вплоть к воде под чуть заметный скат,
Сплетались манглии; их корни-великаны,

И кружево ветвей, и цепкие лианы,
И листья странные, и странные цветы
Клубились хаосом могучей красоты;
А там, за чащами, за гранью тайных линий,
Куда бежал подъем, сливаясь с далью синей, —
Не там ли счастье ждет усталого пловца?!

Глухая топь кругом тянулась без конца...

Шел дождь. В сырых парах, смертельно ядовиты,
Курились берега; голодные москиты
Певучим облаком вились; исступлены,
Солдаты в порослях гниющей низины
Топтали в ужасе рептилий незнакомых,
Гигантских пауков и странных насекомых
И, с тайным трепетом дыханье затаив,
Смотрели: упадал бушующий прилив,
И с тинистых лагун, струящих трупный запах,
Сверкая чешуей, на вывернутых лапах
Влачился к берегу чудовищный кайман;
Когда ж настала ночь и мглистый пал туман
Миазматическим дыханьем теплой влаги,
И, тихо отложив беспомощные шпаги,
Закутавшись в плащи, дрожа, полуживой,
Насытясь листьями и перечной травой,
Отряд в тяжелом сне забыл свои мытарства...
Над этим воинством ненайденного царства
Неслышным трауром летучих покрывал
Вампиры реяли, и тот уж не вставал,
Кто был запечатлен косматым поцелуем.

Увидевши, что здесь конец их неминуем,
Солдаты подняли мятеж и, распростясь

С печальным лагерем у порта Сан-Матьяс,
Пизарро далее помчался к Эльдорадо,
И в новых странствиях за Пунта-де-Пассадо
Рюнцу, кормчему разбитого судна,
Великая была удача суждена:
Переступив черту безвестных зарубежий,
Направить путь на юг закатных побережий
И дальше всех пловцов спуститься смело вниз.

Здесь склон переходил в равнину; нежный бриз
Из светлых зарослей сандалов и бегоний,
Играя, доносил дыханье благовоний
И лица сладостной прохладой обвевал!
И вот уж экипаж страданья забывал,
И с жадной радостью глядел, склонясь на ванты,
Как ленты рек, змеясь, струили бриллианты,
Сверкали пажити и сквозь живую сень
Мелькали хижины бегущих деревень.

А дальше, захватив прибрежные просторы,
Чаруя и дивя восторженные взоры,
Предстали новые, волшебные леса.

Там, у подножья гор, вздымавших в небеса
Под мертвым поясом застывшей серой лавы
Погасших кратеров безжизненные главы, —
Склоняясь с берега в ласкающий прибой
И отходя назад, где с далью голубой
Сливались кряжами неведомые Анды,
Эбены, мангустан, гайяк и жакаранды
Катили океан бесчисленных дерев,
И в небо уходил безудержный их сев,
Волнуя тайный мрак раскинутого свода;

С полудня, севера, заката и восхода,
Огромный контииеит могуче осенив,
Куда ии киуть взгляд, растнтельный разлнв
Тянулся, двнгался и, вечно не смолкая,
Прозрачио рокотал н пел, как зыбь морская,
А в рамке черных чащ под небом трепетал
Отшельнников-озер задумчнвый крнсталл,
И иежная заря сквозь полог густолистый
Затепливала в ием свой факел золотнстый.

На мергельном песке голодный крокодил
За беззаботными тапнрами следил,
Красиели в камышах фламннговые стан,
Коидоры реялн, серебряные майи,
Свнваясь кольцами, шипелн между трав,
Скользилн ящеры, и царственный удав,
Обияв иссохший ствол громадными узламн
И рдея сквозь лнству недвнжными глазами,
Велнчественно ждал бегущих пекарн!
Когда ж кончался день н мерк огонь зарн,
У темных берегов, чудовнщно обнльных
Несметиым полчнщем рапидиых и рептнльиых,
Из дальних логовищ обычною тропой
Стекались шумные стада на водопой:
Тнгр, пума, оцелот н хищннк грациозный,
Бродящий парамн, иепобедимо грозный,
Красавец ягуар; а флора без чнсла
И краскн и цветы на весь окрест лнла,
Окутывая дол в нх кружево жнвое;
С колючнх кактусов на иежные алоэ
Порхали тучами хвостатые ара;
Жако н какаду, как слитки серебра,
Мерцали иа лучах стоцветным опереньем

И дремлющую дебрь будили диким пеньем,
А в солнечных столбах прогалин и полян
На сладкий аромат свисающих лиан
Летели и вились, блестя, как диаманты,
Малютки-колибри и бабочки-гиганты.

Меж тем из дальних чащ и с гор со всех сторон —
Неиссякаемый, ревущий легион, —
Сбивая кокосы, икаки и бананы,
Сбегались всех мастей и видов обезьяны:
Уистити, саки, макаки, сапажу
В густых смоковницах и красных акажу
Качались на хвостах, скакали и с безумной
Жестикуляцией, по целым милям, шумной
Толпой вдоль берега бежали за судном.

Гонимое вперед попутным ветерком,
Судно, скользя на юг, вошло в залив лазурный,
Где Гваякильский вал, бесшумный и безбурный,
Под чистым пологом безоблачного дня
Катился и спадал, медлительно звеня,
И золото песков каймил набегом пены.

Когда ж корабль зашел за мыс Святой Елены,
Безмерной пышностью раскрылся кругозор.

Блистая и горя, громады льдистых гор
Вздымались под зенит в красе недвижно дикой
Властителем громов и Пламенным владыкой:
Раскинув голову чудовищным шатром,
Завитый в облака, и молнии, и гром,
Раздавливал хребты огромный Чимборазо,
А одаль, весь в лучах огнистого топаза,

Весь ослепительный, коническим столбом,
Теряясь гранями в эфире голубом,
Как пламенный клинок отточенной навахи,
Вонзался в небосвод безмерный Котопахи.

Холодный к роскоши блестящих панорам,
Предчувствуя конец скитаний по морям,
В ликующих мечтах о близкой, сладкой цели,
Следя за вахтенным, застывшим у марсели,
Пизарро, верными друзьями окружен,
Стоял на палубе, как вдруг со всех сторон
Исторгся бурный клич из грудей экипажа;
И вот, в излучине серебряного пляжа,
Живыми грудами святилищ и дворцов
Играя в глади вод, пред взорами пловцов,
Меж синью тихих бездн и синью небосвода,
Кипящий толпами безвестного народа,
Всплыл Тумбец золотой.

Увы, не все могли
Упиться радостью достигнутой земли;
От жажды, голода и желтой лихорадки
Погибли многие в дороге; а остатки —
Больные, слабые, усталые — скорей
Готовили себя к покою у дверей,
Чем к новым бедствиям, опасностям и трудным
Походам; увидав, что было б безрассудным
С мечом пуститься в глубь неведомой страны
И ждать побед тогда, когда для них нужны
Особо сильные, последние напоры,
Пизарро, в мирные вступив переговоры,
В подарок от людей радушных и простых
Взял много серебра и слитков золотых,

На время заключил союзы с племенами
И вот, с трофеями направившись к Панаме,
Примчался в старый порт. Давно ль: тому назад
Всего три года лишь мечтал его отряд
О дне отплытия, как о великом чуде...
Теперь же было все: суда, припасы, люди.
Но — опытный солдат — он думал о другом:
Знаток искусства битв с судьбой или врагом,
Манерам и письму забывший научиться,
Он высшей помощью задумал заручиться
И, прежде чем поднять на Тумбец новый флот,
К испанским берегам направил свой полет.

III

Прорезав океан и в порте Сан-Лукара
Ступивши на берег родной земли, Пизарро
Застал Испанию в веселье без конца:
Мольбами подданных, супруга и отца,
Инфанта — да хранит его святая дева! —
Счастливо родила престолу королева.
Король в Толедо был, справляя торжество.
Направившись туда за помощью его,
Пизарро о своих скитаниях поведал
И Перу в подданство Кастильи передал, —
Да славится вовек кастильский грозный лев!
Затем, о скудости подарков пожалев,
В свидетельство богатств вновь найденных колоний
Поднес он золото, алмазы, шерсть вигоней,
Двух лам и альпака. Дон Карлос на дары
Вниманье обратил: никто до сей поры
Не знал в Испании об этом виде новом
Прекрасных стройных коз с таким густым покровом.

С каким изяществом высокая рука
Играла шерстью лам, ласкала альпака
И пробовала вес каменьев самоцветных!
Когда же, наконец, о всех своих заветных
Мечтах Франциск довел до слуха короля,
Спокойно выслушав, но просьбе не внемля,
С своей обычною решительностью фриза
Дон Карлос отвечал, что доблестью маркиза
Гернандо Кортеса довольно свершено,
Что им могущество ацтеков сломлено
И государство их Кастилии подвластно;
Что порешил совет и он, король, согласно
С архиепископом, почить от бранных дел,
Походам на восток поставивши предел,
И впредь отказывать в поддержке и вниманье
Всем тем, которые упорствуют в желанье
Итти во что бы то ни стало на восток,
Наперекор всему испытывая рок,
Сгубивший некогда Никезу. Но — упорно —
Пизарро отвечал, что было бы позорно
Лишать спасения и жизни во Христе
Несчастных дикарей, рожденных в темноте,
Которых ждет огонь небесного проклятья,
И что язычники, они лишь ждут принятья
Крещения водой во имя бога сил.
При этом он в живых словах изобразил
Картину Кордильер, гранитных великанов,
И властного огня, когда окрест вулканов
Трепещет грудь земли, дрожат громады скал,
В горниле кратеров расплавленный металл
Кипит и пенится, и лава золотая
Потоком мчится вниз, бушуя и блистая,
И стынет слитками, и, царь пустынных гор,

Хранит их птица Рох, задумчивый кондор.
Пизарро говорил, и все звучало чудом;
Ручьи, журчащие по чистым изумрудам;
В глубоких тайниках дворцовых кладовых
Шиша, бродящая в амфорах золотых,
Похожих емкостью на те большие харры,
Где масло берегут в селеньях Альпухары;
В убранстве золотом, во всех концах страны
Дворцы и капища в честь Солнца и Луны,
Обожествляемых у этих дальних наций,
Простор бесчисленных маисовых плантаций,
Где все из золота — от корня до стебля —
И — что задуматься заставит короля —
Луга и пастбища, из золота литые,
Где бродят пастухи и овцы золотые.

Дон Карлоса и двор и свиту поразил
Огонь его речей. Сравнив ничтожность сил,
Просимых моряком, с величьем достиженья,
Его величество отдал распоряженья,
Чтоб план обогатить Христову рать и фиск
Незамедлительно поведал Дон Франциск
Пред монсеньорами Великого совета.
Затем ему была на шею цепь надета,
Дарован был убор и орденский доспех
Святого Иакова, и, видя свой успех,
Принес он у мощей торжественно присягу,
Что будет соблюдать до гроба верность стягу
И христианнейший король в нем обретет
Борца за римский крест, опору и оплот.
Тогда продиктовал король указ, в котором,
В согласье со своим державным приговором,
Всем верноподданным престола объявлял,

Что ныне дон Франциск Пизарро, адмирал,
Его величества наместник генеральный,
Поставлен во главе страны окцидентальной, —
Правителем земель, народов и племен,
Которые открыл и впредь откроет он.
Сначала подлинный читали, и при чтенье,
В сознанье важности минуты, все в почтенье
Стояли, а потом, когда настал момент
Навеки закрепить сей важный документ
И руку приложить внизу на протоколе,
Пизарро (в юности не часто был он в школе,
А больше — поросят в Эстремадуре пас
И книжной мудрости на случай не припас)
На королевский акт с гербами и печатью
Поставил просто крест, пред всей придворной знатью
Открыв, что он писать иначе не умел;
Но взгляд его был горд, — никто поднять не смел
На смех невежество такого человека.
Затем он получил от Хуана Фонсека
Серебряную трость, которую носил
Алькад Кастилии и главный альгвазил,
И этим завершил свой список формулярный.
Так возвеличенный, счастливый, благодарный,
Аделантад пред тем, как вновь пуститься в путь,
Хотел на старые места свои взглянуть,
И хоть лишь горькое им вынеслось из дому,
Он посетил родных, отдал привет родному
Трухильо, а затем в Севилье поскорей
Нанял три корабля и снялся с якорей.
Играли бездны вод, и свежий вздох пассата
Ветрила влек к стране заветного Заката.
В бездействии стоял дозорный рулевой.
Пред ними путь лежал — великий, мировой,

Последовав ему, увенчанная славой,
Испания взнеслась блистательной державой,
И был бессмертием Колумб запечатлен.

IV

Прошло два месяца, и стая галион
Примчалась в Дариен. В Иванов день в Панаме
Пред прихожанами, собравшимися в храме,
Взошел Хуан Варгас почтенный на амвон
И проповедь сказал со списком всех имен
Матросов и солдат Пизаррова отряда,
Которым новая составилась армада;
Затем он дал вождям вкусить святых даров, —
И вновь готова рать покинуть мирный кров.

Когда аделантад простился пред уходом
И для напутствия отважным мореходам
Епископ, возглавя синклит духовных лиц,
Благословил суда, — Бартоломей Руиц,
Коронный рулевой, торжественно суровый,
С поднятым рупором и в мантии парчовой,
Взойдя на борт и став на вахту при руле,
Отдал приказ поднять на главном корабле
Канаты якорей. Веселый клич матросов
С качающихся ван и вытянутых тросов,
И ропот парусов, и скрип дрожащих рей,
И веянье знамен, и грохот якорей,
И шум прощальных слез и возгласов нестройных,
И тихая мольба тревожно беспокойных
Неведомым путям отдавшихся солдат, —
Все потонуло вдруг в ору́дийный раскат,
Когда сверкнул огонь и пушка прогремела

Сигнал к отплытию и «Ave maris stella»
Исторглось из сердец. И вновь из дальней мглы
Дохнуло севером, и вновь кипят валы,
И в тысячах огней колеблясь и блистая,
Вновь безднам отдалась скитальческая стая.

Попутный норд был свеж, и чист был небосклон.
Их окрыленный путь свершался без препон.
Безостановочно бескрайняя дорога
Влекла веселый флот под тропик Козерога
И в каждом островке и группе диких скал
Пизарро старого знакомого ласкал
И взоры устремлял в изведанные дали.
И наконец пред ним — заветный признак — встали
Леса зеленых пальм, и, высадясь, моряк
Под пышным Тумбецом раскинул вновь бивак.
Здесь он, с кациками вступив в переговоры,
Узнал, что страшные гражданские раздоры,
Разлившись по стране кровавою рекой,
Смутили солнечной империи покой,
Что все горит в огне, и грозные сраженья
Предали города огню уничтоженья
И пажити смели, что царственный бастард,
Атагуальпа злой, как хищный леопард,
Поднялся мятежом и с армией победной
Воздвиг надменный меч на Куско заповедный,
Священный пуп земли, где от седых времен
Незыблемо стоял и цвел великий трон,
Седалище царей, властителей державных,
Небесного огня потомков богоравных,
Что брата он низверг и тяжкою пятой
В позоре распростер край Манко золотой.
Тогда, забрав с собой походные припасы,

Через пустынные песчаные пампасы
Пизарро, радуясь свершению мечты,
Повел солдат вперед, на Андские хребты.

И вот из дола в дол, с вершины на вершину,
Из пропасти на кряж, с террасы в котловину,
С утра до вечера упорно шли они,
Не зная отдыха, сменяя днями дни
И страх пред будущим в душе превозмогая.
Пустыня — грозная, безмолвная, нагая —
Лежала впереди; все было в ней мертво;
Угрюмого ее пейзажа ничего
Нарушить не могло; лишь изредка далеко,
У сумрачных громад прижавшись одиноко,
Как в чашу, влитое в гранитный водоем,
Сверкнет вдруг озеро безжизненным свинцом.
Под небом тропиков, то плавящимся в зное,
То льющим с высоты дыханье ледяное,
Они, то захватив поводья лошадей,
Спускались к дну стремнин, где вздувшись от дождей,
Неслись потоки вод, то вверх ползли по скалам,
И, обессиленным, голодным и усталым,
Казалось странникам, что горы без конца,
Нарочно, чтоб вселить отчаянье в сердца,
Возводят на пути сподвижников армады
Гранитные хребты и льдистые громады.
Непобедимая царила в сьеррах жуть,
И не один храбрец, вступив на новый путь,
Узнал впервые страх и ужас неизбывный.
Порой движенье, дрожь и трепет конвульсивный
Рождались под ногой, и каменный массив,
Тяжелым грохотом окрестность огласив,
Широко разверзал зияющие щели,

И били молнии из полога метели
И ветер мчал смерчи сквозь сумрак градовой,
В один безумный вопль сливая рев и вой.

Ошеломленные губительным разгулом,
Под снегом, пламенем и неумолчным гулом
Смотрели путники, как, корчась и скользя,
Бежала из-под ног неверная стезя.
Порой они, склонясь с закраин скал отвесных,
Внимали шуму бездн, где в ложах слишком тесных,
Замкнутые кругом, из каменных преград
Рвались во тьме валы и где-то водопад,
Невидимый, кипел и вскидывал на стену
Кровавым отблеском пронизанную пену.
На самой высоте нельзя было дохнуть, —
Кружилась голова, захватывало грудь,
Томило тошнотой, был нужен частый роздых
Влачащимся шагам, и разреженный воздух
Кровотеченье из легких вызывал.
Когда ж спускалась ночь и делали привал,
Все989 дрогли до костей. Сомкнувшись тесным кругом,
От жгучей горной мглы укрывшись друг за другом,
Дрожали лошади и стебли жестких трав
Глодали на камнях; а люди, разобрав
Погост, священный след покинутой стоянки,
Слагали для костров аймарские останки.

Пизарро лишь один был светел и счастлив.
Десятки яростных потоков переплыв,
Достигнув тех высот, которые от века
Еще не мерялись стопою человека,
Прорезав мертвые и дикие края,
Лишенный отдыха, без пищи и питья,

Довольный тем, что есть, и то лишь самым малым,
Он не был никогда ни робким, ни усталым
И взором, как огонь, и словом, как металл,
Вливал отвагу в тех, кто духом упадал,
И — страшный бред — пред ним, таинственна и ярка,
В огнях его мечты блистала Каксамарка.

Пять месяцев спустя, при веянье знамен
И грохоте фанфар последний горный склон
Остался позади. И тотчас же в долину
Пизарро ринул вниз без отдыха дружину.

V

Ликуя шла она, числом в сто шесть солдат.
Увы, в истории о них не говорят,
Но, может статься, здесь окажется уместным —
Участникам войны, и знатным, и безвестным,
Воздать героями заслуженную честь
И имена вождей дружины перечесть,
А также сообщить о масти и породе
Коней, служивших им в блистательном походе,
Затем, что в повести совместных их тягот
Нельзя смотреть, как все на вьючный смотрят скот,
На этих верных слуг, во всякую годину
Хранящих преданность до смерти господину.

Итак. Блестящий строй шестидесяти двух
Гидальго — рыцарей, чья кровь и бранный дух
Равнялись меж собой, — скакал сплоченным хором
У королевского штандарта, на котором
Меж складок голубых цвело шитье герба, —
Дворца из золота и красного столба.

То знамя бранное, которое немало
Сражений и побед с полком перевидало,
С кем неразлучно шел певец его Херец,
Нес пылкий Габриель де Рохас, альферец;
Архангел Михаил, сражающий дракона,
И гребень золотой, и бархат Арагона
Венчали шлем его; у гордого чела
Была приподнята забральная стрела;
С плеча спускался плащ полетом алых крылий
И гербовым щитом с короной двух Кастилий
Украшена была тяжелая броня;
Рукой удерживал он пегого коня,
Того, которого впоследствии седлала
Рука — прозванного Безбожным — Карбахала.
Сын Андалузии, арабский жеребец,
Пугливый, молодой и пламенный боец,
Грызущий в ярости мундштук окровавленный,
Покорный воле шпор, но плохо укрощенный,
Казалось, не был он с усталостью знаком
И, мчась во весь опор под верным седоком,
Взметая пламя искр, поспорил бы с любою
Искусным лучником направленной стрелою.

Колеблясь в блеске лат и солнечной пыли,
За знаменем вослед вожди отряда шли.
Сеньор Хуан де ла Торр; дон Кристобаль Перальта,
Хранивший, как девиз, надменное «Per alta
Ad summum» *, весь в рубцах, без глаза, Доминик
Де Сьерра Лусе; шлем надвинувший на лик,
Грозящий взорами Алонзо де Молина;
Франциск де Гуэльяр — со славой дворянина
Из Андалузии, который, как зверей,

* Через высоты к высшему (*лат.*).

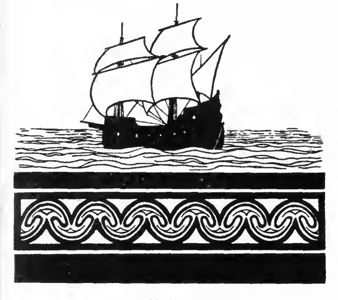
Любил затравливать бегущих дикарей,
И Мена, меж бойцов Валенсии родимой
Гремевший как знаток копья непобедимый.
Равняя в линию лихих своих коней,
Скакала славная их группа, а за ней
Вожди-соперники: дель Барко, воин рьяный,
Путем великих рек ходивший с Орельяной
В бесстрашных поисках далеких новых стран,
И ветвь владетельных Сальседо, дон Хуан;
Еще без бороды, но славой предков гордый,
Он грозным был бойцом, и, серый с черной мордой,
Могучий конь его, в переднем мчась ряду,
Взвивался, ржал и грыз вспененную узду.

За ними вслед, едва передвигая ноги,
Шли потерявшие коней среди дороги.
Напрасно дон Форес, судьбу свою кляня,
Упорно понукал саврасого коня
И торопил его прикладом самострела:
Конь кашлял и хрипел, в нем жизнь едва горела.
Рибейра отпустил узду и трензеля,
И карий конь его, с усильем шевеля
Ногами, чуть живой, ступал: его копыто,
Подкову потеряв, до крови было сбито.
Их участь разделил дон Педро де Алькон,
Имевший гордый герб: на мрачный черный фон
Нанесен золотом был сокол прирученный,
Одетый в бубенцы и алым клобученный.
Проведший весь свой век в походах паладин,
Когда-то, пленником неверных сарацин,
Вращал он жернова на мельницах Гренады,
Рубака и стрелок, не знающий пощады.

Под их прикрытием, на мулах молодых
Шли два соперника. Реквельм, один из них,
Как добрый контадор, безмолвствовал, в сознанье,
Что слово — серебро, а золото — молчанье.
Другой — лиценциат, нотарий Жиль Телец
Высчитывал, когда войне придет конец,
В каком количестве ему, как дворянину,
Придется получить казенную пятину.

Шло войско. Далеко отстав от головы,
Вдогонку, несмотря на рытвины и рвы,
Легки, стремительны, безудержны и ловки,
Спешили всадники к своим с фуражировки
И, презирая страх, над пропастями гор
Горячих лошадей гнали во весь опор,
Гремя, как дальний гром иль ропот половодья.
Вот каковы они: в зубах у них поводья,
На шпорах кровь; во всех движеньях удальство.
Предвидя близкие покой и торжество,
Шумя, с проклятьями и зовами алькада
Вослед отряду в дол спускалась кавалькада.
Ее начальника пылал отвагой взгляд.
Шитьем и бархатом блистал его наряд,
Когда Альвар де Пац пред ним посторонился,
Взмахнув своим пером, под ним в испуге взвился
Горячий конь. То был Пизарров брат Фернан,
Отважный первенец; с ним рядом был Хуан
И неродной их брат, Мартин из Алькантары.
Брисеньо (звон мечей и бранные удары
Сменил на мирные занятья он потом
И в клерки поступил, и в Лиме был певцом),
Которому и конь и скачка были в бремя,
С досадою смотрел, куда девалось стремя,

ЗАВОЕВАТЕЛИ

Гравюра М. Кирнарского
к изданию «Трофеев» 1925 г.

И, видя далеко умчавшихся друзей,
Спешил на лошади рыже-гнедой своей.
Лихой Антонио за ним галопом мчался.
Он гордой бедностью пред всеми отличался,
И если было все добро его в щите
Со шпагою, зато, в поддержку нищете,
В гербе его снял венок из сельдерея,
А сверху, золотом меж листьев ярко рдея,—
Корона герцогской семьи де Каррион.

Их прах окутывал столбом со всех сторон,
Один из рыцарей переднего отряда,
Услышав крики их и выступив из ряда,
Оборотил коня и смотрит в их конец.
Под ним горит, как снег, испанский жеребец,
И сбруя скакуна блистательно багряна.
То славный в будущем боритель Попайана.
Чтоб лучше рассмотреть, к луке пригнулся он.
Могучий стан его в доспехи облачен
И грозным отблеском сверкает пламя взора.
Надменней Цезаря, прекрасней Хризаора,
Он мчит, Бенальказар, послушный свой отряд.
С Орестом пламенным и добрый шел Пилад.
В плаще, шишак на лоб надвинув загорелый,
Он погрузился весь в мечты. То воин смелый
Гернандо Сото был, скиталец жарких зон,
Который, сказочным призывом увлечен,
Открыл впоследствии блестящую Флориду
И Миссисипи, мать всех вод. Суровый с виду,
Другой был с бердышом, пристегнутым к луке,
На рыжей лошади и в круглом шишаке,—
Грек Педро Кандиа, искатель приключений,
Который некогда сжег десять поселений

И чтоб ему в вину их не поставил бог,
Пред девой столько же светильников возжег.
Он ехал и смотрел, как, огненный и страстный,
Над бездной гарцевал дорогою опасной
Пизарров брат, коня нарочно горяча, —
Гонзальв, чья голова по воле палача
Впоследствии, сойдясь с судьбою Карбахала,
На перекладине спокойно отдыхала,
С владельца топором снесенная долой
На лимской площади, пред дружеской толпой,
Которая за ним восстала против трона
И в Куско подняла мятежные знамена.
Так он, законное владычество поправ,
Все ж был по-своему, гидальго добрый, прав,
И все-таки его прекрасная кончина
Была достойнейшей бойца и дворянина.

Пред ним, с четками и шпагой при бедре,
В широко веющем и белом стихаре,
В наплечниках поверх жестокой власяницы,
Смиряющей соблазн и ставящей границы
Греховным помыслам, безмолвен и суров,
Смиренно следовал противник лжебогов,
Ученый, опытный в науке христианской,
Винсенто де Вальверд, монах доминиканский.
Горя желанием, чтоб не было преград
Спасенью грешников, назначенных во ад,
И стойко за Христа и веру поборая,
Он вел язычников к блаженным сеням рая
И тысячами их сгонял под топоры,
На ауто-да-фе, веревки и костры
И знал, что Иисус, предвечный искупитель,
За муки им воздаст, приняв в свою обитель.

Один, опередив отряд на десять вар,
Франциск Пизарро шел.

Изношенный талар,
Волнуясь по ветру от быстрого движенья,
Являл его броню и блеск вооруженья:
Под небом тропика, один из всех солдат,
Сменивших тканями убранство тяжких лат,
Он, нечувствительный к усталости и зною,
Расстаться не хотел ни с шлемом, ни с бронею.
Горячий конь его, берберский кордуан,
Взвивался на дыбы и ржал, ретив и рьян,
И ноздри раздувал, и веял яркой гривой,
А он то укрощал разбег его игривый,
Поводья подобрав, то иглы звонких шпор
Вонзал в его бока, летя во весь опор,
Прикованный к седлу, как статуя литая,
Сквозь полог темных век пронзительно блистая
Непотухающим огнем орлиных глаз.

И в сердце у него бесценный рдел алмаз,
Которым истинный велик завоеватель.
Великих подвигов бесхитростный искатель,
Он гордою душой взносился в высоту,
Уже ласкал он в ней заветную мечту
И весь исполнен был пленительной надежды
В порфиру превратить бастардовы одежды.

VI

Так, устремляя вниз безудержный напор,
Послушные вождю, тропами диких гор,
Средь рушащихся скал и пламенного праха,

Не зная ни на миг усталости и страха,
От ската к пропасти, от пропасти к жерлу,
По дну безмолвных бездн, где в сумрачную мглу
Вливался сверху день неверными лучами,
Шли дерзкие бойцы, когда пред их глазами
Предстала вдруг гора, и каменный отвес
Гигантской аркою разверзся до небес,
И как слепящий свет, сменивший мрак темницы,
Раскрылся горизонт без края и границы,
И ярким хаосом стремнины и хребты
Слились с пространствами безмерной пустоты.
Подземные огни, ключи горячей серы
И лава рассекли крестец могучей сьерры
И, в битве вековой ребро горы раскрыв,
В скале произвели блистательный прорыв.
. . . .
. . . .
. . . .

(Д. Олерон)

ДОПОЛНЕНИЯ

ИЗ СОНЕТОВ, НЕ ВОШЕДШИХ В «ТРОФЕИ»

ФОНТАНУ INDIA

Когда в безлюдной мгле фонтан журчит слышней,
И воздух мягкий свеж, и в сон ушла долина,
И мысли, как вода из полного кувшина,
4 Выплескиваются из недр души моей,

И в лунном волшебстве доступней и теплей
Резцом рожденный стан под складками муслина,
В своем безумии прелестном неповинна,
8 Мечта спешит найти любимый облик в ней.

О, роза Индии! Не твой ли мир девичий
Навек разбил Колумб, презрев чужой обычай,
11 Тебя ль баюкала влюбленная волна?

О Куба, спящая в спокойствии глубоком
Средь пальм, клонящихся к немолкнущим потокам,
14 Где ночь сиянием и шопотом полна!

(В. Левик)

СМЕРТЬ АГАМЕМНОНА

На ложе бронзовом, далек от всех забот,
Спит Агамемнон. Вкруг цари, друзья, герои —
Всё снится вновь ему. Порой лишь образ Трои
4 Морщиною по лбу спокойному пройдет.

Он спит, но для него заря не рассветет.
Измена, радуясь, вошла в его покои,
И Клитемнестра знак любовнику дает,
8 Чтоб он оставил страх и кончил дело злое.

Он бледен, он дрожит и чует: не к добру!
Но к жертве царственной, к пурпурному одру
11 Безвольно близится, объятьем хищным пьяный.

Она торопит смерть... Эгисф крадется вслед...
Удар, еще удар! И, точно кровь, багряный
14 От факела на них упал — и меркнет свет.

(В. Левик)

ЖЕЛАНИЕ

И мне бы жить в краю, где, чуждые наветам,
Героев женщины рождали от богов,
И солнце, восходя под звон античных строф,
4 Нагие груди муз ласкало ярким светом.

Я также мог бы стать в Олнмпии атлетом,
С Орфеем гордый спор вести в кругу певцов
И бога нового почуять тайиый зов, —
8 Никто искать богов не запрещал поэтам.

Но я ие в Греции рожден судеб игрой,
И форма мудрая, где жнл античный строй,
11 С Амуром умерла. Поэт любить не может,

Но он упорствует, н все, что создал он,
Неукротимою надеждой ослеплен,
14 Навек поглотнт Ночь н Время уннчтожнт.

(В. Левик)

СКАЛИГЕРЫ

В прекрасной, мужеством прославленной Вероне
Есть ряд больших гробниц в стальном кольце оград.
Безмолвные, сложив молитвенно ладони,
4 На гербовых щитах там Скалигеры спят.

Им сковывают грудь порфировые брони,
Веков и сырости их лица след хранят,
Но кажется порой, что и на смертном лоне
8 Струит на их черты свой гордый отблеск ад.

Сеньоры грозные, исчадья ночи хмурой!
Сурово говорит о них певец Лауры:
11 «В Вероне грызлись псы над грудою костей».

Но лучше все-таки тиран ожесточенный,
Чем слышать, как в тебе, о град порабощенный,
14 Звучит нахальный лязг австрийских палашей!

(Марк Гордон)

ПРОМЕТЕЙ

Когда титан с высот, огнями опаленный,
Тобой низвергнут был, разгневанный Кронид,
Он поднял к небу взгляд свирепый, непреклонный
4 И ни одной слезы не пролил на гранит.

Под клювом коршуна, его крылом избит,
Боль братскую копил гигант непокоренный
И верил, что опять он встанет, озаренный,
8 Свободу обретет, за муки отомстит.

Нас и теперь казнят за милосердье к людям,
Но справедливости ждать больше мы не будем —
11 К нам не придет Геракл: богов нет в небесах.

И океан стыда, нас призывая к мести,
На душу давит нам, а возмущенной чести
14 Горячая роса блестит у нас в глазах!

(Марк Гордон)

БИТВА

Их рати яростно сошлись в прохладе ранней,
И дрогнула гора, так страшно грянул бой,
И факелы, погнав их тени пред собой,
4 Качали рдяный свет в предутреннем тумане.

Удары, крики, вой, и лязг, и грохот брани,
И стоны павших ветр уносит вихревой.
Рычит Альмгуинар: «Бей!» — «Умри!» — вопит другой.
8 О панцирь лязгнул меч, и кровь на синей грани.

Сам Агнар сбит с коня. Он рухнул и, сплеча
Обломком рубанув разбитого меча,
11 Гремит громадою своей многопудовой.

Но щит над ним подняв, склонясь к нему челом,
Уже Валькирия под молнией лиловой
14 По серым тучам бьет серебряным крылом.

(В. Левик)

ПРЯДИЛЬЩИЦА

Старушкой встретила Платтис свою коичииу.
Всю жизнь, в лучах зарн, при свете ночннка
Она пряла, вила, свнвала шар клубка,
4 И пряжа белая текла в ее корзнну.

Порою, задремав, оиа клоиила спину,
Но бессознательно, проворна и легка,
Все так же двигалась искусная рука.
8 Лишь смерть прервала труд, бег мериый инти длнниой.

Ее убогнй кров так бедеи был и гол,
Что в ием едва нашли еднвственный обол
11 Для платы мрачному гребцу последней барки.

Она сошла в Аид, желая уж давно
Увидеть, правда ли, что могут этн Парки
14 Искусней, чем оиа, вращать веретено.

(Марк Гордон)

РЕКИ МРАКА

Для подвига Любви не как певец Орфей,
Нет, без обола я в Эреб сошел, без зова
К реке без памяти, на берег тот суровый,
4 Где волны не шумят, откуда нет путей.

Через какую дверь вступил я в мир теней —
Из рога ли она, из кости ли слоновой —
Не знаю. Но в ночи я к свету вышел снова,
8 Хотя, как Перифой, я слепнул от огней.

Я видел Цербера: он лаял, разъяренный.
Я видел Мрак. Я был в жилище Персефоны,
11 Где Лета, Стикс, Коцит, чей холоден затон.

И видел мстителей, которых ужас властный
Гнал к берегам твоим, кровавый Флегетон, —
14 Ореста бледного с Электрою несчастной.

(Марк Гордон)

РОСТРЫ

Под аркой ветхою, что завтра ж упадет,
Пройди и посмотри на горизонт лазурный:
Весь город видишь ты до озера Ютурны.
4 Здесь римский форум был. Мы у его ворот.

Теперь судьбу людей на нем решает сброд,
Чей голос купленный давно наполнил урны.
Сенат безмолвствует перед толпою бурной.
8 У цезаря в руках мир, Рим и весь народ.

Трибуну сделал он доступной и публичной.
Вокруг нее весь свет, шум, говор стоязычный,
11 И фульских риторов мы здесь увидим пыл.

Недалеко, в пыли, лежат на почве голой
Обломки древних ростр. Но Гракх здесь говорил,
14 И до сих пор звучит раскат его глагола.

(Марк Гордон)

БЮСТУ ПСИХЕИ

В дворцовом парке, там, где в полдень спит аллея,
Где лишь пчела жужжит и поздний дрозд поет,
Где сорною травой зарос водопровод,
4 Белея мрамором, в тени стоит Психея.

Резец Флоренции, афинский дух лелея,
Ей жизнь и форму дал. И к ней шиповник льнет,
И песнь из губ цветка незримая плывет,
8 Как смех серебряный, над сонной чащей рея.

Стряхая золото с тычинок, на цветок
Спустился, трепеща, лазурный мотылек
11 И сладкий пьет нектар из этой чаши зыбкой.

И мнится, в мраморе единство обрели
И чистота небес и красота земли —
14 И дрогнул нежный лик аттической улыбкой.

(В. Левик)

РЕЧЬ ЭРЕДИА ПРИ ОТКРЫТИИ ПАМЯТНИКА ЛЕКОНТ ДЕ ЛИЛЮ

(10 июля 1898 г.) *

Господин министр!

Перед вами памятник, возведенный Леконт де Лилю его почитателями и друзьями. Я имею честь и удовольствие выразить вам благодарность от имени поэтов и Французской Академии, которую я представляю.

Государство, сенат, город Париж, остров Реюньон, скульптор Дени Пюэш[1], выдающийся архитектор Селье де Жизор[2], это все те, кто так щедро способствовал увековечению в мраморе памяти о великом поэте.

Да, господа, Леконт де Лиль великий поэт. И если так оказалось, что его значение выше, чем его популярность, если его стихи не звучат на устах у всех, то это вследствие сугубой строгости их формы и редкостного по своеобразию содержания. Но, что из этого? Он никогда не домогался легкого успеха; он не желал ничего, кроме славы. Его творения обширны и глубоки, блестящи и величественны, уникальны, многочисленны и многообразны.

Остров, где он был рожден, вздымает вулканические вершины гор в заоблачные выси, над голубыми просторами Индийского океана. Воспоминание о родном крае

---

* Перевод Н. А. Голубенцева.

постоянно жило в нем. Его мозг как бы оставался погруженным в сияние, и сладостные редкостные ароматы, которыми он дышал в детстве, благоухают даже в его последних стихах. Некогда в продолжительных походах на медлительных парусниках он созерцал ураганы Мыса Бурь, безмятежные закаты тропиков, море. В спокойном уединении, убаюканный волнами посреди безбрежностей неба и океана, он постоянно предавался мечтам. Здесь, во власти вольной праздности, он чуждался всякого действия. Он жил только мечтой и созерцанием. Красота материального мира очаровывала его. Он обладал магической властью видоизменять его по-своему; свободная фантазия, исключительно силой желаний его души, воли и мысли, переносила его в любые районы Земли, в любые исторические эпохи. Ревностный и неутомимый читатель, он открыл для себя целый мир в изучении исторических и этнографических материалов. Целостная картина вселенной предстала перед ним. Поразительное зрелище! Такой короткий срок человеческой жизни, едва более полувека, был достаточен для этого провидца, чтобы пережить все века Земли со дня ее сотворения, до гибели человека.

Он поведал о тоске и отчаянии Сатаны, горестную историю его отлучения от Эдема. В патетических строфах он возгласил от имени завистника-бога проклятие Каину, — за убийство брата и отчаяние убийцы от содеянного греха. С первобытными племенами поэт спустился с горных высот Азии к священному Гангу, текущему сквозь лесные дебри, населенные устрашающе великолепными видениями многоликих богов Индии. Он вслушивался в песни воинственных владык, победителей демонов и побежденных любовью, в стоны аскетов, отринувших иллюзии жизни и стремящихся

только к блаженству небытия. Египет разверз перед ним свои подземелья и дворцы. Он прошел через Иудею, где раздаются стенания Экклезиаста, и достиг берегов моря, родившего Афродиту, где угас Адонис, моря, омывающего землю богов. Античная Греция стала воплощением его мечты о красоте. После божественного Шенье никто не был так глубоко и восторженно влюблен в нее. Он стал переводить ее поэтов. Он первый во Франции вернул богам, морям, рекам, горам, городам и людям Эллады их истинные имена. Он воспел героев, пастухов, дев и в одной своей драме с трагическим великолепием истолковал суровость Эсхиловой трилогии.

Греция долго увлекала его. Он был ею очарован. Но она не могла удовлетворить пытливость его ума. После солнечных стран он захотел узнать страны снегов. Он поднимается к северным широтам, вплоть до ледяных торосов полюса, где старый Рунойя оплакивает грядущую смерть своих богов. После того как он обогатил некоторые свои особенно прекрасные стихи мифами и обычаями скандинавов («Меч Ангаитира», «Сердце Яльмара»), с путей, проложенных викингами, он возвращается на Запад, высадившись на берегах Эрина[3] и Арморики[4], и, оставив лиру Орфея для каменной арфы, он создал поэмы «Суд Комора» и «Разрушение Моны». Оттуда, с крайних границ древнейших времен, вглядываясь в сторону Востока, он созерцал античный мир. Повсюду под натиском варваров рушились империи. На их необъятных руинах простерлась тень от креста Голгофы. И поэт вступил в эту тень. С этих пор ночь средневековья озарена для него не иначе, как пламенем факелов и костров, мерцанием свечей, в свете которых еще более мрачной возникает

«Агония аскета». Ослепительный ислам, испанское рыцарство порою также привлекали его блеском своих любовных и военных легенд.

Но ведь не только человеческий род существует на земле. Вокруг него рождаются, живут, кишат и умирают бесчисленные животные. Море населено, леса обитаемы, пустыни имеют своих владык. И Леконт де Лиль пересекает океан, созерцает девственный лес и, по крайней мере в мечтах, сопровождает караваны в пустыне. Он первый и единственный сумел проникнуть в темную душу зверей. Он приручил их и ввел во французскую поэзию. Сроднившись с грозными хищниками, он изучил их повадки, строение мускулов, окраску мастей, упругость шага, жажду и голод, терзающие их, и их свирепость. Какой читатель не содрогнется от рыка его львов? Он показал королевского тигра джунглей, сны ягуара, исчезающую в росистой траве волнистую спину черной яванской пантеры. Он знал, как свертывается в кольца караибский змей. Он следовал за степным орлом, за стадом задумчиво бродящих слонов, и протяжный вой его диких псов, затерянных в пустынных просторах, всегда наполняет нам душу бесконечной тоской.

Протяжный стон, стон вещей и живых существ, поднимается и звучит во всех творениях поэта. С юношеской поры он говорит:

Звучит стенание в глуби глухих ночей,
Неведомая боль, крик бедствий и страстей,
Взмывающий с земли до облачных зыбей;
Земного шара вздох в пути скитаний вечных,
Но связанный всегда со вздохом человечьим.
Людского горя мрак, стон, рвущийся из недр! . .

На закате жизни он пишет такие великолепные стихи:

Я мало радости узнал, но в пресыщенье
Дням новым, как векам былым, душой не рад.
В песке бесплодном, где все родичи лежат,
Зачем не завершу я жизни сновиденье.
. . . .
Ах! Молодость, любовь, забавы, увлеченья,
Дыханье неба, песнь лесов и воли хорал, —
Не все ли это лишь пустых надежд круженье,
Слепой полет в ничто, в тьму вечности провал?*

Философия Леконт де Лиля глубоко печальна и полна разочарованности. Жизнь ужасна. Лучше желать людям никогда не рождаться. Покорный законам слепой необходимости, игре непонятных и враждебных сил, он надеялся лишь на успокоение в смерти, которая примет всех. Здесь не место для изложения его философских и религиозных взглядов. Я хочу только показать в нескольких чертах, как возникал поэт. Его величие неоспоримо, он не архаичен и не бесстрастен. Современная эрудиция, горестная страстность, мощная яркость образов, вызывающая перед нами богов, народы, исчезнувшие цивилизации, диких зверей, далекие страны. В стихах светлой или трагической красоты он воплотил волнение страстей, беспредельность желаний, ужас перед смертью и влечение к ней, мятежность и надменность разума, томление безнадежности, всю душу античности, всю душу современности, Человечество!

Так возникает поэт. Я не могу говорить спокойно. Он был моим наставником, нашим общим учителем, другом и братом. У него была возвышенная душа, были нежное и благородное сердце, ум глубокий и пленительный. Все те, кто знал его по-настоящему,

любили и восхищались им. Художник с головы до ног, он был несравненным воспитателем, ибо обладал столь редкой способностью к раздвоению, влезал, как он, смеясь, говорил, в чужую кожу, и, в соответствии с индивидуальностью, давал каждому наилучшие советы. Помимо этого, он ценил безупречную честность в искусстве. Он инстинктивно воспринимал подлинность и точность слова; обладал чутьем к единственно необходимой рифме, такой рифме, которая заключала бы в себе смысл, удовлетворяла глаз и очаровывала самый утонченный слух, гармонически завершая то, что является подлинно прекрасным стихом.

Отныне среди цветника, окаймляющего аллею, по которой он проходил ежедневно, его изображение будет главенствовать на высокой стеле. Крылатая Муза протягивает ему золотые лавры и простирает руки, как бы для надежной защиты.

И вы, молодые люди, которых он любил и которые так же, как и мы, бродя в этих садах, испытывали творческую озабоченность, волнение желаний, радужность юношеских надежд, склоните голову перед этим бледным ликом с благородными и чистыми чертами, таким же живым, теперь запечатленным в мраморе; склоните почтительно голову перед поэтом, оставившим вам в наследство свои бессмертные творения и достойный пример своей жизни.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ЖОЗЕ-МАРИА ДЕ ЭРЕДИА — ПОЭТ ЗНАМЕНИТЫЙ И НЕВЕДОМЫЙ

О ЖИЗНИ ЭРЕДИА

Жозé-Мариá де Эредиá (в испанском произношении Хосé Марúа де Эрéдиа) родился на острове Куба 22 ноября 1842 г. По мужской линии он был потомком испанского конкистадора дона Педро де Эредиа, некогда прибывшего в Новый Свет в составе экспедиции Бартоломео Колумба. Дон Педро впоследствии стал правителем Новой Андалусии. Сын его, дон Мигель де Эредиа, переехал из Колумбии на Гаити, на ту часть острова, которая со временем стала владением французов, а позже республикой Сан-Доминго. Представители семейства Эредиа владели обширными плантациями, пока ветер Французской революции не донесся до заатлантических островов и не заставил гаитянских Эредиа бежать от восстания негров и мулатов на Кубу (1801).

Хосе Мариа родился от второго брака Доминго де Эредиа с француженкой Луизой Жирар, предок которой, нормандский дворянин Жирар д'Увилль в XVIII в. покинул Францию ради острова Гаити.

Младший в многочисленной семье, Хосе Мариа в шестилетием возрасте потерял отца. Один из французских друзей покойного отвез в 1851 г. мальчика во Францию, в Санлис, для обучения в колледже.

Получив в 1858 г. степень бакалавра, Хосе Мариа в следующем году возвратился на Кубу и около года слушал курсы философии и истории романских литератур в Гаванском университете. Тогда же он начал интересоваться поэзией и пробовать силы то в испанском, то во французском стихе.

Однако университета Хосе Мариа не закончил. Он все больше чувствовал себя французом. Кроме того, он пришел к твердому убеждению, что наследственное занятие рода Эредиа — плантаторство — ему не подходит, ибо его призвание — поэзия. При этом он сознавал, что ему было бы неловко, не прибегая к псевдониму, выступать в испаноязычной литературе: он был полным тезкой своего старшего кузена Хосе Марии де Эредиа (1803—1839), славного кубинского поэта-романтика и одного из первых борцов против испанского гнета (в честь этого-то необыкновенного человека Доминго де Эредиа, не лишенный либеральных идей, когда-то назвал своего младшего сына). Видимо поэтому Хосе решил переселиться во Францию и там попытаться осуществить свое призвание пером поэта французского.

В 1861 г. юный Эредиа вместе с матерью пересек Атлантический океан (в третий и, как потом оказалось, последний раз в своей жизни) и поселился в Париже. Семья владела замком в окрестностях столицы, угодьями на севере Франции, богатствами, которые хотя были лишь тенью давних конкистадорских сокровищ, но являлись все же значительными и по новым временам.

Хосé Марúа, или теперь уже Жозé-Мариá, поступил на юридический факультет Парижского университета и в 1866 г. окончил его. Одновременно Эредиа окончил

и парижскую «Эколь де шарт», готовившую археологов и палеографов.

В 1861—1862 гг. сначала в студенческом ежегоднике, затем в журналах «Ревю де Пари» и «Ревю де дё монд» появляются первые французские стихи Эредиа, по преимуществу сонеты. Эредиа, пленившийся «Античными стихотворениями» Леконт де Лиля еще на Кубе, начинал под воздействием этого крупнейшего представителя парнасской группы. И позже он сохранял благоговейное отношение к мастерству учителя и оставался его внимательным и преданным другом. Парнасцы приняли Эредиа в свою среду. Стихи его публиковались в их сборниках («Современный Парнас», 1866 г. и дальше), в известной антологии парнасского издателя Альфонса Лемерра и т. д. Таким образом, талантливый и общительный кубинец, несмотря на то, что по своему положению он резко отличался от большинства парнасцев — людей, осторожно выражаясь, скромного достатка, — обрел товарищей и друзей вне круга знати и богачей. Правда, парнасцы любили подчас подтрунивать над обеспеченностью Эредиа, над его элегантностью и аристократическими манерами.

Исключительная взыскательность Эредиа привела к тому, что первая и единственная книга стихов поэта — «Трофеи» — появилась только спустя 30 лет после его дебюта.

В 1864 и 1867 гг. Эредиа побывал в Италии, знакомился там с памятниками древности, картинными галереями, с некоторыми деятелями тогдашней итальянской литературы. Эти поездки не остались без следа в творчестве поэта, в частности, в одном из своих сонетов («Скалигеры») он с негодованием писал об австрийских оккупантах в Италии. Немалое значение для Эре-

диа, как человека и художника, имела его поездка в страну предков — в Испанию, осуществленная в 1886 г.

В 1868 г. при восстании негров на Кубе тамошние поместья семьи Эредиа были разорены. Материальное положение поэта и всей его родни ухудшилось. Однако Эредиа по-прежнему оставался довольно обеспеченным человеком, мог спокойно и неторопливо продолжать свои уже чисто профессиональные труды, неустанно совершенствоваться в языке и стихе, соревноваться со своими товарищами по тому же «Современному Парнасу», которым он подчас тактично помогал. Из месяца в месяц, из года в год крепла дружба Эредиа с Леконт де Лилем. Автор «Варварских стихотворений» являлся, в свою очередь, одним из тех немногих, кому было дано знать внутренний мир Эредиа. Для большинства же он, конечно, был хотя и подлинным поэтом и неплохим товарищем, но прежде всего представителем «большого света», благополучным «эрудитом», «эстетом» и пр.

«Трофеи» — книга, над которой Эредиа продолжал работать и после поступления рукописи в типографию, появилась в начале 1893 г. Вступая в шестое десятилетие своей жизни, поэт мог убедиться, что его долголетний труд был не напрасен: издание «Трофеев» было расхватано покупателями буквально за несколько часов. «День, когда я мог прочесть сонеты Эредиа собранными в одном томе, был одним из счастливейших в моей жизни», — свидетельствовал парнасец Катюль Мендес, наверняка уже знавший многие из тех же сонетов наизусть [1].

---

[1] Цит. по предисловию Б. Л. (Бенедикта Лившица) в кн.: *Хозе Мария де Эредиа.* Трофеи. перев. Д. И. Глушкова (Д. Олерон). ГИЗ, Л., 1925, стр. 5.

Как поэт Эредиа после (и кроме) «Трофеев» почти ничего не создал. Он оставил лишь немного разрозненных сонетов и стихотворений (кое-что и на испанском языке). Эредиа был также и прозаиком, но преимущественно в области прозы переводной. Эредиа принадлежит совершенный и в литературном, и в филологическом отношении перевод знаменитой «Правдивой истории завоевания Новой Испании» («Historia verdadera de la conquista de la Nueva España») конкистадора Берналя Диаса де Кастилья. Этот перевод, стоивший Эредиа примерно десятилетних усилий и снабженный его же введением, вышел в четырех томах в 1877—1887 гг. Эредиа подарил также французским читателям переводы любопытной апокрифической автобиографии монахини-поручика Каталины де Эраусо, жившей в поздние конкистадорские времена, и небольшую повесть вольнодумно-народного склада «Хуан солдат» Фернана Кавальеро.

К прозаическому наследию Эредиа следует причислить и ряд его литературных заметок и речей, произнесенных по различным случаям, а затем опубликованных. Примечательны, например, по глубине мысли и стилистическим достоинствам, речи Эредиа по поводу кончины Леконт де Лиля и открытия памятника ему, речи на открытии памятников Дю Белле, Мопассану.

Спустя год по выходе «Трофеев», то есть в 1894 г., Эредиа несколько неожиданно для самого себя был избран в число «бессмертных» (перед которыми в мае 1895 г. и выступил впервые в зеленом академическом фраке, завещанном ему Леконт де Лилем). По поводу этой неожиданной победы «иностранца» послышались, правда, и шовинистические голоса, но Эредиа, несмотря

на свой латнноамериканскнй патриотнзм, дал им решительиую отповедь.

Пребывание в Академии было сопряжено для Эредиа с выполнением некоторых официальных задач, которые поэт старался решнть в духе своих гуманнстнческих устремлений.

Еще в 1867 г. Эредна женился на Луизе Деспэнь. Одна из трех дочерей Эредна вышла замуж за поэта н романиста Пьера Луиса (автора «Песен Бнлнтнс», предвосхитившнх «Александрнйские песни» иашего Мнхаила Кузмниа), другая стала женой Анри де Ренье и под псевдоннмом Жирар д'Увилль (фамнлня предков Эредиа) составнла себе имя как автор беллетристических произведений и воспомииаиий об отце.

Эредиа скончался в замке Бурдоинé под Парижем 3 октября 1905 г. По отпеванни в одной из столичиых церквей тело было отправлеио в Руан (Нормандия). Там прах поэта покоится рядом с прахом его матери, скончавшейся в 1877 г.

В 1907 г. вышло в качестве посмертиого труда Эредиа долго и любовио подготовлявшееся им изданне сочииений Андре Шенье.

Жизиеописание Эредиа позволяет сделать вывод, что, несмотря иа иаличие в этой биографни элемеита экзотического, иеожидаииого и протнворечивого, оиа в сущности окрашена в довольно спокойные тона. Трудился Эредиа в благопрнятных условиях, не зиая нужды, каких-либо иепреодолимых препятствий на пути к иаметившимся целям и т. д. Не таковы, конечио, были бурные биографни Ламартина или Гюго, Бодлера или Лекоит де Лиля, Верлеиа или Рембо, поэтов Коммуны, автора «Интернационала»...

Однако поэзия Эредиа образует такую, в извест-

ином смысле автономную, область, подходить к которой с критерием биографическим крайне затруднительно.

Границы этой области строго очерчены поэтом в «Трофеях», необыкновенно целостной книге, «...где 118 сонетов создали ему мировую известность и то несколько завистливое удивление, которое едва ли скоро покинет это лонстие зияющее имя о десяти гласных»[2].

ОСОБЕННОСТИ ГРЕКО-СИЦИЛИЙСКОГО ЦИКЛА В «ТРОФЕЯХ» И ФОРМИРОВАНИЕ МАСТЕРСТВА ЭРЕДИА

На некоторое внешнее — тематическое, композиционное и т. п. — сходство «Трофеев» с «Легендой веков» Виктора Гюго, а также с «Античными стихотворениями» и с «Варварскими стихотворениями» Леконт де Лиля обращали внимание еще современники. Однако важнее было бы считаться с принципиальными различиями, существующими между лиро-эпическим циклом Гюго и «Трофеями» Эредиа.

Эредиа посвятил «Трофеи» матери (краткий латинский текст в духе древних эпитафий), должно быть, и из особой признательности к той, кто породнила его с Францией и, надо думать, укрепляла в нем веру в предназначение — быть именно французским поэтом. Вслед за этим посвящением в «Трофеях» идет вторая посвятительная надпись, обращенная к Леконт де Лилю:

«Один за другим, на ваших глазах, рождались эти стихи. Они — как звенья, связывающие нас с тем, уже далеким, временем, когда вы законами и нежными тай-

[2] *И. Ф. Анненский.* Античный мир в современной французской поэзии. СПб. 1908, стр. 14.

нами нашего искусства наставляли молодых поэтов в любви к чистой поэзии и чистому французскому языку. Я более, чем кто-либо другой, обязан вам: вы признали меня достойным чести быть вашим другом»[3].

Эредиа, так благодарно и благоговейно обращавшийся к Леконт де Лилю, был в некоторых отношениях его антиподом. Ибо Леконт де Лиль был человеком, с юности порвавшим со средой колониальных рабовладельцев (к которой принадлежал по происхождению) и в дальнейшем почти всю жизнь боровшимся с одолевавшей его бедностью, выступавшим за освобождение негров и до гробовой доски остававшимся революционером мысли и творчества, эволюционировавшим от фурьеризма к бланкизму.

Что же могло так тесно связывать этих двух людей, весьма разных, на первый взгляд, по жизненному опыту, социальному положению и убеждениям? Пресловутое «искусство для искусства» («чистая поэзия и чистый французский язык»), фанатиками которого выглядели, в глазах обывателей от литературы, и старший, и младший? Немногочисленность и недостаточность работ и материалов, проливающих свет на отношения между Леконт де Лилем и Эредиа, в данном случае отчасти даже способствуют решению поставленной задачи. Нас должна интересовать именно творческая близость между великим креолом, стоявшим в центре парнасской группы, и его самым любимым и самым благодарным учеником, покинувшим Кубу ради Франции.

Что ж, древняя Эллада? Вообще античный мир? То, что составляло конкретное содержание «Античных

---

[3] *Хозе Мариа де Эредиа.* Трофеи, перев. Д. И. Глушкова (Д. Олерона), стр. 25.

стихотворений»? Действительно, «Трофеи» первыми своими страницами (на помощь приходит и хронология) образуют что-то вроде параллели к пассеистской и «языческой» части «Античных стихотворений» [4].

«Забвение», начальный сонет книги. Скорбь об угасшем, идеализированном прошлом. Разрушенный языческий храм на берегу моря. Обломки мрамора и бронзы среди трав и кустарников. Опустелый, знойный край, где тишину лишь изредка тревожит пастух, быть может, сам не ведающий, каким древним напевом звучит его свирель. И — жизнь природы, продолжающаяся уже без того античного человека, для которого как бы подлинно существовали божества гор, лесов и морей. Таково поэтическое введение в «Трофеи». Нет необходимости доказывать близость этого сонета многим страницам «Античных стихотворений».

Затем следует серия сонетов у Эредиа, образующих в «Трофеях» первый, самый обширный цикл, сложившийся за долгие годы работы поэта в неразрывное целое — цикл, озаглавленный «Греция и Сицилия» и разделенный на отделы, названия которых говорят сами за себя: «Геракл и кентавры», «Артемида и нимфы», «Персей и Андромеда», «Эпиграммы и буколики».

Еще красноречивее заголовки самих сонетов: «Немея», «Стимфала», «Несс», «Кентавры», «Кентавры

[4] В посвященных автору «Трофеев» трудах сербского ученого Миодрага Ибровача, мимо которых не вправе пройти ни один из биографов Эредиа и исследователей его творчества (на французском языке: *Miodrag Ibrovac.* Jose-Maria de Heredia. Sa vie, son oeuvre. P., 1923; *Miodrag Ibrovac.* Jose-Maria de Heredia. Les sources des «Trophees». P., 1923), немало страниц посвящено именно этим вопросам. Есть и третья работа — «Bibliographie de Jose-Maria de Heredia». P., 1927.

и лапифы», «Бегство кентавров», «Рождение Афродиты», «Ясон и Медея», «Фермодонт», «Артемида», «Нимфея», «Пан», «Купание нимф», «Ариадна», «Марсий»... впрочем, этим перечнем не охвачена даже половина цикла!

Эти стихи в большинстве своем представляют собой лаконичные (сонеты!) версии греческих мифов — в тех вариантах, которые сохранены народной памятью, Гесиодом, Гомером, трагиками, вазовой живописью, скульптурой, архитектурой. Естественно, что здесь много литературных реминисценций элегической и идиллической поэзии древности (Феокрит и др.), позднего любимца эллинских муз Андре Шенье, шедшего по его стопам Пьера Лебрена и, наконец, самого Леконт де Лиля, хотя последовательное применение сонетной формы для освоения материала античности — черта, характерная только для Эредиа.

Не исключено, что цикл «Греция и Сицилия», нашедший немало поклонников еще во второй половине прошлого столетия, и в будущем сохранит свое обаяние в глазах людей с гуманитарным образованием, надолго сохранит и свою функцию образовательного чтения. Но, вместе с тем, сколько тут оснований и для неудовлетворенности подобной поэзией, отраженной и пассеистической по своей сути! Особенно если представить себе, что сочинялись эти сонеты в период бурного промышленного, научного, технического прогресса Франции.

Время, однако, показало, что даже такой, на первый взгляд, архаичный цикл, как «Греция и Сицилия», является непреходящей художественной ценностью.

Как же это могло случиться?

В отличие от Леконт де Лиля и его непосредственных учеников с их тяготением к формальному разнообразию, Эредиа избрал основой сонетную форму, столь свойственную поэзии романских народов, и именно как автор сонетов превзошел и предшественников, и современников.

Поль Верлен в яркой характеристике Эредиа писал: «Все писатели эпохи Возрождения до самого отдаленного потомства прибегали к сонету, который вновь восторжествовал у нас с 1830 г. и нашел в лице Жозе-Мариа де Эредиа, в этом испанце, так удивительно усвоившем себе язык и миросозерцание француза, своего специального великого поэта... Он бесспорно занял место царя сонетов, причем это сделалось само собою, как сами по себе пришли к нему и вполне заслуженные им, почести»[5].

Большой знаток французской поэзии Леонид Гроссман, специально занимавшийся вопросами сонетного мастерства, также отмечал: «...в центре сонетистов, быть может, всех времен, как самый утонченный и уверенный мастер стоит Жозе-Мари де Эредиа»[6].

Действительно, Эредиа, как никто другой, облагородил и возвысил французский сонет, причем умудрился проделать этот труд еще в свои молодые годы. Сначала Эредиа пробовал писать вольные сонеты, по примеру Бодлера и других, но вскоре обратился к канону этой «твердой» поэтической формы, разработанному французскими классиками, в первую очередь Малербом. Свои усилия Эредиа направил на усовер-

---

[5] *Поль Верлен.* Жозе-Мария де Эредиа. — «Всемирная иллюстрация», 1895, № 25, стр. 487 (переводчик не указан).

[6] *Леонид Гроссман.* Собр. соч., т. IV. М., «Современные проблемы», 1928, стр. 333.

шенствование этого канона, главным образом со стороны рифмы. Понимая, что во французской поэзии, в силу особенностей системы ударения в языке, есть слабое место, Эредиа в своих стихах стремился к ее обогащению, сопрягая не только конечные, стоящие под ударением гласные и не только предшествующие им согласные, и даже не только стоящие перед ними гласные второго слога от конца строки, но и согласные, открывающие этот второй слог. Например: radieux — dieux; inconsolée — mausolée; crépuscule — Hercule; galèse — l'aise; Ophire — porphyre и т. п. Нельзя сказать, чтобы подобных богатых и глубоких созвучий (rime riche, consonne d'appui) совсем не знали другие французские поэты — так иногда рифмовали даже старые мастера, и тем более Готье, де Банвилль, Леконт де Лиль. Однако поэты, писавшие до Эредиа, мало пользовались возможностями, скрытыми в мнимо скудной французской рифме, чаще всего прибегали к бледным, мнемонически бессильным созвучиям.

Следует подчеркнуть, что борьба Эредиа за совершенство французской рифмы сочеталась с всемерной заботой о том, чтобы рифма не выглядела насильственной, не соответствующей содержанию стиха, влияющей на правильность синтаксиса, чистоту речи. Обладая возможностями приводить в движение неисчислимые ряды созвучий, Эредиа рано постиг законы экономии в этой области мастерства — так, например, он почти никогда не допускал сопряжения рифм-варваризмов.

Быть может, ни один из мировых поэтов вообще не ставил себе таких трудных задач, как Эредиа. И феноменальная работа его над рифмой, и утверждение завещанных классиками «малербовских» законов сонета в условиях, когда его произвольно варьировали поэты

всевозможных новых направлений, и необычайное, постоянное внимание к эвфонии стиха — все это еще далеко не исчерпывает новаторской практики Эредиа, сказавшейся уже в «Греции и Сицилии». Пожалуй, Эредиа больше других французских, да и не только французских сонетистов, задумался над многозначительностью известного стиха Буало в его «Поэтическом искусстве»:

Un sonnet sans défaut vaut seul un long poème [7].
Сонет без изъяна стоит длинной поэмы.

Эредиа понимал, что сонету противопоказана недоработанность, что «самая форма сонетов требует сдержанности и совершенства формы; сонет не имеет права быть только хорошим, он должен быть превосходным» [8], что сонет, принадлежащий к малому жанру, с его ограниченными возможностями в принципе способен соревноваться даже с поэмой, свободно сочетающей повествовательный материал, развернутый сюжет, исторические, географические и другие сцены и картины.

Несомненно и то, что Эредиа уже в работе над «Грецией и Сицилией» пригодился и опыт некоторых александрийских поэтов, создателей эпиграмм и эпиллиев, произведений малой формы, которые, однако, обращались к исторической или эпической тематике.

Поэт научился изыскивать для своих сонетов все новые выразительные средства и возможности. Сонет у Эредиа приобрел совершенно исключительные качества. «То, на писание чего Гюго тратил целый печатный лист, Леконт де Лиль излагал на нескольких

[7] *Boilleau.* Oeuvres. P., Garnier freres,[s. a.], p. 194.
[8] *Robert de Cerisy.* Письма из Парижа (переводчик не указан). — «Северный вестник», 1893, № 1, отд. II, стр. 73.

страницах. Но то, на что Леконт де Лиль употреблял страницы, Эредиа передавал в нескольких строках.

Конечно, никогда еще не было лирического поэта, который с таким упорством, так усидчиво трудился бы над выработкою формы для своего искусства. По слухам, над некоторыми сонетами Эредиа работал по три, по четыре месяца. Он читает своим друзьям строфу сонета в четыре строки, даже одну строчку — полторы и просит их высказать свое суждение. Таким именно образом сочинял Флобер свою прозу»[9].

Это свидетельствовало не только об исключительной самокритичности Эредиа и умении пользоваться советами хотя бы того же Леконт де Лиля, не только о склонности к немногословию, но означало и нечто большее. Эредиа не очень доверял пресловутой «чистой поэзии», «чистому искусству» и, подобно Флоберу, считал, что сила поэзии — в ее союзе с научным знанием — историей, археологией, географией (тут, в этом ограничении, сказывалось в равной мере и характерное образование поэта, и его позиция одного из парнасцев, исполненных неприязни к «пошлости индустрии», символизировавшей для них Вторую империю и Третью республику). Эта установка на серьезную поэзию исключала торопливое писание стихов и предполагала тщательное построение их на основе двуединого процесса — использования чистого творческого процесса и строгой эрудиции, в результате чего должны были возникать произведения совершенно особого типа.

Еще в пору возникновения замысла сонета поэт изучал казавшиеся ему интересными и нужными конкрет-

---

[9] *Георг Брандес*. Главные течения в литературе XIX века. Французская литература. Киев, 1903, стр. 325.

иые материалы, источники и литературу «предмета», различиые более или менее достоверные факты, всевозможные реалии, топографическне и топоиимические сведення. По мере разработки замысла он обращался к специальным словарям, записывал впечатлеиия от памятииков искусства или архитектуры, набрасывал видеиный или представляемый ландшафт, оттеняя различиые его подробности. Затем отбиралось все иаиболее существенное, и лишь тогда иаступал подлннно творческий акт, чудо возникиовеиия жнвой плоти образов, тропов, блеска словесных красок и звуков. Огромиое эстетическое чутье поэта, могущество его воображения, ювелирная техника оформляли какое-нибудь извлеченное из древиего автора хронологическое сведеиие в образной строке, топографнческое упомниаиие оживало в краткой, ио выразительиой пейзажиой зарисовке, топонимика иеожиданно становилась основой впечатляющей рифмы, кратчайшнй фрагмент иадписи превращался в эмоциональную фразу. А читатель восторгался сонетом, подчас даже не предполагая, сколько в этом пронзведеиин выверениого н достовериого! Причем он ие становнлся жертвой романтической мнстификацни или стнлнстнческой неряшлнвости — уж если Эредиа предлагал ему греческнй сонет во фраицузской языковой версии, то это был именно греческий, а не римскиӣ соиет — никакой путаиицы ии в реалиях, ни в лексике!

Виртуозно владея композициоииыми закоиами сонета, в соответствни с которымн сконцентрированный материал соиета заиимал катрены, терцеты отводнлись для подробиостей ситуации или картины, а последияя строка иепремеино иесла усиленную смысловую, образную и звуковую иагрузку, Эредиа устраиял н впечатлеиие

однообразия, чем страдают сонеты даже многих мастеров. С особым искусством используя общий композиционный канон и нередко добиваясь с исключительным успехом ликвидации сонетной «тесноты», он в подлинном смысле расширял сонет «во времени и пространстве». На помощь приходил способ чрезвычайной концентрации материала в четырнадцати строках.

Это уплотнение поэзии в сочетании с разнообразием тем и сюжетов, естественно, и приводит к возникновению у читателей Эредиа ощущения то большей, то меньшей величины каждого сонета, тогда как в действительности они всегда одинаковы по величине. Еще Жюль Леметр поражался тому, что четырнадцатистрочные сонеты Эредиа заключают в себе содержания на добрых шестьдесят строк[10]. П. Д. Бутурлин, первый русский переводчик Эредиа, в 1893 г. записывал в своем дневнике: «Мне кажется, что искусство не может идти дальше, не может дать больше... У него нет ничего лишнего, но зато он выражает все, что он хотел, и именно, как он хотел. Поэтому все его сонеты производят впечатление какой-то удивительной цельности — и многие из них представляют нам грандиознейшие картины. Право, иные кажутся нам больше, чем сонет может быть!.. Его сонеты не дают впечатления одинаковой длины: один кажется больше, другой меньше»[11].

Действительно, Эредиа создавал эффекты, о возможности которых многие поэты, пожалуй, даже и не догадывались. Возьмем, к примеру, «Бегство кентавров» в поразительном переводе Максимилиана Волошина (по-

---

[10] *Jules Lemaître.* Les contemporains, 2^e^ serie. Paris, 1886, p. 56.
[11] *П. Д. Бутурлин.* Стихотворения. Киев, 1897, стр. XXIII—XXV.

разительном, несмотря на допущенную последним вольность рифмовки в четверостишиях).

Первый катрен. Охваченное непреодолимым ужасом, по горным склонам несется стадо кентавров, которых настигает и разит Геракл. Бегущие своим звериным нюхом чуют запах львиной шкуры, прикрывающей плечи героя. Здесь дана общая ситуация: слитная масса несущихся кентавров, охватившее их чувство страха.

Во втором катрене динамика действия нарастает. Дается нечто вроде топографического описания местности, это уже мрачные долы, кишащие рептилиями, а в отдалении возникают новые горные цепи — Осса, Олимп, Пелион.

В терцетах мифологическая картина, уже в немалой степени оживленная всеми этими подробностями и динамичностью повествования, получает два-три дополнительных штриха, конкретизирующих и детализирующих ситуацию. Один из мчащихся кентавров на какой-то момент приостанавливается, ноздрями ловит далекий запах — и тут же опрометью бросается догонять бегущее стадо. Человекоконь не только нюхом почувствовал, что страшный преследователь не прекращает погони, но и успел, в отчаянье, увидеть, что

> Вдали, по руслам рек, где влага вся иссякла,
> Где тени бросила блестящая луна —
> *Гигантским ужасом несется тень Геракла. . .*[12]

Необыкновенная образно-эмоциональная насыщенность последних шести строк сонета и мощь заключительного стиха (в ночи для обернувшегося кентавра самая фигура гонителя оказалась незримой, но тем страшнее стала при луне мчащаяся громадная тень) окончательно

[12] *Максимилиан Волошин.* Стихотворения. М., «Гриф», 1910, стр. 29.

превращают древний мифологический сюжет в полную действия, пространства, времени, красок и звуков (ухо словно слышит топот копыт, глаз словно видит эту несущуюся тень) живую картину. С трудом веришь, что это не большое полотно, не поэма, а всего-навсего 14 строчек! И, быть может, важнейшая победа Эредиа в этом сонете — то, что читателям, собственно, поначалу даже не приходит в голову, что созданию этого динамичного зрелища предшествовала какая-то предварительная, серьезная работа поэта. «Но зато в этих удивительных сонетах нет ни малейшего следа работы», восхищался тот же П. Бутурлин[13]. Однако работа была, да притом немалая! Например, кроме эвфонической обработки строк, подбора естественно занявших свои места рифм, проведения цезур и т. п. усилий, напряжения поэтического зрения, с помощью которого единственно можно было «восстановить» эпизод с бегством кентавров, требовалось еще выбрать вариант мифа, остановиться на определенных фризовых и вазовых изображениях человекоконей, придумать такую подробность, как улавливание кентаврьим нюхом запаха львиной шкуры Геракла...

Устойчивая традиция поэзии второй половины XIX в. в сущности даже обязывала поэтов, умы и сердца которых продолжала привлекать античная Эллада, к вызыванию из мрака прошлого великих образов Гомера и Эсхила, Платона и Аристотеля, Фемистокла и Перикла, Фидия, Сафо, Аспасии, Фрины — и т. д., и т. п. Если собрать только лучшие французские стихи, относящиеся к названным именам, то наверняка получилась бы целая книга!

---

[13] *П. Д. Бутурлин.* Ук. соч., стр. XXIV.

Но Эредиа, словно забыв об устойчивой традиции, не пожелал дать поэтическую жизнь ни одному из этих имен, прославленных в веках и тысячелетиях.

Вместо этого поэт посвятил сонеты, например, атлетам античной Эллады (заглянув в одном случае и в Византию), этим любимцам тогдашнего народа («Ристатель», «Возничий»).

Значит ли это, однако, что Эредиа, сочиняя свой греко-сицилийский цикл, вдохновлялся образами простодушных и суеверных козопасов и рыбаков (им посвящены сонеты, наследующие в основном александрийцам, Шенье и Леконт де Лилю) и героев стадиона, что он совершенно не интересовался, например, гражданскими и воинскими доблестями Афин, Спарты и всего эллинского мира в борьбе с персидскими завоевателями? Нет, об этой яркой странице в истории древнего мира Эредиа в своей поэзии отнюдь не забыл! Свидетельством тому «Посвящение», один из превосходнейших сонетов, когда-либо написанных на эллинскую тему. Но характерно, что и на этот раз Эредиа не пишет ни о Мильтиаде, ни о Фемистокле, а о каком-то старом, безымянном гоплите, который, беседуя с кем-то помоложе себя и принося в жертву богу войны Арею свои ставшие уже ненужными доспехи, мимоходом вспоминает о своих ратных трудах при защите родины!

В стремлении создать верную и не шаблонную картину античного прошлого, Эредиа пошел и дальше, поставив своей целью разоблачение одного из самых живучих мифов — об античной Элладе, как о каком-то якобы идеальном мире, обители светлых олимпийских божеств, стране счастливых пастухов и веселых рыболовов и т. д. И тут опять-таки речь не о тех нескольких сонетах цикла «Греция и Сицилия», где поэт

в скупых, впечатляющих строках рассказывает, например, об опасном труде древних моряков, о скудном и примитивном пастушеском быте, а о сонетах, на первый взгляд и вовсе неожиданных, — о рабских сонетах! Они действительно неожиданны — уже потому, что вышли из-под пера ближайшего ученика Леконт де Лиля, который, как известно, идеализировал именно эллинский мир. Здесь-то, однако, и подтверждение — может статься, впервые неопровержимое — того, что таким образом Эредиа является именно *продолжателем* Леконт де Лиля.

Голодный, загнанный, в отрепьях нищеты,
Невольник — посмотри, вот рабства знак тяжелый, —
Свободным я рожден у рощ, где пахнут смолы
И Гиблы высятся лазурные хребты. . .
(*«Раб», перевод Г. Адамовича*).

Во втором сонете («Пахарь») житель все той же лучезарной страны (будто бы ведавшей только счастье), быть может, человек даже свободный, но, в сущности, не меньше раба подавленный тяжким трудом и безрадостной бедностью, — достигнув старости и готовясь к прощанью с землей, страшится самой мысли об Эребе. А не ждет ли и там таких, как я, размышляет он, все тот же изнурительный труд, все та же проклятая бедность?

Иначе говоря, в этих двух необычайно выразительных сонетах Эредиа обращает внимание читателя на классовые и социальные противоречия рабовладельческой Эллады. При этом, как и следовало ждать, его авторское «я», в соответствии с парнасским методом, внешне устранено. Стихи воссоздают объективную обстановку, несомненно типическую, и словно воскрешают

умолкшие, казалось навсегда, горестные голоса людей, конкретно, в индивидуальностях нам неведомых, но, безусловно, живших в таких вот условиях подневольного труда и сокрушающей скорби — в то время, как другая, более счастливая часть рабовладельческого общества заполняла, к примеру, стадионы и театры. Никакой добавочной декламации тут не требуется, позиция поэта и без нее совершенно ясна, не приходится сомневаться в его гуманных чувствах. Это больше, чем простой либерализм. Это возмущение злом и разоблачение зла. И здесь, в этом подлинном гуманизме и гневном отношении к угнетению человека человеком — очевидное идейное единство Эредиа с его учителем, который, правда, обрушивался на несправедливость и угнетение не столько в своих эллинских вдохновениях, где, повторим, он был не свободен от идеализации античной демократии, сколько в его необыкновенных обличениях феодального средневековья, варварские черты которого он узнавал в отвратительной капиталистической современности.

РИМСКО-ВАРВАРСКАЯ ТЕМА В «ТРОФЕЯХ» ЭРЕДИА

Наиболее живые страницы «Греции и Сицилии» служат переходной ступенью ко второму античному циклу в «Трофеях» — римскому. Впрочем, точное его название — «Рим и варвары». Эта группа «римско-варварских» сонетов численно меньше предшествовавшей (23 сонета против 39 в «Греции и Сицилии»). Но ее следует признать по многим причинам в целом более весомой.

Само по себе появление в «Трофеях» римско-варварской тематики, разумеется, могло бы и не вызывать ис-

ключительного интереса. В стране, где исстари процветало гуманитарное образование, в системе которого изучению Рима закономерно оказывалось предпочтение перед изучением эллинского мира: задолго до Возрождения и «Плеяды» у наиболее культурных французов уже складывался «галло-римский комплекс». Но, как правило, здесь преобладала ложно-классическая или характерно романтическая условность, декоративность, а то и попросту бутафория или стилистическая неразбериха. В этом отношении показательны даже нехудшие стихи многих старших современников Эредиа — Виктора Лапрада, Жозефена Сулари и др. На первом плане выступали, естественно, пышные фигуры цезарей и полководцев, славные распутством императрицы, христианские мученики, а самый стих приобретал трескуче-декламационный характер. Ведущие поэты парнасской ориентации первые повели новаторскую борьбу с подобным шаблоном, хотя некоторые из них уже были знакомы с практикой и Гете, и Августа Платена, а в отечественной литературе видели пример своего собрата, а в некотором смысле и предтечи из романтического лагеря — Луи Буйе (1822—1869), которым откровенно восхищался Г. Флобер (узнавая в некоторых его произведениях образец поэзии будущего), а у нас, кажется, лишь случайно не заинтересовался Валерий Брюсов[14].

---

[14] И поныне взывают к вниманию наших поэтов-переводчиков и исследователей внешне очень беглые брюсовские слова о Луи Буйе: «... начинавший среди романтиков, проявил в своих произведениях (1851—1859), сюжеты которых взяты из древнеримской жизни, величайшую заботу о научной верности изображаемых явлений, и этим тоже ввел принципы Парнаса в романтическую поэтику» (*Валерий Брюсов*. Полн. собр. соч. и перев., т. XXI —

Из числа парнасцев в этом смысле Эредиа в римско-варварских сонетах ушел дальше всех. Правда, в цикл входит и ставший широко известным при жизни Эредиа сонетный триптих, относящийся к любви Антония и Клеопатры, сюжету, изрядно затасканному разного рода поэтами романтического толка. Но нетрудно убедиться, что в этом триптихе Эредиа далек от банальной интерпретации истории страсти, бросившей грубого римского триумвира в объятия последней хранительницы трона Птолемеев и вместе с ней нашедшего гибель.

Первый сонет триптиха («На Кидне») пышен и декоративен, но в нем нет никакого бутафорского элемента и стилистической безвкусицы.

Во втором сонете («Вечер после битвы») Эредиа, еще более уверенно выбирая реалии и образы, дал, в сущности, целое батальное полотно. Он рассказывает о походе Антония из Египта в Парфию и об одной из его последних побед. Утомленные боем легионарии, перестраивая под команды трибунов и центурионов свои сильно поредевшие ряды, угрюмо глядят, как вдали кружатся, подобно подхваченным ветром листьям, копейщики и лучники парфянского царя. Потом, при громе труб, в доспехах, обрызганных кровью и утыканных вражескими стрелами, показывается — в летучем пурпуре плаща — на вздыбленном коне вождь, еще как будто победоносный, но предстающий именно на фоне заката (заката столько же реального, сколько и

Французские лирики XIX века. СПб., изд-во «Сирин», 1913, стр. 224. На рус. яз. переведены, причем еще в прошлом столетии и скорее по-дилетантски, только кое-какие случайные, совершенно незначительные вещицы Буйе. См. *Louis Bouilhet.* Oeuvres. P., Lemerre, [s. a.]. (Там же статья Г. Флобера об авторе «Ископаемых» и «Мелениса»).

символического — ведь парфянские походы Антония были началом его конца!).

И, наконец, последний, самый знаменитый сонет триптиха — «Антоний и Клеопатра». Триумвир, разбитый флотоводцами Октавиана в битве при Акциуме и бежавший в Египет вслед за кораблем Клеопатры, склоняется в объятия прекрасной царицы. Догадывается ли Антоний о ее тайных надеждах? Погружена ли сама Клеопатра в свои коварные замыслы? Она ласкает возлюбленного. Величественный Нил, как всегда, несет свои воды мимо дворцовой террасы, вечер нисходит к влюбленным. Но неясные предчувствия и сознание своего унижения терзают Антония даже в эти минуты. В глазах Клеопатры он словно видит не страсть, а морскую ширь и свой разгромленный, постыдно бегущий флот...

Многие авторы, писавшие об Эредиа, восхищались этим действительно великолепным триптихом. Правда, чаще всего беря его не целиком, а обращаясь главным образом к последнему сонету с его необыкновенными строками. Однако триптих связан единством авторского замысла, пренебрегая чем, можно прийти к неправильному его пониманию. Так, один из критиков конца прошлого века в статье об авторе «Трофеев» усмотрел во втором сонете, говорящем о закате воинской славы Антония, что-то вроде... прославления кровопролития и даже противопоставил «Вечеру битвы» Эредиа одноименное антивоенное стихотворение Леконт де Лиля![15]

В действительности перед читателями настоящая поэма, замкнутая в трех сонетах (всего 42 строки!).

[15] См. *Евгений Деген.* Два парнасца. — „Мир божий", 1899, № 12, стр. 85.

наполненная большим историческим содержанием, реалиями и впечатляющими образами. Как и в предыдущих исторических сонетах Эредиа, авторское «я» здесь незримо. Но разве трудно угадать за этим объективным содержанием характер размышлений поэта над трагизмом судеб крупных исторических личностей? Безжалостный ход истории сокрушает их так же, как и людей, чьи имена время не сохранило для потомства, чьи тела истлели хотя бы на той же парфянской земле, куда вторгался надменный римский воитель, не ведая, что землей этой ему не завладеть и что ему уже суждено погибнуть в борьбе с таким же, как он сам, жестоким, но более изворотливым противником из числа римлян же — тем, кого не перехитрит даже Клеопатра.

Триптих «Антоний и Клеопатра» в целом, будучи шедевром и поэзии, и стихотворной техники, произведением, подтвердившим действительно необыкновенные возможности сонета, оказал воздействие на многих поэтов далеко за пределами Франции. Если бы не близость дат, можно было бы предположить, что именно по образцу поэмы Эредиа в сонетах (чисто лирические цепи сонетов — «сонетный венок» — создавались и раньше — достаточно вспомнить хотя бы о том, который был создан еще словенцем Франце Прешерном) и Джозуэ Кардуччи написал свою великолепную поэму в 12 сонетах «Ça ira», посвященную Французской революции. Именно по примеру Эредиа создали свои сонетные исторические триптихи (на тему той же революции) великий никарагуанец Рубен Дарио, и наш Максимилиан Волошин, и перуанский поэт Хосе Сантос Чокано (у этого тема — борьба индейцев с конкистадорами). Наконец, исторические же поэмы в сонетах Валерия Брюсова («Светоч мысли») или Ильи Сельвинского

(«Бар Кохба») — разве и они возникли на пустом месте, разве и им не предшествовал именно триптих Эредиа?

Но в откликах на цикл «Рим и варвары» мало уделялось внимания некоторым важнейшим сторонам этой группы сонетов. А между тем при внимательном чтении нельзя не прийти к выводу, что Эредиа обратился к поэтической разработке римско-варварской темы с определенно прогрессивным, критическим отношением к прошлому, проявляя демократические склонности. Причем, пожалуй, ничуть не меньше, чем такие парнасцы, как Луи Менар или Анатоль Франс, для которых Рим, сколько бы увлекательного ни находили они в его истории, нередко служил чем-то вроде возбудителя неприязни к монархии.

Совершенны и глубоки римские сонеты «Треббия» и «После Канн», посвященные событиям Второй пунической войны (218—202 гг. до н. э.). На этот раз перед нами единая по замыслу поэма в сдвоенных сонетах (диптих). Пуническая война заинтересовала поэта не просто тем, что явила картину переменчивости военного счастья, а сначала — в плане поэтической констатации того факта, что заносчивый и грозный Рим недооценил силы «варварского» пунического мира и способности величайшего из карфагенцев, Ганнибала, поставившего Рим при Треббии и Каннах на грань катастрофы. Эредиа показал и то, что спесь завоевателей сменилась отчаянием и сознанием возможной расплаты за вызов, брошенный миру. И тут возникает третий аспект: поэт, как бы становясь одним из свидетелей, с редкостной силой ви́дения и показывает, и осуждает войну: всего несколько строк, с умело отобранными историческими подробностями и меткими образами — и перед

читателем воочию возникает исполненная трагедийного смысла картина общенародного бедствия. Пылают загородные деревни, и со стен закрывшего свои ворота города с ужасом и смятением смотрят на близящихся врагов осажденные — и свободные, и рабы, узники ергастулов, ибо среди них тоже есть патриоты, а кроме того, война беспощадна и убивающие не очень разбираются, кто ее жертвы:

На жертву преданы безжалостного мщенья
Пылают вдалеке инсубрские селенья.
. . . .

И каждый вечер вновь, я поля, на акведуки,
Соим женщин и детей спешит, ломая руки,
Чтоб плакать жалобно в зловещей тишине.

И все им кажется, что, над холмом горбатым,
Сабинских гор встает, весь озарен закатом,
Тот одноглазый вождь на медленном слоне.

(Перевод Валерия Брюсова)

В этих стихах — антивоенная концепция, особенность которой в том, что в ней нет места осуждению какой-либо воюющей стороны за счет другой, нет места ни римо-, ни карфагенофильству.

Возникает вопрос: а правилен ли подобный взгляд или же здесь у поэта проявляется излишнее бесстрастие и неумение определить, кому из враждующих он должен отдать свои симпатии? Специалисты—античники и востоковеды могут поспорить об этом. Но читателю стихов Эредиа для того, чтобы оценить их внутреннюю силу, лучше всего вспомнить, как рассматривал эти далекие события В. И. Ленин, когда писал, что это

была война, «...в которой обе воюющие стороны угнетают чужие страны или народности, воюя из-за раздела добычи, из-за того, «кому больше угнетать или грабить...»» [16]

Если вообразить, что человечество утратило бы вдруг все источники о Второй пунической войне (Ливия, Полибия, Аппиана и др.), то эти две странички «Трофеев», с их научной достоверностью, усиленной искусством, могли бы отчасти возместить потерю. Поневоле вспоминается мысль Н. Чернышевского о том, что одно из важнейших прав поэзии — распространение знаний, а также приходят на ум основные принципы научной поэзии.

В сонете «Триумфатору», примыкающем к диптиху, то же осуждение кровавых распрей и их мнимой славы, которая оказывается ничем перед славой мирного труда. Пусть надменный триумфатор заботится о своем величии, воздвигая себе триумфальную арку. Время сокрушит памятник — он обветшает, значение его будет забыто, а камень, установленный, чтобы из века в век прославлять имя воителя, — послужит точилом для серпа безвестного пахаря-самнита — человека из племени, которое долго не покорялось римлянам и помогало Ганнибалу при его нашествии на Апеннинский полуостров.

Напрасным занятием было бы искать в цикле каких-нибудь строк, целью которых являлось бы восхваление римского могущества (даже Рима республиканского, не говоря уж о римских императорах). Убеждения Эредиа исключали самую возможность писания сонетов, допу-

---

[16] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 34, стр. 364.

стим, о Нероне, которому посвящеиы вороха францyзскнх, русских и еще какнх угодно стнхов [17].

Впрочем, равнодушие или презрение к императорам вовсе ие повлияло на широту разработки римской темы в цикле «Рим и варвары». Пусть соиет «Tepidarium» в какой-то мере и иапомниает «Купаиие римской дамы» Альфреда де Виньи, преимущество Эредна ие только в пластичности и яркости сцены купания, ио и в привнесении в римскнй мотнв победной варварской ноты:

> Жева восточная, на пурпурной постели,
> Сквозь сон почуквшн, как в обнаженном теле
> Хотевье бешеным пожаром развлилось,
>
> Пькнит авзонских дев, стыдливых и покорных,
> Богатой, днкою гармонией черных,
> По телу медному крутящнхся волос.
>
> *(Перевод Сергея Соловьева)*

Обращаясь к римской релнгин, Эредна оставляет в стороне главиых богов, зато пишет серию сонетов иа тему о земледельческом характере римского иародного культа бога Прнапа. Это стнхн о крестьянском боге плодородия, охранителе садов и внноградннков, изображение которого служило у римлян пугалом для галок и вороватых прохожих.

И, иаконец, в цикле «Рим и варвары» примечательны заключительные страиицы, объединеиные в «Эпиграфическне соиеты». Это образцы совершеиио особой,

[17] Никак нельзя считать продолжателем Эредиа, например, Александра Ротштейна с его сонетом о Нероне: «Чудовищностью Златы ужаснул весь свет, но Красотой его пленил мою мечту...» (*А. Ротштейн*. Сонеты. СПб., 1910, стр. 45), хотя у этого, мало кому теперь памятного, поэта порой можно констатировать усвоение элементов мастерства автора «Трофеев».

раньше, пожалуй, не существовавшей во Франции поэзии документа, реконструирующей далекое прошлое на основе тщательного продумывания дошедших, нередко лишь во фрагментах, эпиграфических свидетельств, претворяемых артистическим воображением. Сонеты доказывают, что тема рабства в античности, появившаяся в цикле «Греция и Сицилия», вовсе не была для Эредиа случайной. В «Эпиграфических сонетах» Эредиа, основываясь на той или иной надписи (текст ее дается в форме эпиграфа), с большой верностью реалиям и психологической убедительностью дал своего рода поэтические «воскрешения», обращаясь к малопопулярным сторонам жизни античного Рима, в частности, его галльской периферии. Это не Рим Форума и блистательных дворцов, величественных столичных храмов и цирков! Перед нами как бы ряд автобиографий простых, обыкновенных людей, живших в те древние времена (которые восстановлены Эредиа иногда по отрывочным, случайно сохранившимся фразам). Эти краткие жизнеописания — словно живые голоса, доходящие из глуби прошлого. Они рассказывают нам, например, о том, что какой-то оставшийся свободным труженик, живя в далеком от города углу необъятной рабовладельческой империи, счастлив тем, что ему удалось укрыться от гнета поработителей, и думает только о том, как бы и своему потомству передать свободу, при которой у неприхотливого селянина есть возможность довольствоваться скромным достатком, почитать божество источника и поклоняться богу буку, дающему своему хозяину все нужное, даже доски на гроб. Мы слышим также голос изгнанницы, нашедшей убежище в горах, вдали от Рима. И еще один превосходный сонет: в его основе — подлинная надпись на скромном памятнике не-

коего раба Геминуса, которому удалось бежать, быть может, прямо из эргастула в горы, где он обрел, наконец, свободу. Безудержный крик восторга и торжества, вырвавшийся из груди измученного, но гордого человека и прозвучавший среди божественных гор, мог быть услышан только сильно и глубоко мыслившим и чувствовавшим поэтом-свободолюбцем:

И этот крик раба, могучий, бурный, вольный,
В недвижном воздухе как будто до сих пор
Ликующе гремит над твердью безглагольной.

(Перевод Д. Олерона)

Таким образом, «рабские» сонеты Эредиа, занимающие далеко не последнее место в обоих его античных циклах, были выражением глубинных переживаний поэта. Причем не исключено, что те же свободолюбивые стихи Эредиа, в восприятии и его друзей по Парнасу, и симпатизировавших этому направлению критиков, и самих читателей также были проявлением в условиях Второй империи «эзопова» языка, как и многие вещи Леконт де Лиля, Луи Менара, Сюлли Прюдома, Анатоля Франса и др. Эти «рабские» сонеты, как и в греческом цикле, позволяют нам понять, на какой общей идейной основе возникла несколько загадочная дружба между Леконт де Лилем и Эредиа.

Труднее понять, почему при сравнительном обилии литературы об Эредиа, спустя столетие с начала его литературной деятельности, впервые отмечается принципиальная значимость рабской темы в «Трофеях»...

И. С. Поступальский

СРЕДНЕВЕКОВЬЕ И ВОЗРОЖДЕНИЕ В «ТРОФЕЯХ»

Книга поэзии, даже притязающая на отнесение ее к жанру научно-исторической поэзии и составленная из циклов, характеризующих определенные эпохи, это, конечно, не хрестоматия и тем более не учебник истории, предполагающий полноту сведений, распределение их по главам и параграфам и т. д. Однако Эредиа, игнорируя упреки в педантизме, придал очередному циклу в сборнике совершенно конкретный заголовок: «Средние века и Возрождение».

Причем и на этот раз он не написал ни гимнов во славу римских первосвященников или феодальных монархов, ни восхвалений кровавой крестоносной эпопее, не произнес даже проклятий по адресу инквизиции или же презрительных инвектив против грубого невежества, в котором после падения античного мира будто бы погрязла Европа! Нет и прямого прославления Возрождения, явившегося переломной эпохой.

В своих средневековых и возрожденческих сонетах Эредиа, оставаясь тем же эрудированным поэтом-парнасцем, как бы отказывается от широкого историзма, характерного для Леконт де Лиля, и с воодушевлением говорит о ... художественных ремеслах, искусстве и литературе Средних веков и Возрождения! И одновременно о людях, занимавшихся всем этим, и о тех, кто передал потомкам свои имена, и о тех, кто остался безымянным.

Нет ничего нелепее, чем упрекать Эредиа за то, что в этих сонетах он якобы сузил свои возможности ограниченным восприятием эпохи Средневековья и Возрождения и не пожелал продолжать дело своего учителя,

яростного обличителя феодального варварства и его пережитков в капиталистическом мире[18].

Один из характерных упреков в адрес Эредиа: будто у него «...средневековье ограничено узким витражом; для Возрождения достаточно корешка переплета»[19]. Утверждение и категорическое, и произвольное. Возможно, правда, на него повлияло действительно редкое своеобразие средневековых и возрожденческих сонетов Эредиа.

В этих сонетах, исключительно конкретных по материалу, Эредиа хотел сказать читателям, что и в средневековые времена, и в эпоху Возрождения, когда в некоторых странах Европы длившийся веками духовный гнет ослабел, хотя гнет социальный и политический оставался достаточно сильным — гений тех же подавленных европейских народов все-таки изумительно проявлял себя не только в строительстве, но и в бесчисленных созданиях художественного ремесла или прикладного искусства, в творениях живописи и скульптуры, в фольклоре и литературе, музыке и песне. При-

---

[18] В конце 40-х годов М. Д. Эйхенгольц рассказывал мне о своей встрече в Париже, кажется, перед первой мировой войной, с подругой Леконт де Лиля (и автором ряда трудов о нем), известной в литературе под псевдонимом Жан Дорни (Jean Dornis). Помню, что, ведя этот рассказ, Эйхенгольц, смолоду занимавшийся Леконт де Лилем, писавший о нем диссертацию (оставшуюся неизданной), упомянул о том, что задал собеседнице вопрос — почему-де Эредиа, как автор средневековых сонетов, ни в чем не повторил своего учителя — и получил приблизительно такой ответ: «А он и не хотел повторения, считал это делом ненужным! И Леконт де Лилю нравилось, что Эредиа писал по-своему».

[19] *Франц Шиллер*. История западно-европейской литературы, т. II. М., Гослитиздат, 1936, стр. 96.

чем, быть может, этот артистический протест против духовного гнета особенно мощно проявлял себя именно в продукции мастеров великого цеха «вещеделателей» — оружейников, чеканщиков, ювелиров, переписчиков, миниатюристов, первопечатников, переплетчиков, изготовителей музыкальных инструментов — тех, кого называли художниками-ремесленниками, кто стоял наиболее близко к народу, выражая его чаяния и вкусы. Гораздо меньше интереса проявляет Эредиа к великим представителям духовной культуры Средневековья и Возрождения, знаменитым художникам, скульпторам, поэтам, писателям; его влечет как к тем, кто оставил свои громкие имена и нередко бурные жизнеописания потомству, так и к безвестным мастерам, создания которых до сих пор пленяют людей, занимая витрины музеев, полки антикварных лавок, страницы альбомов.

Вполне оправданно сопоставление этих сонетов с написанными явно в подобном же ключе произведениями тех поэтов славянских земель и Кавказа, которые тоже писали о Средневековье и Возрождении в своей истории. Мы сразу же обнаружим определенную близость к «художественно-ремесленным» сонетам Эредиа у таких значительных поэтов, как серб Йован Дучич (1869—1943) с его «Житием», «Надписью», «Дубровником»[20] или белорус Максим Богданович (1891—1917), создавший, например, «Переписчика» и «Книгу»[21]. В своих поэтических откликах на Средневековье и Возрождение оба эти поэта, как и Эредиа, творчество которого они хорошо знали, тоже залюбовались украшенными минна-

[20] См. *Јован Дучић*. Песме, путописи, есеји. Нови Сад, «Матица српска», 1957, стр. 109—111.

[21] См. *Максім Багдановіч*. Збор твораў у двух тамах, т. I. Мінск, «Навука і тэхніка», 1968, стр. 67—68 и 319—321.

тюрами и росписями, старинными книгами или художественно чеканным оружием, видя тут овеществленное проявление духовной силы родного народа, его артистических способностей, его страстного влечения к труду.

Сын Армении, страны, насчитывающей тысячелетия писаной истории, поэт Егише Чаренц знал стихи Эредиа. Однако вряд ли имело бы смысл выискивать в поэзии Чаренца какие-нибудь «следы Эредиа» — корни здесь были другие. И армянский поэт в своих многочисленных обращениях к временам армянского Средневековья и Возрождения тоже склонялся к характерному варианту, в мировой поэзии впервые великолепно разработанному именно Эредиа. Свидетельство этому — его необыкновенный «Гимн художникам-миниатюристам».

Интересно проследить, как конкретно воплощена у Эредиа тема ремесла. Три начальных сонета в цикле — о готических витражах. Иной из них восхищал еще взоры могущественных сеньоров, церковников, разряженных дам и рыцарей, уходивших биться за гроб господень (сонет «Витраж»). Но не память о них, истлевших под могильными плитами, пережила века, а дивная роза, не знающая увядания в стекложивописи, шедевр художников, выдвинутых народом, их драгоценный дар далекому потомству.

Два других витража («Эпифания» и «Назаретский плотник»), трогательные в своей земной, почти деревенской наивности, монастырские художники посвятили евангельским сюжетам, которые Эредиа воодушевленно перевел с языка стекложивописи на язык поэзии. На одном из них — поклонение волхвов младенцу Христу, лежащему в убогих яслях, на другом — Христос-ученик, усердно плотничающий в бедном жилище, под одобри-

тельными взглядами усталого Иосифа, девы Марии и Анны.

Дальнейшие сонеты посвящены уже не этим наивным евангельским витражным сюжетам, а оставшимся безымянными оружейникам, чеканщикам, переписчикам. Встречаются строфы, которые в наши дни можно было бы определить как «производственную поэзию». Так, например, в сонетах «Эмаль» и «Видения эмали» Эредиа с увлечением знатока описывает, в частности, процесс эмалировки художественного изделия.

И все же не одни вещи вдохновляют поэта. За ними он прежде всего старается увидеть тех, кому эти вещи служили. Сонет, посвященный мастерски изготовленному клинку («Шпага»), — не просто любовное описание дорогого оружия, но и дерзкая апология оружейника, создавшего подобное чудо, — настоящего короля ремесел:

Взмахни ей! Взвизгнув, сталь игрою искр мгновенной
Блеснет. Она прочна, ее закал нетленный
Из тех, что грудь пьянят спокойным торжеством;

Затем, что тело ей, одетое лучами,
Как редким жемчугом убрал своим клеймом
Сам Хулиен дель Рей, король меж ковачами!

(Перевод Студии М. Лозинского)

Собственники всех этих шедевров — и художественно выкованного оружия, и медалей, и флейт («Прекрасная Виола»), и дивно переплетенных книг («Золоченая велень»), — как это уже было отмечено выше, присутствуют в разбираемых сонетах Эредиа лишь в неизбежных случаях, только те из них, кто сам одержим благородной страстью к творческому труду. Таковы король-поэт Анри (Генрих III), которому Эредиа посвящает со-

нет, имитирующий стиль коронованного автора («Эпитафия»); Ронсар и Дю Белле (сонет «Книга любовей Пьера де Ронсара» и «Прекрасная Виола»), лирика которых уже столетия звучит не на одном французском языке. В сонете «Подражание Петрарке» Эредиа выразил свое благоговение перед гением итальянской лирики; в сонете «Догаресса» мастерски претворено в стихи одно из полотен Тициана. Наконец, не остался забытым и Челлини, этот несравненный мастер чекана и малой металлической скульптуры («Ponte vecchio»). В ту же сонетную галерею Эредиа ввел и своего современника и друга, художника и скульптора Клодиюса Поплена, известного мастера металлического ваяния и чекана («Клодиюсу Поплену»).

В этом разделе «Трофеев» так же, как и в античных циклах, поражает умение Эредиа создавать «климат эпохи» сочетанием образного детализирующего стихотворного письма с тщательно отобранными реалиями. Вот в сонете «Ponte vecchio» Флоренция времен Челлини в живой картине, отличной от зарисовок античности и Средневековья в сонетах предшествовавших циклов:

Там мастер ювелир, работой долгих бдений,
По фону золота вправляя тонко сталь,
Концом своих кистей, омоченных в эмаль,
Выращивал цветы латинских изречений.

Там пели по утрам с церквей колокола,
Мелькали средь толпы епископ, воин, инок;
И солнце в небесах из синего стекла
Бросало нимб на лоб прекрасных флорентинок.

Там юный ученик, томимый грезой страстной,
Не в силах оторвать взгляд от руки прекрасной,
Замкнуть позабывал ревнивое кольцо.

А между тем иглой, отточенной, как жало,
Челлини молодой, склонив свое лицо,
Чеканил рукоять тяжелого кинжала.

(Перевод Максимилиана Волошина)

Подобной взыскательностью к мировоззренчески-психологической достоверности сонетных эпиллиев, малых по объему, но внутренне необычайно емких, взыскательностью, которой поэты романтического направления иногда пренебрегали, Эредиа создавал для себя особые трудности. Но зато он добивался такой полноты исторической правды, которая редко давалась другим. Чтобы оценить это, достаточно вчитаться в сонет, почеллиниевски чеканно воспроизведенный в переводе Волошина, или вдуматься в уже останавливавший наше внимание вольнодумный штрих в начале сонета о шпаге, оказывающейся для набожного юноши «приличней и нужней, чем римский часослов».

А сколько правды в исповеди резчика, в молодости искавшего красоты отнюдь не только в том, что дозволялось религией, в старости же, перед лицом смерти жаждущего прощения «художественных грехов» и примирения с церковью, — что для него, художника, возможно лишь в служении искусству!

Я не один клинок в огонь и чернь одел,
И ради суеты богопротивных дел
Я душу обрекал бесовскому дурману.

И вот, когда близка последняя заря,
Я умереть хочу, подобно фра Хуану,
Чеканя в золоте ковчег для алтаря.

(Перевод М. Лозинского)

Продолжение цикла составляют восемь сонетов, объединенных под заголовком «Конкистадоры». Эта группа сонетов Эредиа прежде всего и способствовала мировой славе «Трофеев»; именно на этих страницах находим будто бы всегда звучавший в поэзии Эредиа «голос крови». По ряду причин «Конкистадоры» подлежат специальному рассмотрению. А сейчас следует напомнить о критическом суждении, которое чуть ли не семьдесят лет назад появилось в одном русском журнале. Упомянув о конкистадорских предках Эредиа, обозреватель писал: «Гораздо ближе ему забытые средневековые художники и монахи, которые вдохновенно трудились целую жизнь над украшением какого-нибудь молитвенника разноцветными миниатюрами, над слепящей глаза ювелирной работой и т. д. Когда он говорит об этой кропотливой неустанной отделке деталей, когда он следит мечтою артиста о том, что именно удастся ему изобразить своим тонким резцом на золотой рукояти меча или на эмали кубка, — видно, что поэт сродни этим забытым художникам, проникнутым беззаветной и бескорыстной преданностью идеалам красоты. Гередна сам принадлежал к семье этих артистов—резчиков в поэзии» [22].

Это одна из самых верных характеристик сонетов Эредиа о Средневековье. Цикл «Средневековье и Возрождение» — это в известном смысле — своеобразная «поправка» к несколько односторонней (пусть по-своему глубокой и поэтически убедительной) концепции, лежащей в основе «Варварских стихотворений» и «Трагических стихотворений» Леконт де Лиля. Ведь в самом

[22] З. В. (Зинаида Венгерова). Рец. на «Les Trophées». — «Вестник Европы», 1893, № 7, стр. 428.

деле, «могло ли Средневековье быть сплошным адом, в котором человечество пробыло тысячу лет и из которого это бедное человечество извлекло Ренессанс? Думать так — значит прежде всего недооценивать человека, его силы, его труд... Средневековье — одна из великих эпох в истории человечества» [23].

ПОЭТ-ГУМАНИСТ — ПОТОМОК КОНКИСТАДОРОВ

Как вылет кречетов от их родимых скал,
Устав дырявые донашивать кафтаны,
Прощались с Палосом бойцы и капитаны;
Сон героический и грубый их ласкал.

И плыли покорить тот сказочный металл,
Которым славятся неведомые страны;
Клонили к Западу их мачты ураганы;
К таинственной земле их гнал широкий вал.

Эпические дни им обещая вскоре,
Фосфоресцируя, тропическое море
Баюкало их сон в мираже золотом;

Иль с каравелл они, склонясь на меч железный,
Смотрели, как встают на небе, им чужом,
Созвездья новые из океанской бездны.

(Перевод Н. Гумилева)

«Конкистадоры» переведены чуть ли не на все основные языки мира (на русском языке опубликовано несколько переводов). Тут удивляет не только блистательная техника Эредиа, сказавшаяся в четкости композиции, в полнозвучии, неожиданности и естественности

[23] ***Н. И. Конрад.*** **Запад и Восток, изд. 2. М., «Наука», 1972, стр. 256.**

рифмы (в оригинале: natal — métal; épiques — Tropiques; caravelles — nouvelles и т. п.). В сонете уплотнен и оживлен материал, по своей природе скорее инертный и пригодный не столько для поэта, сколько для летописца. Это нечто вроде сжатого введения в историю XV—XVI вв., в эпоху, которой человечество обязано необычайным расширением своих географических представлений, но в центре которой, вместе с тем, были такие события, как «открытие золотых и серебряных приисков в Америке, искоренение, порабощение и погребение заживо туземного населения в рудниках...»[24]

Вдумываясь в сонет «Конкистадоры», понимаешь значительность каждой его строки. В сравнении конкистадоров (среди которых, наряду с дворянами-авантюристами, были и изгои общества, вплоть до преступников, спасавшихся от виселиц) с вылетающими на лов хищными птицами — образное указание на грабительский смысл экспедиций за Атлантический океан; в стихе «устав дырявые донашивать кафтаны» («Fatigués de porter leurs misères hautaines») намек на идальго, потерявших после освобождения родины от мавров возможность жить военным ремеслом, но не привычных к мирному труду и рвущихся в Новый Свет; та же точность в строке «И плыли покорить тот сказочный металл». Сколько художественной и психологической правды в стихах о взволнованном ожидании «эпических дней», об изумлении плывших на таинственный Запад конкистадоров перед грозным величием океана, порой новыми для них созвездьями (словно поднимавшимися из пучины в неведомые небеса).

---

[24] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Собр. соч., т. 23, стр. 760.

В «Конкистадорах», произведении, в определенном смысле подготовленном сонетами об угнетении рабов и ужасах войн, несомненно ощущалось приближение поэта к грандиозной и трагической теме испанских захватов в Новом Свете. Было нечто вроде попытки перекрыть примечательную необыкновенной двойственностью «Араукану» Алонсо Эрсильи-и-Су́ньиги, благородного поэта-конкистадора XVI в., о котором Пабло Неруда во «Всеобщей песне» сказал: «Звонкий певец, ты один лишь не выпил кровавую чашу» (перевод В. Кельина).

В разделе «Конкистадоры» восемь сонетов. За первым — введением в тему «вылета кречетов» — следуют три сонета, относящиеся к воинам — мореплавателям и землепроходцам Хуану Понсе де Леону, Эрнандо Сото и Бартоломе́ Руису де Эстраде, остальные четыре — к Педро де Эредиа и заложенному им городу Картахена, важнейшему порту современной Колумбии. Эредиа меньше всего уделяет места завоевательным деяниям Понсе де Леона, Сото, Эстрады и самого дона Педро. Те конкистадоры, о которых идет речь у Эредиа, памятны человечеству как беспокойные и настойчивые путешественники и первооткрыватели. Ради этой страсти они рисковали жизнью, но преодолевали тяжкие препятствия, и на карте мира появлялись одно за другим очертания ранее неведомых побережий, островов, заливов, рек. К этим необыкновенным конкистадорам не нужно подходить с теми мерилами, с какими подходят к Пржевальскому, Нансену или Хейердалу, или даже к Ливингстону, они были плотью от плоти Испании, и ренессансной и феодальной в одно и то же время, но их не следует смешивать с грубыми рубаками и озверелыми грабителями, нахлынувшими в Новый Свет.

Хуан Понсе де Леон, страшась старости и прослышав от индейцев, что где-то на их необъятной земле изливается источник юности, повел каравеллы на его поиски. Необыкновенная мысль Понсе де Леона восхищала и Генриха Гейне, который посвятил ему строфы своей поэмы «Бимини». Три года суеверный и пытливый идальго с упорством, вызывавшим и удивление, и насмешки, гонялся за мечтой, пил из встречавшихся ему ключей, рек и озер — и увенчал это странное путешествие открытием Гольфстрима и полуострова Флориды, при вторичном визите на который был ранен индейской стрелой (вскоре после чего и скончался на Кубе). Поэт создал своего рода «донкихотский» образ фанатика мечты:

Тогда конкистадор, свой бред благословляя,
В сверкающей земле, у гробового края,
Стяг предков водрузил слабеющей рукой.

Старик, ты был счастлив, и ты добился права
Считать ничтожной смерть перед твоей мечтой;
Бессмертной юностью тебя венчала Слава.

(Перевод Студии М. Лозинского)

Сонет «Могила завоевателя» относится к Эрнандо Сото (1500—1542), человеку исключительному, изумлявшему бесстрашием, а временами и рыцарским благородством в обращении с побежденными и в соблюдении верности слову[25]. Сподвижник Писарро, один из покорителей Перу и Флориды, он всю жизнь провел с оружием в руках, однако его биография — это и ряд

[25] Известно, в частности, что Сото был возмущен подлым нарушением Франсиско Писарро обещания, данного инке Атахуальпе, и казнью перуанского повелителя.

экспедиций для исследования Нового Света. Свои богатства Сото тратил на эти походы. Ему принадлежит честь открытия и первоначального исследования Миссисипи [26] — Месашебе на одном из индейских языков. Лихорадка настигла его на берегу открытых им великих вод, и его тело в дубовой колоде было опущено на дно Миссисипи или одного из ее притоков. Традиционные церковные обряды ничего не значили ни в глазах Сото, ни в глазах его поэта перед величественной водной могилой кастильского храбреца, открывшего великую Месашебе:

> Он там, на девственном и недоступном дне.
> К чему курения и катафалк в огне,
> Псалмы и памятник надгробный, и ex-voto?
>
> Здесь северным ветрам, меж кипарисных рощ,
> Поющим вечный гимн, внимает в зной и дождь
> Великая река, где спит Эрнандо Сото, . . .
>
> *(Перевод Студии М. Лозинского)*

Сонет «Carolo Quinto imperante» относится к Бартоломе Руису де Эстраде, снискавшему славу главного исследователя морей Нового Света. На этот раз Эредиа возвращал к жизни человека, к которому слово «конкистадор» малоприложимо вообще. Прежде всего это был ученый—кораблестроитель, мореплаватель, картограф, один из основателей навигационной науки:

> Бартоломе Руис, меж кормчих несравненный,
> В чьем родовом гербе о прошлом говорят
> Ствол черный якоря и золотой канат. . .
>
> *(Перевод Студии М. Лозинского)*

---

[26] *Дж. Бейклесс.* Америка глазами первооткрывателей, перев. с англ. З. Кивеского. М., 1969, стр. 77. См. также главу «Сото исследует Новый Свет».

Для сонетов «Предку», «Основателю города», «Ему же», «Мертвому городу» характерен тот же пафос. Поздний потомок, кузен одноименного поэта—борца за свободу Кубы, задумывается над личностью их прародителя, Педро де Эредиа, и его ролью в истории Латинской Америки. В классической «Всеобщей географии» французского ученого и революционера Элизе Реклю сказано: «Гордая Картагена Индии, Cartagena de las Indias, стоящая в расстоянии с лишком 100 километров от речной дельты, — один из древнейших городов Колумбии: Педро де Эредиа основал ее в 1532 году...» [27]

У Эредиа любой слог исполнен значения: и вот в сонете «Основателю города» поэт упоминает о «кровавой извести» (важная подробность, замеченная лишь одним из русских переводчиков этого сонета), то есть о том, что башни, стены, соборы Новой Картагены стоят и потому, что камни их скреплены кровавой мýкой индейских рабов, когда-то трудившихся над их кладкой. Поэт бесстрашно правдив, но он видит и другое — новый мир Латинской Америки. Картагена при жизни автора «Трофеев» уже заканчивала четвертый век своего существования. Число жителей города было около 100 000 человек. Несметное ныне число людей — испанцев, индейцев, метисов, негров, мулатов — населяло за долгие века этот, в наши дни уже старинный колумбийский город, ведало в нем и горе, и счастье, угнетение и свободу, подневольный или радостный труд. Новая Картагена — одно из мест формирования колумбийской нации.

---

[27] *Элизе Реклю.* Земли и люди. Всеобщая география, т. XVIII, перев. под ред. С. Зыкова. СПб., «Общественная польза», 1901, стр. 350. (В цитате исправлена опечатка в дате. — *ред.*)

Как Пушкин, иронизируя над собственной родовитостью, не отрекался от «арапа Петра Великого» и того русского флотоводца, перед которым в Чесменском сражении «громада кораблей вспылала и пал впервые Наварин», так и поэт, в чьих жилах текла кровь Педро де Эредиа, вправе был гордиться ею.

Ему можно было гордиться и тем, что герб латиноамериканских Эредиа это также и герб Новой Картахены, герб без короны и феодальных эмблем, лишь с золотящейся пальмой и серебряным городом:

Другие минули, стяжав в кровавом споре
Одни лишь титулы, пустые имена.

А ты, кем кровь моя из рода в род славна,
Построил Карфаген на Караибском море. . .

Со скал, где Океан дробит свой вал зеленый,
Твой кремль, наперекор и бурям, и векам,
Зубцы и купола вздымает к облакам;

И правнуки твои без герцогской короны
Щит метят пальмою, чей золотой намет
В гербе над городом серебряным встает.

(Перевод Студии М. Лозинского)

Сонет «Мертвому городу», замыкающий цикл «Средневековье и Возрождение», — обращен к тому же городу, который, как известно, много претерпел при английских и французских налетах:

С тех пор, как Дрейк привел безбожных англичан,
Развалинами стен твои чернеют скаты,
И, словно жемчугом, французские гранаты
Обвили камень твой рядами темных ран.

(Перевод Студии М. Лозинского)

ЖОЗЕ-МАРИА ДЕ ЭРЕДИА ИЛИ ХОСЕ МАРИА ДЕ ЭРЕДИА: ИСПАНСКАЯ И ЛАТИНОАМЕРИКАНСКАЯ ДУША АВТОРА «ТРОФЕЕВ»

Есть французский поэт-парнасец, написавший «Трофеи». Но в той же книге в качестве первой ипостаси ее автора существует еще и латиноамериканский и даже испанский поэт, для выражения своих настроений и своей особой тематики прибегающий к изумительно им усвоенной французской речи. По воле этого исконного Эре́дии получили право постоя на сонетной территории «Трофеев» испанские конкистадоры и первооткрыватели Латинской Америки, закладывавшие ее города, а неведомо для себя, основывавшие ее будущие нации, — Педро де Эредиа, Хуан Понсе де Леон, Эрнандо Сото, Бартоломе де Эстрада. За пределами 118 сонетов расположились и другие, инородные по своей несонетной форме и еще более напоминавшие, что поэт наполовину так и остался «амиго Хосе», произведения «Romancero» и «Завоеватели золота» («Les conquérants de l'or»). В первом, и озаглавленном-то по-испански, помещены три стихотворения, второй же занят единственным известным обширным стихотворным творением Эредиа — поэмой о перуанских походах Франсиско Писарро, написанной александрийскими двустишиями.

«Завоеватели золота», это насчитывающее без малого 700 строк произведение, опять-таки связано с конкистадорскими сонетами. Эредиа предполагал написать о падении империи Атахуальпы (поэма в первичной печатной версии называлась «Крушение Атахуальпы»), но удовлетворился созданием обширного фрагмента, чего-то вроде введения в тему. В «Завоевателях золота» нет места событиям, которые увековечены в «Ко-

ролевских записках» потомка инкских властителей и испанского историка-гуманиста Гарсиласо де ла Вега Эль Инки (1540—1616). Поэма описывает трудиости, перенесенные Писарро при первых попытках добраться до Перу, дальнейшую борьбу — в частности и при королевском дворе — будущего «маркиза» с многочисленными помехами в выполнении дерзких планов, казавшихся современникам тем более неосуществимыми, что за такое дело брался иезаконнорожденный, неграмотный искатель приключений. Есть в поэме и описание последнего похода Писарро и его банды в страну перуанцев, закончившегося в ноябре 1532 г. встречей с войсками Атахуальпы. Поэма в том виде, в каком она помещеиа в «Трофеях», и заканчивается на совершенно определенных моментах — предшествовавших роковому столкновению двух сил — иа той страшной ночи, когда испанцы, по словам Д. Фиске, наверняка не без содрогания «смотрели на склоны гор, озарениые бесчислеииыми огнями костров», и последующего утра, когда небольшая, но решившаяся на все армия потрясанием знамен и криком приветствовала падение Солнца («la chute du Soleil»).

Как и при чтении конкистадорских сонетов, иужно помнить, что поэта в перуанских походах интересовал не их военный смысл, а мера волевого упорства и мужества, потребовавшаяся испанцам для преодолеиия стоявших перед ними препятствий: болота, кишевшие опасиыми пресмыкающимися, непроходимые чащи, неприступные горные кряжи, увенчаниые льдами и прорезанные пропастями, раскаленные пустыни и бурные потоки, голод, холод, лихорадки...

Автор и иашел повод для воодушевления не в кровавом захвате Писарро, его братьями, Альмагро и дру-

гими авантюристам инкского государства, а в противостоянии грозной и своей почти первозданной дикости природы — и воле, и выдержке явившихся к ней из-за моря нежданных гостей, да еще в упорстве их при преодолении тех помех, которые создавало людям активного действия не столько инкское царство, сколько косное феодальное устройство самой Испании.

Во многих стихах поэмы в центре — противостояние героев мощи тропической природы, казалось бы, обрекавшей их на гибель за дерзость.

Глухая топь кругом тянулась без конца...

Шел дождь. В сырых парах, смертельно ядовиты,
Курились берега; голодные москиты
Певучим облаком вились...
. . . .

Когда ж настала ночь...
. . . .
И, тихо отложив беспомощные шпаги,
Закутавшись в плащи, дрожа, полуживой,
Насытясь листьями и перечной травой,
Отряд в тяжелом сне забыл свои мытарства...
Над этим воинством ненайденного царства.
Неслышным трауром летучих покрывал
Вампиры реяли, и тот уж не вставал,
Кто был запечатлен косматым поцелуем.

Увидевши, что здесь конец их неминуем,
Солдаты подняли мятеж...

(Перевод поэмы здесь и ниже Д. Олерона)

Интересна в поэме характеристика расслоения конкистадорства, дополняющая стих сонета о нищих идальго, уставших носить «дырявые кафтаны».

И вот, за новыми победами сеньоры
Пошли на Мексико, за северные горы,
Туда, где новое их ждало торжество,

А не имевшие с собою ничего,
Которые пришли к прибрежьям Дарнена,
Чтоб только вырваться на родине из плена
Докучного труда и рабской нищеты,
Лелея впроголодь лишь сладкие мечты,
Да рваные плащи, да дремлющие шпаги, —
Хотя и добрые матросы и бродяги,
Остались созерцать пустыню шумных вод
И ждали смелого, который соберет
И двинет их в поход, — в неведомые дали.

Не менее интересны и индивидуальные портреты. В первую очередь, конечно, это характеристика того, кто и предстал этой обезумевшей от голода и жадности братии, рвавшейся к приключениям, золоту, насилиям, — Франсиско Писарро. Выйдя живым из двух неудавшихся экспедиций за сокровищами Перу, этот незаконный сын эстрамадурского идальго, в юности, кажется, пасший свиней, уломал, невзирая на скудость своих даров (не золото, а ламы да вигоневая шерсть), равнодушных ко всему, а тем более к безумному проекту завоевания всего Перу императора Карла и его грандов.

На королевский акт с гербами и печатью
Поставил просто крест, пред всей придворной знатью
Открыв, что он писать иначе не умел;
Но взгляд его был горд, — никто поднять не смел
На смех невежество такого человека.

Точка зрения поэта на «благочестивое» завоевание Перу прямо сказалась в строках, отведенных вооруженному духовному лицу, снискавшему мрачную известность в истории конкисты. Сперва он фанатически и провокационно наставлял Атахуальпу христианству и в роковой для свободы Перу день 16 ноября 1532 г., разъярив Инку, заставил его отбросить Евангелие, что

послужило сигналом к бойне; затем, уже в сане епископа, он зверствовал в покоренной стране вплоть до момента, когда перуанцы заставили его расплатиться за мерзкие дела заслуженной смертью.

> Ученый, опытный в науке христианской,
> Винсенто де Вальверд, монах доминиканский,
> Горя желанием, чтоб не было преград
> Спасенью грешников, назначенных во Ад,
> И стойко за Христа и веру поборая,
> Он вел язычников к блаженным сеням Рая
> И тысячами их сгонял под топоры,
> На ауто-да-фе, веревки и костры
> И знал, что Иисус, предвечный искупитель,
> За муки им воздаст, приняв в свою обитель.

В поэме «Завоеватели золота», достойно замыкающей «Трофеи», одну из самых неповторимых книг, этот кубинский француз, сохраняя все оригинальные черты своей жизни, был верен и главе парнасской группы, и проблематике испано-латиноамериканского гуманизма, преследуя на примере злодейств в Перу с энергией, напоминающей самого Леконт де Лиля, преступления, совершенные католицизмом при насильственном распространении христианства.

К ГЕРОИЧЕСКОЙ ТЕМЕ

Позиция ученого-поэта обрекала Эредиа не только на дополнительные «муки творчества», но, вероятно, и на тягостные размышления об избранном им пути. Тем более, что ему выпало быть современником, и, в какой-то мере, соперником таких поэтов «божьей милостью» — Гюго и Готье, Бодлера и Леконт де Лиля, Верлена и Рембо. Однако уже распростертый на

смертном ложе, Эредиа положил руку на лежавший на ночном столике экземпляр «Трофеев» и сказал: «Я уверен, что эта книга будет долговечной»[28]. Как станет видно ниже, имел он в виду не комплименты эстетской критики за его якобы «чисто художественное» (свободное от идейной нагрузки!) мастерство, и не принимал всерьез порожденные невнимательным чтением сетования на «недоступность». Лучше всего постиг Эредиа Поль Верлен, отметивший содержательность почти «каждой из его маленьких поэм, маленьких только по объему, но великих по идее и образам»[29] и нашедший, что «главное... в поэзии Эредиа составляет героизм как мысли, так и представления»[30].

В справедливости такой оценки проще всего убедиться, обратившись к сонетам последних циклов; Эредиа предстает в новом качестве — как поэт, вышедший из круга историко-культурной тематики, в какой-то мере ограничивавшей его общение с более широким читателем, предстает как поэт подвига. Сначала в экзотических сонетах Эредиа, кажущихся пейзажными произведениями, поражает оргия световых пятен и ярких красок, достигаемая подбором ассоциирующихся слов. Благодаря мастерству поэта это производит впечатление светового потока. Любовь к яркости Эредиа получил в дар от родной кубинской природы, и однажды в разговоре с Леконт де Лилем, в творчестве которого живописный элемент тоже был очень силен, но выражался зачастую в нагнетании мрачных красок, Эредиа сказал:

---

[28] См. *Fernand Gregh*. Portrait de la poésie française du XIX siècle. P., Delagrave, 1936, p. 211.

[29] *Paul Verlaine*. Oeuvres complètes, t. V. P., 1911, p. 463.

[30] Там же, p. 466.

«Вы — колорист, я — люминист» [31]. Порою эта яркая живописность даже навлекала скрытые или явные упреки. «Все стихотворения Эредиа обращаются исключительно к чувству зрения», — досадовал, например, в 1894 г. один из первых русских критиков поэта, Пл. Краснов.

Затем в пейзажных сонетах примечательна их естественнонаучная основа, гармонирующая со взрывом красок. За тысячелетия погас багровый султан над вершиной Чимборасо, покрылась почвой застывшая лава, но иногда —

Как громовой удар среди ущелий косных,
В червонном золоте пылинок плодоносных
Горящих кактусов вскрываются цветы.

(«Огненные цветы», перевод М. Рыжкиной)

Необыкновенен сонет «Коралловый риф», порожденный едва ли не в равной мере зоркостью натуралиста и ликованием поэта, сонет, ставший образцом для новаторской научной лирики будущего [32].

Эти своеобразные сонеты убеждают, что для автора «Трофеев», как и для некоторых других парнасцев, сочинения Дарвина, как свидетельствовал Анатоль Франс, были новой Библией.

Рубрикой «Бретонское море» охвачена еще более важная часть творчества Эредиа, где яснее всего видна

[31] *L. Claretie.* Histoire de la littérature française, t. 4. P., 1909, p. 282—283.

[32] См. *М. Доленго.* Взросло на камне, пер. с укр. Игоря Поступальского. М., «Советский писатель», 1964; также *Игорь Поступальский.* Раздумья Михайла Доленго. — «Советская Украина», 1963, № 2, стр. 173—175.

современность, связь с действительностью, где преобладает реалистический пейзаж и где чаще, чем на других страницах «Трофеев», идет речь от первого лица.

Бретонские сонеты Эредиа — проявление глубокой привязанности поэта-кубинца к своей второй отчизне — к Франции, на туманиой атлантической окраине которой ему суждено было найти последний отдых рядом с могнлой матери и ее предков.

В поэтических ви́дениях Эредиа возникает рыбацкая Бретань, ее мглистые равнины и холмы, скалы, обрамлениые клокочущей пеиой волн. Суровый люд веками трудится на ее просторах, иад которыми проносятся дующие с океана ветры, ветры, берущие разбег за тысячи миль — там, у родной Кубы...

Бретонская деревия в изображении Эредиа — это патриархальный мир тружеников. Под шум помрачневших океанских вод, при звуках вечернего благовеста перекликаются пастухи, ведущие домой стада («Заходящее солнце»). В волнах прибоя первобытно нагой крестьянин купает могучего коня — и оба как бы борются с океаном («Купание»).

Одно из вдохиовениейших созданий поэта — полный реализма соиет «Maris stella». Собравшнеся на берегу после трудового дия жеицины в традициониых крахмальных платках и грубошерстных плащах, тревожно вглядываются в сумрачно клокочущую океанскую даль и поют древнюю молитву Деве Марии, звезде морей, заступнице тех, кто в море, куда «ушли иа промысел... отцы и сыиовья... и с ними рыбаки со всех концов Бретаии». Над этим, таким будничным и, вместе с тем, невеселым, напомииающнм об опасностях, каждодневио угрожающих рыбакам и мореходам, бретонским зрели-

щем — льется то ли успокаивающий, то ли погребальный звон и пение женщин...

Высшим достижением Эредиа в области маринистической лирики (сходным мастером которой в русской поэзии был Иван Бунин), нужно признать сонет «Armor», где поэт «изображает всю необъятность моря на узком пространстве четырнадцати строк» [33], удачно соревнуясь с художниками кисти и доказывая, что ученость не заглушила в нем лирического восприятия мира:

И я увидел там, за вересковой чащей,
Огромный Океан...
И сердцем я вкусил, в пустынном кругозоре,
Который к западу пред ночью отступал,
Безумный хмель пространств и ветра на просторе!

(Перевод М. Лозинского)

Как у Леконт де Лиля, отстаивавшего объективность поэзии, но временами склонявшегося и к непосредственному лиризму, в бретонском цикле появляются, знаменуя силу лиризма, — сонеты ностальгического содержания, то есть проникнутые тоской о далекой Кубе. В этом тоже черты сходства Эредиа с Леконт де Лилем, почти вся личная лирика которого является выражением не умиравших у реюньонского креола воспоминаний о родном тропическом острове, хотя Реюньон в действительности вовсе не был раем для своих патриотов — в том числе и для создателя «Варварских стихотворений»...

Ранние кубинские впечатления Эредиа, отправленного еще мальчиком в Европу, равно как и впечатления

---

[33] *Георг Брандес.* Собр. соч., пер. с датского В. Лучицкой, изд. 2, т. 13: Французские писатели. СПб., «Просвещение», [б. г.], стр. 418.

от Гаваны, полученные им в начале студенческой жизни, мало знакомы биографам поэта. Но Куба и вообще Антиллы не были забыты поэтом, и самосознание латиноамериканских предков нет-нет, да и вспыхивало у автора «Трофеев». Именно отсюда эта упомянутая выше поэтическая ностальгия у Эредиа, родственная подобному чувству у Леконт де Лиля. Это нечто более осязаемое, чем вечная тоска Бодлера о мире и свободе поэзии, будто бы приоткрывшихся ему раз в жизни на просторах океана и под полуденным небом Реюньона и Маврикия. Ностальгичны сонеты Эредиа «Морской ветер» и «Раковина». Зимой на опустелом бретонском берегу поэту кажется, что он улавливает тонкий, за тысячи миль доносимый родной аромат:

И на кимрийские поля, издалека,
С родными ветрами ко мне лилось дыханье
В садах Америки расцветшего цветка

(Перевод Ады Оношкович-Яцыно)

Так тосковал вдали от своей Латинской Америки редкий по силе воображения поэт страстей, упрямо сдерживаемых волей, и героической мечты, с которой не хотел разлучиться, хотя судьба обрекла его на внешне столь спокойное существование и кабинетные занятия. Он сам саркастически нарисовал картину своих будущих слишком мещански-христианских похорон:

Мой старческий конец томителен и груб:
Тяжелая парча, похолодевший труп,
Заупокойных месс кадила и лампады,

А я готов мечтать о доблестной судьбе —
Как солнце догореть и память о себе
Оставить юношам и девушкам Эллады.

Сонет этот процитирован здесь в переводе советского поэта Всеволода Рождественского, а его старший друг Максимилиан Волошин, немало обязанный в своем развитии «Трофеям» и блистательно переведший два сонета Эредиа, ввел в стихотворение «Дом поэта» крылатые стихи, говорящие о преемственности лирического пафоса:

И побережьям этих скудных стран
Великий пафос лирики завещан. . .

В качестве главных «завещателей» великого пафоса лирики у Эредиа выступают утвердившиеся в сознании людских поколений — жизнелюбие, человеколюбие, трудолюбие, свободолюбие и — употребим менее привычное, но древнее смыслом слово — подвиголюбие.

Эти моральные категории — прежде всего свободолюбие и подвиголюбие — и порождают внутренний жар поэзии Эредиа.

От мечтаний о по-байроновски «античном» славном конце эмоциональный мост ведет к хрестоматийно известному сонету «Смерть орла», перекликающемуся со «Дремотой кондора» (где «орнитологической» темой у Леконт де Лиля зашифрована лирическая символика).

Эредиа в этих стихах на свой лад слагает гимн «безумству храбрых». Орел устремляется ввысь, в грозовые сферы, и, сраженный молнией, падает вниз:

Блажен, кто вольностью иль славой увлечен,
В избытке гордых сил пьянея вдохновенно,
Так ослепительно умрет и так мгновенно!

(Перевод Ады Оношкович-Яцына)

Вот он, «парнасец» Эредиа, — великий поэт малого жанра: вот его идеал, а вот и конкретизация идеала —

в гимне исследователям, идущим иа штурм полюсов (сонет «Plus altra») илн в гимие буитующнм рабам (сонет «Мнкельанджело»);

Зато его рабы в объятьях горной жилы,
Гигаиты, бледные от непомериой снлы,
Как странно выгнулись они, оцепенев;

И в хладиом мраморе, где спит его тревога,
Как яростно кипит иеукротимый гнев
Слепою Косностью окованиого бога!

(Перевод Студии М. Лозинского)

Стало быть, в своих стихах Эредиа, не прнзнававший, подобно большннству поэтов собратьев по парнасской группе, никакого «величия» за современиой ему эпохой тираннческой диктатуры Наполеона III и реакционной Третьей республнки, искал героического!

Инымн словамн, связи Эредиа, французского латиноамериканца, с совремеииостью в «Трофеях» гораздо достовернее и обшириее, нежели это иногда казалось на первый взгляд...

ПРИМЕЧАНИЯ

ОБОСНОВАНИЕ ТЕКСТА

«Трофеи» Эредиа практически не имеют текстологической истории во Франции. Хотя стихотворения печатались до того, как они были включены в 1893 г. в книгу, а книга «Трофеев» многократно переиздавалась и вошла в 1924 г. в так называемые «Poésies complètes» все эти перепечатки, осуществлявшиеся издательством Лемерр, стереотипны, и по-настоящему не обращаются к рукописям и содержат очень мало текстологических указаний.

Отчасти, это вина (или заслуга?) самого Эредиа, считавшего, как и другие парнасцы, что стихотворение должно выходить из рук поэта только в установленном раз и навсегда совершенном виде; отчасти это результат сложившейся во французском литературоведении концепции, что Эредиа в сравнении со своими современниками, перевернувшими мир поэзии, — с Рембо, Лотреамоном, Верленом, Малларме, — поэт для века двадцатого анахронистичный и статический, чуждый всяким авангардным веяниям.

Образовался порочный круг: почитая Эредиа статичным, не интересовались динамикой его творчества, а не занимаясь этой динамикой, продолжали считать его статичным.

Мы надеемся, что выход в серии «Литературные памятники» нового, шестого советского издания «Трофеев» (было три русских и два грузинских) будет способствовать разрыву этого круга, надеемся показать Эредиа динамично — на пути к гуманистической геронке — не только нашему читателю, но и способ-

ствовать тому, чтобы Франция многостороннее оценила своего поэта. Надеемся тем более потому, что русская традиция положительного и динамичного подхода к поэту близка к латиноамериканской, где живо ощущается пафос поэзии Эредиа, — он, как и его старший кузен, кубинский революционный романтик, воспринимается в числе поэтов, подготовивших социальную и духовную эмансипацию Латинской Америки наших дней.

О русской традиции восприятия Эредиа можно судить по приводимым в книге библиографическим материалам и по статье И. С. Поступальского, а главное — по качеству переводов. Затруднительно ответить на вопрос, много ли французских поэтов были так переведены на русский язык, но ясно, что у Брюсова, Волошина, Сергея Соловьева, в Студии М. Лозинского, у советских поэтов позднейшего времени сонеты Эредиа получили совершенное художественное выражение. Воссозданы и гуманистическая гордость исследовательским, художническим и бунтарским духом, и точность скупого, экономного слова, и иногда оставляющее позади самого Леконт де Лиля сочетание классической прорисованности каждого штриха с яркостью светлого колорита.

Сонет о мастерах флорентийского Понте-Веккьо в переводе Волошина можно «вешать на стену» — он так же зримо ренессансен, как подлинные полотна флорентийцев в Эрмитаже или в Дрезденской галерее.

Впечатление яркости сонетов Эредиа убедительным образом подкреплено подсчетами его словоупотребления, проведенными в МГПИИЯ им. Тореза Н. И. Абрамовой. В сравнении с общепоэтическим словарем французской поэзии XIX в. в области цвета у Эредиа, как у Леконт де Лиля, среди совпадающих у обоих поэтов ключевых слов на первое место выходят: «сверкающий», «красный», «пурпурный», «белый», «золотой» *.

* Для этих слов «коэффициент употребления» у Эредиа (первая цифра) и Леконт де Лиля (вторая

Полного русского перевода «Трофеев» до сих пор опубликовано не было. Владимир Жуковский, Л. Кацман, Г. Шенгели и даже Д. Олерон, упорнее всех переводивший Эредиа, дали более или менее обширные выборки.

Предлагаемое издание «Трофеев» впервые дает полный русский перевод всех сонетов знаменитого сборника, а приложенную с ним поэму «Завоеватели золота» приводит в том виде, в каком она была издана Д. Олероном в 1925 г., то есть с небольшими пропусками.

Для создания русской версии «Трофеев» был использован, по возможности критически, обширный фонд отечественных переводов из Эредиа (начиная с переводов П. Бутурлина), а также в немалой степени и переводы неизданные, одни из которых годами накапливались в личном архиве составителя книги, другие же поступили в его распоряжение недавно или вообще являются новыми.

Особое место занимают переводы, публикуемые с пометой «перевод Студии М. Лозинского». Здесь необходимы некоторые разъяснения. В начале 20-х годов в Петрограде М. Л. Лозинским был организован кружок, или Студия переводчиков. Одна из задач студии состояла в создании отчасти экспериментального коллективного перевода сонетов книги «Трофеи». Труд остался неопубликованным, хотя одно время в 30-х годах и предполагалось выпустить его в издательстве «Academia».

С разрешения М. Л. Лозинского составителем нынешнего издания в 30-е годы была сделана рукописная копия сборника. Тогда же М. Лозинский в разговоре с составителем указал на то обстоятельство, что некоторые, коллективно обсуждавшиеся переводы полностью принадлежали ему, Лозинскому, либо были им настолько основательно отредактированы,

---

цифра) в сравнении с ожидаемым (третья цифра) был: éclatant (9—5—1,8); rouge (13—9—4); pourpre (8—7—2); blanc (23—28—12); or (31—23—13).

что тоже приобрели индивидуальный характер. Сохранился и полный перечень других переводчиков: Г. Адамович, Р. Блох, О. Брошниовская, М. Бронников, Т. Владимирова, Н. Гумилев, Г. Иванов, А. Курошева, В. Лейкина, К. Липскеров, Е. Малкина, А. Оношкович-Яцына, А. Пиотровский, М. Рыжкина и Н. Сурина. В тех случаях, когда имя переводчика данного стихотворения достоверно известно, оно ставится в тексте вместо указания Студия М. Лозинского.

Проделанный Студией труд настолько серьезен, что редакция приводит полностью (либо в основном корпусе, либо в примечаниях) переводы Студии М. Лозинского, сохраняя для советского читателя одно из интереснейших и характерных переводческих начинаний 20-х годов.

Надо упомянуть о том, что существует полный неизданный перевод сонетного раздела «Трофеев», выполненный М. Травчетовым (1890—1941), один из машинописных экземпляров которого хранится в рукописном фонде Ленинградской публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина. В какой-то степени удалось использовать в предлагаемом издании и этот перевод.

К изданию приложен перевод речи Эредиа при открытии памятника Леконт де Лилю по фотокопии брошюры, воспроизводящей речь, полученной М. З. Гордоном из Франции от Дарни Оливье.

В процессе подготовки книги существенную помощь в интерпретации и переводе латинских текстов оказали Ф. А. Петровский и М. Л. Гаспаров, а в подборе иллюстраций — М. А. и Т. В. Таловы.

Ред.

ГРЕЦИЯ И СИЦИЛИЯ

ЗАБВЕНИЕ

Сонет переводили также А. Доброхотов, Л. Кацман, П. Краснов, Д. Олерон, Г. Шенгели.

ГЕРАКЛ И КЕНТАВРЫ

НЕМЕЯ

Немея — долина в Арголиде, где, по мифу, обитал свирепый лев, которого нельзя было поразить оружием. Геракл задушил немейского льва и содранной с него шкурой пользовался, как плащом.

Другие опубликованные переводы неизвестны. Неизданный перевод Студии М. Лозинского:

С того мгновения, как лег туман на лес,
Склоняя голову к пугающему следу,
Одно рыканье означило победу.
Все смолкло. Солнца шар склонился и исчез.

Из-за кустарника сквозь буковый навес
Пастух, испуганный, бегущий к Итомеду,
Глядит, оборотясь, готов повернуть бреду,
На зверя, вставшего, с угрозой, до небес.

Он вскрикнул. Видел он губителя Немеи.
На окровавленном закате взор страшнее
Клыков оскаленных и гривы золотой.

Ведь там, где вечера уже ползла завесь,
Сливая шкуру льва с плечами Геркулеса
Шел человекозверь, чудовищный герой.

СТИМФАЛ

Стимфал — озеро в Аркадии. На берегу его Геракл перебил хищных птиц, у которых были медные клювы и перья, разившие подобно стрелам.

7 *Омфала* — лидийская царица, которой Геракл служил три года.
Сонет переводил также Г. Шенгели.
Неизданный перевод Студни М. Лозинского:

И птицы, спугнуты с береговых болот,
Где пролагает путь Охотник небывалый,
Неисчислимые, взвились, как ветер, шалый,
Над мрачным озером и клокотаньем вод.

Другие, понизу сплетая черный лет,
Кружили над челом, целованным Омфалой,
Когда, наметив цель стрелою медножалой,
В прибрежных камышах Стрелец шагнул вперед.

Тогда из облаков, разимых в беге диком,
Пролился страшный дождь с многоголосым криком,
Весь в рдяных бороздах смертельного огня.

И Солнце, наконец, увидело сквозь тучи,
Где бездны синие раздвинул лук могучий
Как, весь в крови, Геракл смеется богу дня.

НЕСС

Несс — кентавр-перевозчик. Переправляя через реку жену Геракла Деяниру, он покусился на ее честь. За это Геракл поразил его стрелой, острие которой было омочено в ядовитой крови лернейской гидры.
Сонет переводили также Л. Цацман, Д. Олерон, Г. Шенгели.

КЕНТАВРЕССА

10 *Воинственных сынов, взлелеянных Нефелой.* — Зевс создал облачное подобие своей жены, верховной богини Геры, Нефелу (νεφέλη — облако). От нее и Иксиона произошли кентавры.
Сонет переводили также Л. Цацман, Д. Олерон (только первые 8 строк), Г. Шенгели.

КЕНТАВРЫ И ЛАПИФЫ

Лапифы — полумифическое племя, жившее в северной Фессалии. На одном из свадебных торжеств у лапифов кентавры пытались похитить невесту и ее подруг, но были побеждены греками с помощью Геракла.

Сонет переводили также Л. Кацман, Д. Олерон.

БЕГСТВО КЕНТАВРОВ

Перевод этого сонета, выполненный Максимилианом Волошиным, отличается многими достоинствами, но не сохраняет в катренах присущего подлиннику порядка рифм.

Формальная структура сонета «Бегство кентавров» сохранена в переводах Л. Кацмана, Д. Олерона, Г. Шенгели и в неизданном переводе Н. Гумилева.

Бегут — и бешенством исполнен каждый стон —
К обрывистой горе, где скрыты их берлоги;
Их увлекает страх, и смерть на их пороге,
И львиным запахом мрак ночи напоен!

Летят — а под ногой змея и стелион,
Через потоки, рвы, кустарник, без дороги,
А на небе уже возносятся отроги:
То Осса, и Олимп, и черный Пелион.

В потоке табуна один беглец порою
Вдруг станет на дыбы, посмотрит за собою,
Потом одним прыжком нагонит остальных:

Он видел, как луна, горя над чащей леса,
Вытягивает страх неотвратимый их —
Чудовищную тень убийцы — Геркулеса.

РОЖДЕНИЕ АФРОДИТЫ

4 *Земля, благая мать, титанов напоила.* — От брака Урана (неба) и Геи (земли) родились титаны, которые впоследствии в жестокой битве были побеждены царем богов Зевсом.

[14] *В Урановой крови Киприда расцвела.* — По Гесиоду, Афродита — греческая богиня любви и красоты, — родилась из морской пены у берегов Кипра, образовавшейся из крови Урана, которого оскопил и сверг его сын, Кронос.

Сонет переводили также Л. Кацман, Д. Олерон.

ЯСОН И МЕДЕЯ

Сюжет сонета был навеян картиной художника Гюстава Моро (1826—1898).

[6] *Слова волшебницы роняли сев заклятый...* — По-видимому, намек на одно из условий завоевания золотого руна — герой должен был посеять зубы дракона.

Сонет переводили также Л. Кацман, Д. Олерон.

ФЕРМОДОНТ

[1] *Фемискира* — по мифу, столица амазонок, стоявшая на берегу реки *Фермодонта* (нынешнее название — Термех), впадающей в Черное море (древний Эвксин).

[6] *Пентесилея* — царица амазонок.

Сонет переводили также Л. Кацман и Д. Олерон.

АРТЕМИДА И НИМФЫ

АРТЕМИДА

[6] *Ортигия* — остров Делос, родина Артемиды, богини охотницы, повелительницы звериного и растительного царств.

Сонет переводили также Л. Кацман, Д. Олерон.

ОХОТА

[1-2] *Все круче белые возносят скакуны Квадригу в глубь небес...* — Имеется в виду колесница бога солнца Аполлона.

Сонет переводили также Л. Кацман, В. Жуковский, Д. Олерон.

НИМФЕЯ

13–14 *И Пан, смеясь и лад порывисто меняя, Глядит, как грудь его вдыхает жизнь в тростник.* — Согласно мифу, Пан преследовал своей любовью нимфу Сирингу, которая превратилась в тростник. Из этого тростника Пан смастерил первую свирель.

Перевод Г. Шенгели печатается впервые.

Сонет переводили также Л. Кацман, Д. Олерон. Неизданный перевод Т. Владимировой:

Квадрига светлая минует небосвод,
И, видя под собой наклонный бег арены,
Напрасно хочет бог, чтоб кони в клочьях пены
В небесном золоте сдержали бурный лет.

Он товет. Океан могучим вздохом вод
Шлет звоны в небеса, где ночь идет для смены,
И вот слепящий диск серебряной Селены
На черной синеве в безмолвии астает.

То час, когда к ручью, без стрел и без колчана,
Отбросив лук тугой, спускается Диана.
Все смолкло. Лишь олень кричит порой в тиши.

На хоровод ночной луна струит сиянье,
И радуется Пан, когда его дыханье
Вселяет жизнь и смех в речные камыши.

ПАН

Сонет основан на распространенном античном сюжете, но одновременно дублирует и одно из «Античных стихотворений» Леконт де Лиля, носящее то же название:

ПАН

Пан из Аркадии, с копытцами и лбом
двурогим, шумный бог, любимый пастухом,
дыханьем радует ствол флейты камышовой.

С варей — лишь вдоль равнин прольется луч багровый —
бродяга, он глядит, смеясь, как пляшет хор
Нимф, попирающих густой травы ковер.
Мех рысий на спине; на голове кудлатой —
шафран, и гиацинт, и листья нежной мяты;
и звучным смехом лес дремотный будит он.
Рой босоногих нимф летит со всех сторон
на зов его — и там, где мирно плещут воды,
вкруг Пана резвые сплетает хороводы.
В грот густолиственный, где зреет виноград,
по следу струй живых, что из лесу спешат,
под многошумный свод, под сень листвы дубовой,
бог укрывается от полдня огневого.
Он засыпает; лес хранит, настороже,
от раскаленных стрел его спокойный сон.
Но только ночь сойдет в созвездиях бесстрастно
и складки мантии раскроет в тверди ясной, —
Пан, страстью вновь горя, во мгле родных лесов
за девой крадется, бродящей меж кустов,
хватает на бегу, и, радость бурно клича,
в сиянии луны несет свою добычу.

(*Леконт де Лиль*. Из четырех книг. Стихи, перев. Игоря Поступальского. М., ГИХЛ, 1960, стр. 35).

Сонет Эредиа переводили также Л. Кацман, В. Жуковский. Неизданный перевод Студни М. Лозинского:

Среди кустарников, тропинкой потайной,
Ведущей далеко в зеленые проходы,
Ловец нагих дриад, смехач козлобородый
Бесшумно крадется дремучей глубиной.

Отрадно слушать плеск и свежий вздох лесной,
Когда звенят в глуши полуденные воды
И солнце, просияв сквозь облачные своды,
В колеблемую мглу на стрелах мечет зной.

Дриада, заблудясь, остановилась. Где-то
По капле падает еще капель рассвета
На мох. Ее душа хмельную пьет волну.

Но бог, одним прыжком из чащи прянув темной,
Хватает, хохотом пугает тишину,
Скрывается. . . И вновь безмолвен лес огромный.

КУПАНИЕ НИМФ

14 *Каистр* — река в Малой Азии, впадающая в Эгейское море у Эфеса.

Сонет переводили также Е. Деген (цитатой в статье), Л. Кацман, Д. Олерон. Неизданный перевод Студии М. Лозинского:

Долину дикую листвой от моря скрыв,
Дубрава разрослась и склон ручья одела,
И нимфа из ветвей склоняется несмело,
Ногою робкою встречая волн прилив.

Подруги к ней спешат на радостный призыв,
И в брызжущей воде сквозит нагое тело;
То розовая грудь мелькнет из пены белой,
То стройное бедро, то светлых кос извив.

Божественной игрой звенят лесные чащи.
Но вдруг, прорезав тьму, сверкнет взор горящий.
Сатир! Он хохотом встревожил легкий рой.

Они исчезли. Так, испуганные быстро
Летящим вороном, как вихорь световой
Взлетают лебеди священного Каистра.

ВАЗА

Сонет переводили также Л. Кацман, Д. Олерон.

АРИАДНА

3 *Иакх* — то же, что Вакх, Дионис. Оставленная Тесеем на острове Наксосе Ариадна была взята в жены Дионисом.

Сонет переводил также Д. Олерон.

ВАКХАНАЛИЯ

5 *...безумная менада...* — Менады — спутницы бога вина Диониса.

13 *Тирс* — посох Диониса, обвитый виноградными листьями.

Сонет переводил также Д. Олерон.

ПРОБУЖДЕНИЕ БОГА

11 *Астарта* — богиня любви и плодородия в финикийской мифологии.

14 *Адонис* (Таммуз в финикийской мифологии) — у греков — олицетворение оживающей и умирающей природы. Почитался и как возлюбленный Афродиты (Астарты). В двухдневных весенних праздниствах в честь Адониса сначала оплакивалась его смерть, а затем праздновалось его воскрешение.

Сонет переводил также Д. Олерон.

ЧАРОДЕЙКА

Сонет написан от имени афинского политика — Алкивиада. Он был обвинен жреческой семьей Эвмолпидов в оскорблении культа богини земли и плодородия Деметры: Алкивиад проник тайно на празднование Элевсинских мистерий в честь Деметры, справляемых только женщинами.

Другие опубликованные переводы неизвестны. Неизданный перевод Студии М. Лозинского:

Повсюду, и в тени спасительной святыни,
Она меня зовет в свой чародейный плен.
О, дорогой отец, о мать, у чьих колен
Я рос, — иль древний грех отяготел на сыне?

Отмститель Эвмолпид в священном Элевсине
Не отряхал у врат кровавый пурпур хлен,
А я бегу, дрожа, измучен и согбен,
И вой проклятых псов за мной встает в пустыне.

Везде я чувствую, вдыхаю каждый час
Ночное волшебство и гибельные чары,
И от руки богов меня никто не спас;

От них — оружие неотразимой кары,
Ее пьянящий рот и темный пламень глаз,
Чтоб слезы и любовь я пил из смертной чары.

СФИНКС

1 *Киферон* — гора на границе Аттики и Беотии.
9 *Беллерофонт* — герой, победивший огнедышащую Химеру, передняя часть тела которой была львиная, средняя — козья, а задняя — драконья.
Сонет переводил также Д. Олерон.

МАРСИЙ

5–6 *Ревнивый Кифаред... Бряцалом сокрушил живые тростники...* — Фригийский сатир Марсий, искусный флейтист, осмелился победить в состязании Аполлона, игравшего на кифаре. Разгневанный бог привязал Марсия к дереву и заживо содрал со своего соперника кожу.

На эту тему в новой французской поэзии написана поэма поэтом Анри де Ренье (1864—1936), у нас отлично переведенная Максимилианом Волошиным (см. его книгу «Лики творчества»), а в русской поэзии тот же миф привлек внимание Бенедикта Лившица (1886—1939), давшего своему дебютному сборнику стихов название «Флейта Марсия» (1911) и открывшего его одноименным сонетом.

Сонет Эредиа «Марсий» переводил также Д. Олерон.

ПЕРСЕЙ И АНДРОМЕДА

АНДРОМЕДА У ЧУДИЩА

За то что Андромеда — дочь эфиопского царя Кефея — похвалялась своей красотой перед нереидами, Посейдон наслал на Эфиопию грозное чудище.

Оракул сказал, что спасение страны только в великой жертве, и Кефей выдал чудницу свою дочь. Персей спас царевну и женился на ней.

Сонет переводили также В. Жуковский, Г. Шенгели. Неизданный перевод М. Броиннкова и Е. Малкиной:

Кассиопеи дочь, увы! еще живая,
Одна, привязана к уступам черных скал,
Божественную плоть, что ужас оковал,
Из пут напрасно рвет, беспомощно взывая.

Чудовищная глубь, под гул ветров вставая,
К ее босым ногам плюет соленый вал,
И ей, сквозь тень ресниц, мерещится оскал
Пучин, разверзшихся от края и до края.

Нежданно, словно блеск небесного огня,
Над ней проносится звенящий храп коня.
Она глядит, дрожа, и видит, а восхищенье:

Раскинув два крыла и затмевая день,
Пегас, под всадником вздымаясь в нетерпенье,
Простер по лону вод лазоревую тень.

ПЕРСЕЙ И АНДРОМЕДА

Сонет переводили также В. Жуковский, Г. Шенгели.

ПОХИЩЕНИЕ АНДРОМЕДЫ

8 *Где Гелла обрела на дне покой нежданный.*— Гелла — дочь минийского царя Атаманта и Нефелы, вместе с братом бежала от преследования мачехи на золоторунном баране, но по пути утонула в водах пролива, получившего с того времени название моря Геллы (Геллеспонт; совр. Дарданеллы).

Сонет переводили также В. Жуковский, Д. Олерон. Неизданный перевод Р. Блох:

По ветру распластав шуршащие крыла,
Огромный конь, дыбясь и пар вздымая белый,

Все дальше их несет, полет направив смелый
Сквозь голубую ночь и звезды без числа.

Летят. Вот Африку окутывает мгла...
Пустыня... Азия... Ливанские пределы...
А там раскинулся, от пены поседелый,
Таинственный залив, где Гелла смерть нашла.

И, словно паруса упругие, поплыли
Двоих любовников большие тени крылий,
Их неразлучные баюкая сердца;

Пока они следят, не отрывая взора,
Как, лучезарные, от Урны до Тельца,
Их звезды восстают из темного простора.

ЭПИГРАММЫ И БУКОЛИКИ

КОЗОПАС

Редакцией изменено заглавие, данное переводу поэтом Г. Шенгели («Пастух»).

Сонет переводили также В. Жуковский, Л. Кацман, Д. Олерон. Неизданный перевод Т. Владимировой:

Пусть ускакал в овраг, на каменное дно,
Упрямый твой козел и затерялся где-то:
На склонах Менила, куда нас гонит лето,
Приходит быстро ночь, не сыщешь все равно.

Останься лучше здесь. Вот смоквы, вот вино.
В убежище глухом мы подождем рассвета.
Но тише! Божества повсюду, сын Адмета!
Гиаты строгий взор нас сторожил давно.

В пещере темной, там, среди деревьев черных,
Сярывается Сатир, хранитель высей горных,
И если не спугнем, он выйдет. Помолчи!

Вот вздохи дудочки запевшей долетели,
То он! Его рога видели за лучи,
И козы прыгают под звук его свирели.

ПАСТУХИ

Сонет переводили также В. Жуковский, Л. Кацман. Неизданный перевод Студии М. Лозинского:

Иди за мной. Тропа уводит в глубь ущелий.
Вот говорливый ключ и запоездный грот,
Куда он отдохнуть на свежий мох идет
И где в тени сосны играет на свирели.

Привяжем здесь овцу, и через три недели
Увидишь, что она ему и свой приплод,
И сыр, и молоко густое принесет,
А нимфы плащ соткут из шерстяной кудели.

Будь благосклонен, Пан, о козлоногий страж,
К стадам, которые вскормил аркадский кряж,
Молю тебя!... Он внял! Зашевелил ветвями.

Уйдем. Последний луч скользит по облакам.
Дар бедняков, мой друг, угодней жертвы в храме,
Коль сердцем искренним приносится богам.

ЖЕРТВЕННАЯ НАДПИСЬ

1 *Арей* (Арес), сын Зевса и Геры, брат Ириды (Вражды) — бог войны, в римской мифологии — Марс.

13–14 *Ступай их собирать на Марафонский дол: Они остались там, застряв у Перса в глотке.* — Решительная победа греков над персами при Марафоне в 490 г. до н. э. устранила угрозу независимости Греции и положила начало расцвету городов-государств.

Сонет переводили также В. Жуковский, Д. Олерон.

НАДГРОБНАЯ НАДПИСЬ

Сонет переводили также Л. Кацман, О. Чюмина (Михайлова).

ПОГИБШИЙ В МОРЕ

2 *Следя за Маяком...* — речь идет о знаменитом в древности Александрийском маяке.

Сонет переводили также Б. Бер, Л. Кацман, Д. Олерон.

МОЛЬБА УСОПШЕГО

2 *Гебр* — река, нынешняя Марица; *Кипселы* — древний город во Фракии.

Сонет переводили также В. Жуковский, О. Чюмина (Михайлова), Г. Шенгели. Неизданный перевод Студии М. Лозинского:

Стой, путник, выслушай! Когда через Стримон
Ты шаг направишь свой к моим родным пределам,
В Кипселах разузнай о Гилле престарелом;
Скажи, что навсегда утратил сына он.

Убитый, я питал шакалов и ворон
Собой, сплелись кусты над оскверненным телом.
И тень, у мертвых вод, томясь своим уделом
Скорбит и ропщет. Я никем не отомщен.

Иди ж! И если в час уже сгустевших теней
Ты встретишь женщину у гробовых ступеней
С челом, белеющим под черным лоскутом, —

Приблизься, не страшись ни чар, ни ночи бурной;
То мать моя, пришлец, на мраморе пустом,
Немые слезы льет, склонясь над праздной урной.

РАБ

4 *Гибла* — один из античных городов в Сицилии.

Сонет переводили также Е. Деген (цитатой в статье), В. Жуковский, Д. Олерон, О. Чюмина (Михайлова).

ПАХАРЬ

6 *Рея* (Кибела) — великая «матерь богов», дочь Урана и богини земли — Геи, жена Кроноса.

14 *Эреб* — преисподняя.

Сонет переводил также Д. Олерон.

ГЕРМЕСУ КРИОФОРУ

Гермес криофор (греч. «несущий барана») — бог — покровитель стад, который изображался с бараном на руках или плечах.

9 *Эрмий* — Гермес.

Другие опубликованные переводы неизвестны. Неизданный перевод М. Бронникова:

Чтоб спутнику вазд всегда была отрада
Соединять твоих баранов и овец
И чтобы никогда не наступил конец
Среди Галезских нив пасущегося стада, —

Прославить праздником его пастушьим надо,
Не то покинет кров божественный жилец;
Ему приятна дань от искренних сердец
И в мраморных стенах, и в запустенье сада.

Хвала Гермесу! Бог невинной жертве рад,
Когда безгрешною рукой его дарят,
Хотя бы не было среди даров скромнее.

На пастбищной меже алтарь воздвигнем, друг,
И пусть козлиная из волосатой шеи
Кровь глину очернит и обагрит твой луг.

РАНО УМЕРШАЯ

Сонет переводили также Л. Кацман, Д. Олерон.

РЕГИЛЛА

1 *Анния Регилла* — жена Герода Аттика (101—177 гг. н. э.), афинского аристократа, оратора и писателя, известного своей благотворительностью. Призванный в Рим, он стал воспитателем Марка Аврелия — приемного сына императора Антонина Пия.

14 *Радамант* — один из трех судей душ в преисподней.

Другие опубликованные переводы неизвестны. Неизданный перевод Студии М. Лозинского:

Под этим мрамором спит Анния Регилла.
От крови Зевсовой она вела свой род,
И дочь Энееву взвал женой Герод.
Средь нег и радости, увы! она почила.

Но тень, чей нежный прах похитила могила,
На Белом Острове, у Океанских вод,
Считает месяцы, и дни, и долгий год,
С тех пор, как Атропос ее от ближних скрыла.

Лелея памятью объятья милых рук,
На ложе золотом тоскующий супруг
Бессонный пурпур рвет, забвения не зная.

Он медлит. Он нейдет. И, трепетно светла,
Душа Возлюбленной все ждет его, летая
Вкруг Радамантова железного жезла.

РИСТАТЕЛЬ

[3] *Ладас* — спартанец, один из победителей на играх, удостоившийся статуи, поставленной ему на берегу реки Эврот.

Сонет переводили также В. Жуковский, Д. Олерон.

ВОЗНИЧИЙ

[4] *Автомедон* — у Гомера лучший из колесничих.

[7] *Любимец кесаря, ливиец смуглоликий...* — Имеется в виду Порфирий, сын Калхаита (Калхантид), принадлежавшего к политической партии «синих», сталкивавшихся с «зелеными» на цирковых ристалищах. Император Юстиниан почтил Порфирия статуей на ипподроме.

[10] *Победа за зеленым...* — неточность переводчика Д. Олерона.

Другие опубликованные переводы неизвестны. Неизданный перевод Студии М. Лозинского:

Знай, чужестранец, тот, кто, сжав одной рукой
Концы восьми вожжей, смиряет черных коней
И держит бич в другой, искусней на уклоне
Квадригу повернет, чем Диоскур герой.

Он рода славного и род прославил свой. . .
Но вот уже к столбу, недостижим в погоне,
Он мчит, соперников рассеяв на агоне,
Любезный кесарю, лнвнец молодой.

К мете и к торжеству, волнуя цирк громадный,
Семь раз он прокружил, стремительный и хладный
Калханта Синего достойный сын, привет!

И ты увидишь сам, коль огненного следа
Земным очам снести возможно дивный свет,
Как с высоты летит к Порфирию Победа.

НА ОТРИИ

Отрий — горная цепь в Фессалии.

9–10 *Каллидром* — часть горной цепи *Ойты* — место, где Геракл сжег себя на костре.

Сонет переводили также В. Жуковский, Л. Кацман и Д. Олерон.

РИМ И ВАРВАРЫ

О КОРАБЛЕ ВЕРГИЛИЯ

2 *Диоскуры* — близнецы-братья. После смерти превратились в созвездие Близнецов. Почитались как покровители мореплавателей.

2–4 *...пусть сверканья звезд хранят Латинского певца, кто золото Циклад под небом греческим узрит в кипенье...* — Вергилий в 19 г. до н. э. совершил путешествие в Грецию. Киклады — группа островов в Эгейском море. Откликом на это путешествие является ода Горация (I, 3).

6 *Япикс* — название благоприятного западного ветра, дующего от Япигийского мыса (южная Калабрия) в сторону северной части Греции, Эпира.

9 *Дети Лебедя...* — По мифу, близнецы Кастор и Полидевк были детьми Леды и Зевса, представшего ей в образе лебедя.

10 *Поэту Мантуи...* — Маитуя была родиной Вергилия.
13 *Арион* — поэт и музыкант, в плаваиии из Италии в Коринф был выброшеи корабельщиками, замыслившими его ограбить, за борт корабля. Дельфии, по легеиде, иа своей спиие доставил Ариоиа к берегу.

Соиет переводил также Д. Олерои. Неиздаиный перевод Р. Блох:

Пусть ярким светочем полуиочиых высот
Вам, Диоскуры, блеск хранит с небес Эллады
Латинского певца, пока пред ним Циклады
Не встанут золотом из глуби синих вод.

Пусть ветры легкие, ведя свой хоровод,
Пусть Япикс, веющий дыханием прохлады,
Ветрила корабля наполнить будут рады
И к чуждым берегам направят их полет.

По морю, где дельфии играет шаловливый,
Поэту Мантуи пошлите путь счастливый;
Да будет, Близнецы, он вами озарен!

Я вверил полдуши охране хрупких врылий,
Которыми средь волн, где спасся Арион,
На родину богов уносится Вергилий.

VILLULA

Соиет переводил также Д. Олерои. Неиздаиный перевод М. Броииикова:

Да, Галла старого наследиые владенья
Увидишь ты, взойдя иа Цизальпинский скат;
Весь дом его и двор под пинией лежат,
Соломой устлан кров убогого строенья.

Достаточно, чтоб гость вкусил отдохновенья.
В печи всегда есть хлеб, Галл поделиться рад;
В саду цветет горох и зреет виноград.
Немного? Но старик не ждет обогащенья,

Лесок дает зимой вязанку дров иль две.
В июле зиойный луч теряется в листве,
А осенью глухарь сам попадает в сети.

Безропотно приняв скупой надел отца,
Здесь Галл провел свой век и мирно ждет конца.
Ты видишь сам, что есть еще мудрец на свете.

СВИРЕЛЬ

Сонет переводили также В. Жуковский, Л. Кацман. Неизданный перевод М. Бронникова:

Уж вечер. Голубей взмывает к небу лет.
Ничто так не смирит влюбленные порывы,
Пастух тоскующий, как флейты переливы,
Сопровожденные журчаньем свежих вод.

Траву, где мы лежим, темнит ветвистый свод
Платана. Пусть, о друг, жует листы оливы
Бродящая коза, и козлик боязливый
С обрывистой скалы назад ее зовет.

Семь стеблей камыша, обрезанных неравно
И воском слепленных в цевницу, своенравно
Сменяют плач на смех, рыданье на зов.

Тебя научим мы искусству козлоногих,
И вздохи страстные из дивных тростников
В созвучьях улетят размеренных и строгих.

СЕКСТИЮ

[5] *Эриннии* (или Евмениды, у римлян — Фурии) — богини мести.

[8] *Триклиний* — парадная часть римского дома.

Сонет переводил также Л. Кацман. Неизданный перевод В. Лейкиной:

Прозрачны небеса. Челнок скользит в затоны.
Сады цветут, и луг в морозном серебре
Уже не искрится на утренней заре.
Быки с погонщиком покинули загоны.

Все вновь живет. Но смерть и темные законы
Торопят, и в одной уверен ты поре,
Когда уже не ты в Венериной игре
Стяжаешь на пиру венок царя веленый.

Жизнь наша коротка. Спешим, о Секстий, жить
Колени старые устали нам служить.
Весны не ведают в холодном царстве теней.

Идем. Леса стоят, одетые давно,
И ждет косматый фавн в их заповедной тени
Козла или овцы волнистое руно.

HORTORUM DEUS

I

Цикл переводили Е. Деген, В. Жуковский и Д. Олерон.

Поль Арен (1843—1896) — поэт-парнасец.

8 *Приап* — покровитель стад, полей, садов, виноградников, пасек, рыбной ловли и т. д. В садах и виноградниках играл роль пугала.

V

9 *...если бы мне быть домовым ларом...* — Лары — божества-покровители семьи и рода.

TEPIDARIUM

12 *Пьянит авзонских дев...* — по имени племени авзонов Италия называлась у поэтов Авзонией.

Сонет переводил также Д. Олерон. Неизданный перевод Студии М. Лозинского:

Их плоть прозрачный муск и мирра обтекла;
Дыханье зимних терм на них отяжелело,
И бронзовая печь, где пламя догорело,
Бросает свет и тень на бледные чела.

На ложе пурпурном, средь шелка и тепла,
Порой янтарное иль мраморное тело
То приподымется, то выгнется несмело;
Изнеженной волной льняная ткань легла.

Почуяв жгучее прикосновенье зноя,
Малоазиянка, посреди покоя,
Гнет руки в ясности опустошенных грез;

И авзонийских дев белеющему стаду
Льют гармоничную и дикую усладу
Торс темно-бронзовый и смоль ее волос.

ТРАНКВИЛЛ

Транквилл Гай Светоний (ок. 70—160 н. э.) — секретарь императора Адриана, автор «Жизни двенадцати цезарей» (см. русский перевод М. Гаспарова. М., «Наука», 1964). Сохранились руины его виллы близ небольшого города Тибура (совр. Тиволи).

10-11 *Калигула... и Клавдий, и Нерон, и Мессалина...* — Эредиа перечисляет персонажей повествования Светония.

14 *Капрейца старого желаний жар тяжелый...* — Имеется в виду император Тиберий, чья резиденция была на острове Капри.

Сонет переводил также Д. Олерон. Неизданный перевод М. Бронникова (Студия М. Лозинского):

Здесь часто отдыхал Транквилл уединенно;
От виллы маленькой на деревенский лад,
Меж лоз, виднеются еще ряды аркад.
И в золотом плюще разбитая колонна.

Когда осенняя лазурь еще бездонна,
Он ехал за город, лучам последним рад,
Снимать в своем саду тяжелый виноград,
И жизнь у Тибура текла неомраченно.

В пастушеской тиши носился перед ним
Нерона, Клавдия и Гальбы шумный Рим,
И Мессалины тень бродила в злой столе;

И он, царапая таблиц вощеных поле
Отточенной иглой, писал, неумолим,
Капрейские грехи безумца на престоле.

ЛУПЕРКУС

Луперкус — имя, по-видимому, вымышленное, в эпиграмме Марциала, подражанием которой является сонет Эредиа.

Сонет переводил также Д. Олерон.

ТРЕББИЯ

Треббия — в настоящее время незначительная, но в древности более многоводная река в Северной Италии, один из притоков По (Падуа). В 218 г. до н. э. Ганнибал разгромил при Треббии консулов Сципиона и Семпрония. Первый из них, до того уже потерпевший неудачу в столкновении с карфагенянами, советовал второму уклониться от боя, но этот совет, к беде римлян, не был принят.

4 *Сыны Нумидии* — жители Нумидии, нынешнего Алжира; входили в состав карфагенской армии.

10 *Инсубрские селения...* — кельтское племя инсубров, населявшее Северную Италию, поддерживало Ганнибала.

11 *«Рев слонов»* — неточность, допущенная Валерием Брюсовым в переводе, в подлиннике: «un éléphant» (античные источники свидетельствуют, что при переходе через Альпы Ганнибал потерял всех своих слонов, кроме одного).

Не лишен достоинства перевод этого же сонета, выполненный Д. Олероном (стр. 89 его «Трофеев» в изд. 1925 г.). Так, к примеру, у него правильно расположены рифмы, но вместе с тем допущена та же неточность со «слонами», а в безукоризненно звучащих заключительных стихах

> . . . Внимал задумчиво-безмолвный Ганнибал
> Глухому топоту идущих легионов —

буквально переведенное слово «легионы» приводит к неясности — речь идет явно не о римских легионах, а о карфагенских войсках (почему и следовало бы сказать об их множестве или что-нибудь в этом роде).

Сонет переводили также В. Жуковский, Р. Рабинерсон. Неизданный перевод Е. Малкиной, не свободный от того же промаха с «легионами»:

Ненастная заря зажгла гряду холмов.
Стан просыпается; река шумит у брода,
Где легких эскадрон нумидов ждал восхода.
Со всех сторон звенит букцин протяжный зов.

Что консул Сципион, что хитрости жрецов,
И Треббии разлив, и дождь, и непогода?
Семпроний, горд судьбой недавнего похода,
Вновь двинул ликторов бесстрашно на врагов.

Багровым заревом огня и разрушенья
Пылали в сумраке инсубрские селенья;
Порой издалека гетульский слон кричал.

А там, в тени моста, у лигурийских склонов,
Внимал торжественный и строгий Ганнибал
Глухому топоту идущих легионов.

ПОСЛЕ КАНН

Канны — селение на правом берегу реки Ауфид (Авфид, ныне Офанто), знаменитое в истории победой, одержанной здесь Ганнибалом над войсками консулов Луция Эмилия Павла и Кая Теренция Варрона (216 г. до н. э.).

1 *Линтерн* — город в Кампании.

5 *Великий понтифекс* — верховный жрец; *лектистернии* — римский религиозный обряд (угощение богов).

7 *В смысл книг сивиллиных вникал.* — К так называемым «сивиллиным книгам», сборникам прорицаний, составленным частью на греческом, частью на латинском языках, обращались в самых важных случаях. Книги эти хранились в храме Юпитера на Капитолии.

14 *Одноглазый вождь...* — Ганнибал, лишившийся в бою одного глаза.

Сонет переводили также Л. Кацман, Д. Олерон, Г. Шенгели. Неизданный перевод Е. Малкиной:

Пал консул, а другой скрывается в Линтерне.
Завален трупами бойцов, Авфид взыграл
И залил берег; гром в капитолийский вал
Ударил; медь в поту; день реет мглой вечерней.

Вот уж великий жрец устроил лектистерний
И дважды вещую Сибиллу вопрошал;
Рыдая, в ужасе бегут и стар, и мал,
И полон жутний Рим невольников и черни.

По вечерам в поля из городских ворот
Шли дети, женщины, рабы, простой народ,
Субурра грязная и Мамертин жестокий.

И ждали в страхе: вот появится сейчас
На холмах, где горит кровавый солнца глаз,
На боевом слоне пуниец одноокий.

ТРИУМФАТОРУ

[1] *На арке мраморной...* — По-видимому, имеется в виду арка императора Септимия Севера с известными рельефами.
[4] *И ростры гордые плененных кораблей...* — Ростры — носы кораблей, которые укреплялись римлянами на колоннах.
[6] *Марций* Анк Марций — четвертый царь Рима (640—616 гг. до н. э.).
[14] *Самнитский селянин...* — племя самнитов, одно из древнейших в Италии.
Сонет переводили также Е. Деген (цитатой в статье), Д. Олерон, О. Чюмина (Михайлова), Г. Шенгели.

АНТОНИЙ И КЛЕОПАТРА

КИДН

Кидн — река в Киликии, на берегу которой стоял город Тарс. Антоний, предпринимая поход на парфян, пригласил туда в 41 г. до н. э. Клеопатру.
[2] *Трирема* — боевое трехъярусное судно.

[11] *Дочь Птолемеева... Лагида...* — Клеопатра, занявшая египетский престол после своего отца Птолемея XI Авлета из династии Лагидов.

Сонет переводили также В. Жуковский, Л. Кацман, Д. Олерон, О. Чюмина (Михайлова), Г. Шенгели.

ВЕЧЕР ПОСЛЕ СРАЖЕНИЯ

[7] *Фраорт* (Фраат) IV — парфянский царь, в 36 г. до н. э. вытеснивший Антония из пределов своей страны.

В прекрасном по стиху переводе Сергея Соловьева есть не сразу замечаемая неловкость во втором катрене: в подлиннике пот стекает со лбов утомленных боем римлян, в переводе же получается скорее, что это относится к парфянам, которые, однако, уже вдали (au loin).

Сонет переводили также Е. Деген (цитатой в статье), В. Жуковский, Д. Олерон, Г. Шенгели, Эллис. Неизданый перевод Е. Малкиной:

Ужасен был удар; жесток урон; и вот
Уже трубили сбор войска триумвирата,
И терпкий жар резни в полях Евфрата,
Где все еще дрожал от криков небосвод.

Глазами мрачными, ведя убитым счет,
Смотрели воины, как там, в лучах заката,
Как листья мертвые, неслись стрелки Фраата,
И с загорелых лиц стекал тяжелый пот.

Тогда, в щетине стрел, предстал перед бойцами,
Алея свежих ран багряными ручьями,
В летящем пурпуре, весь торжество и мощь,

Средь рокота букцин, и грохота, и рева,
Ликующий, коня смиряя боевого,
На небе пламенном окровавленный вождь.

АНТОНИЙ И КЛЕОПАТРА

[4] *Саис* — город в дельте Нила.
[14] *...призраки бегущих кораблей* — намек на битву при Акциуме.

Сонет переводили также В. Жуковский, Д. Олерон, Р. Рабинерсон, Г. Шенгели. Неизданный перевод Студии М. Лозинского:

Они смотрели вдаль, Египет озирая,
Как в небе догорал удушливый закат,
И, черной Дельтою властительно разъят,
К Бубасту нес поток из пламенного края.

Антоний чувствовал, глухим огнем сгорая,
Уснувшее дитя качающий солдат,
Как тело знойное, прильнув к железу лат,
В его объятиях трепещет, замирая.

Чуть приподняв лицо в волнах густых волос
К тому, в чьем сердце хмель непобедимый рос,
Она дарила рот и пламень в ясном взоре;

И, к ней склонившийся, увидел римский вождь
В ее больших глазах, где реял звездный дождь,
Смятенный строй галер, бегущих в темном море.

ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ СОНЕТЫ

ОБЕТ

3 *Гарумн* — человек из племени гарумнов (конвенов), в древности обитавшего в районе реки Гарумна (ныне Гаронны).
5 *Венеск* — город в испанских Пиренеях.
9 *Искитт и Иликсон* — имена древнегалльских божеств.

Этот и последующие сонеты пестрят именами, сохраненными преимущественно на основе конкретных историко-археологических материалов — памятников из расположенного у испанской границы южного района Франции, главным образом из окрестностей города Баньер-де-Люшона, куда не раз приезжал автор «Трофеев».

Сонет переводил также Д. Олерон.

КЛЮЧ

[14] *Патера* — чаша, употребляемая при жертвоприношениях.

Сонет переводили также А. Васильев, Л. Кацман, Д. Олерон.

БОЖЕСТВО БУК

Сонет переводил также Д. Олерон.

БОЖЕСТВЕННЫМ ГОРАМ

[2] *Нету́* — вершина в Пиренейской горной цепи. *Эргаструл* — мастерская, где работали рабы.

Сонет переводили также Д. Олерон, О. Чюмина (Михайлова), последняя совсем приблизительно.

ИЗГНАННИЦА

[2] *Ардиеж* — одно из древних селений на юге Франции.

[6] *...багряные фламины...* — жрецы в багряных облачениях.

Сонет переводил также Д. Олерон.

СРЕДНЕВЕКОВЬЕ И ВОЗРОЖДЕНИЕ

ЦВЕТНЫЕ СТЕКЛА

[5] *Орифламма* — знамя французских королей.

[7] *Аккра* — город в Малой Азии, твердыня крестоносцев.

Сонет переводил также Г. Шенгели. Неизданный перевод Студии М. Лозинского:

Бароны гордые в вооруженье строгом
И жены в мантиях, спускающихся с плеч,
В его косых лучах, у негасимых свеч
И шлемы, и венцы склоняли перед богом;

Когда на воа трубы иль вслед вв звонким рогом,
Подъемав сокола или тяжелый меч,
Спешнли для забав или крестовых сеч
К пустыням Сирии или и лесным дорогам.

Теперь и рыцарн, и дамы тех веков
С послушною борзой у длиных башмаков
На плитах мраморных окаменели рвдом.

Без дум, бев голоса они лежат давио,
И вечио светится их безучастным ввглядам
Нетленной розою цветущее окно.

ЭПИФАНИЯ

Эпифания — богоявление.
1 *Мельхиор, Гаспар, Балтазар* — еваигельские волхвы, пришедшие поклониться младенцу Инсусу.
Сонет переводили также Д. Олерон н Г. Шенгели.

ПЛОТНИК НАЗАРЕТА

Сонет переводнлн также Д. Олерон, Г. Шеигели. Неиздаиный перевод К. Липскерова, по-видимому в свое время представленный Студии М. Лозинского, с одиой стороиы верно передает трудовую тему сонета, но, с другой — отличается елейностью, подлниику явно ие свойственной.

Чтоб кончить поставец, не покладая рук,
Старик над аерстаком кряхтит, подиявшись рано,
Рубанок двигает, не разгибая стана,
Лощило жесткое, скрежещущий терпуг.

Но замечает ои, что вечереет луг
И к дому клонится тень мощного платана,
Где богородицв н мать святая Анна
И отрок Иисус разделит с ним досуг.

Зной в воздухе разлит; недвижим лист; Иосиф,
На вемлю долото рукой усталой бросив,
Концом передника пот вытер трудовой.

А юный ученик, венчанный светлым кругом,
Все так же трудится во мраке мастерской,
И стружки золотом взвиваются над стругом.

МЕЧ

[1] *Калликст III* — имя, которое принял испанец Альфонсо Борха (в итал. произношении Борджа), вступив на папский престол восьмидесятилетним старцем; годы его понтификата — 1455—1458.

[4] *Червленый бык* — красный бык на золотом поле был родовым гербом Борджа.

[9] *Как будто Борджиев предвидя торжество...* — Племянник Альфонсо Борджа, Родриго, тоже был избран папой — в 1492 г.; принял имя Александра VI и прославился как один из гнуснейших представителей папства. В преступлениях не уступал ему один из его сыновей, Цезарь (Чезаре) Борджа. Время правления Борджа совпало с периодом расцвета ренессансного искусства.

[10] *Лас Сельяс* (1474—1533) — оружейник того времени.

[12] *Ариосто* в своих стихах прославлял Борджа; менее известный *Саннадзаро* (1458—1530) поносил память семейства Борджа. От меча, описанного в сонете Эредиа и долго хранившегося в Сеговии, теперь сохранился только клинок, который находится в Мадридском оружейном музее. Когда испанский король Энрике IV готовился к походу на мавров, Калликст III благословил этот меч и послал его королю.

Другие опубликованные переводы неизвестны.

МЕДАЛЬ

[1] *Владелец Римини...* — кондотьер XV в. Гисмондо Малатеста. Он был выдающимся меценатом, собирал произведения искусства. Для него, по плану Альберти, в Римини была воздвигнута великолепная церковь Сан-Франческо.

[4] *Маттео де Пастис* — медальер и художник того же времени.

7 *Цезарь, Лоренцо, Эццелин* — имеются в виду Цезарь Борджа (1475—1517), Лоренцо Медичи (1449—1492) и Эццелино да Романо (1194—1259).
13 *Изоттины уста...* — Изотта — имя жены Малатесты.
14 *Победоносный слон...* — изображение слона в гербе Мелатесты.
Сонет переводил также Д. Олерон.

ПОДРАЖАНИЕ ПЕТРАРКЕ

Этот сонет является в основном подражанием третьему сонету «Канцоньере».
Сонет переводили также О. Чюмина (Михайлова), Эллис.

НА КНИГУ ЛЮБВИ ПЬЕРА РОНСАРА

Ронсар Пьер де (1524—1585) — виднейший представитель французской «Плеяды», прославился своей любовной лирикой, собранной в ряде книг под названием «Les amours» («Любови»). (У нас переведен Ю. Верховским, С. Пинусом, С. Шервинским, М. Таловым, В. Левиком.)
2 *В тени бургейльских рощ...* — город Бургейль в провинции Анжу был родиной Мари, возлюбленной Ронсара.
7 *Кассандра и Елена* — другие героини его стихов.
Сонет переводил также Л. Кацман. Неизданный перевод Студии М. Лозинского:

Бывало, не один любовник вырезал
В Бургеле имена на старых липах сада,
И сердце не одно от брошенного взгляда
Надменно вздрогнуло под сводом Луврских зал.

И что ж! Никто их слез, их счастья не узнал.
Их скрыл могильный дерн и тесная ограда,
И средь живых никто у гробового хлада
Их позабытый прах оспорить не дерзал.

Проходит все: И вы, Кассандра и Елена,
Вся прелесть ваших тел была бы горстью тлена —
Для роз и лилий жизнь недолговечный дар —

Когда б у сенских вод, в тени родной дубравы,
Бессмертною рукой не сплел для вас Ронсар
Расцветший мир — Любви с зеленым лавром Славы.

ПРЕКРАСНАЯ ВИОЛА

Виола — имя возлюбленной поэта Дю Белле (1525—1560), который, три года находясь в Риме на посту дипломата, тосковал по любимой и родным анжуйским местам и написал свои знаменитые циклы сонетов «Сожаления» и «Римские древности».

4 *Фиалка бедная...* — Весь сонет построен на игре слов, так как Виола и имя возлюбленной и в романских языках название фиалки и название музыкального инструмента.

Сонет переводила также О. Чюмина (Михайлова).

ЭПИТАФИЯ

В основе сонета — миф о любимце Аполлона Гиацинте, трагически погибшем; из крови его вырос цветок, получивший название Гиацинта. Тело Гиацинта Аполлон унес на Олимп.

2 Луи *Гиацинт де Можирон* — фаворит французского короля Генриха III (1551—1589), бывшего также поэтом. В 1578 г. вместе с другим королевским фаворитом, графом де Келюсом, Можирон сразился на дуэли против трех враждебных королю членов партии герцога Гиза; юноша был убит в этой дуэли, товарищ же его скончался от ран на руках короля. Обоим были воздвигнуты великолепные памятники.

7 *Мирон* — знаменитый греческий скульптор (V в. до н. э.).

Сонет переводил также Б. Бер. Неизданный перевод О. Брошниовской:

Прохожий, здесь лежит, покинув грешный свет,
Прекрасный Гиацинт, властитель Можирона;

Он умер. Да вкусит покой господня лона!
Сраженный шпагою, он пал во цвете лет.

Никто, ни сам Келюс, так не носил берет,
Ни брыжжи пышные, ни жемчуг медальона.
Вот почему резцом воскресшего Мирона
В надгробном мраморе изваян вешний цвет.

Своей рукой убрав для горестного плена,
Поцеловав уста, в пределы Сен-Жермена
Король отвез — увы! — немой и бледный прах;

И чтоб века по нем не заглушили стона,
Он памятник ему воздвиг в святых стенах,
Печальный символ слез и скорби Аполлона!

ЗОЛОЧЕНАЯ ВЕЛЕНЬ

В сонете говорится об одной из работ королевского переплетчика Кловиса Эва (умер в 1635 г.). *Мария и Маргарет, а может быть — Диана...* — Имеются в виду, очевидно, Мария Стюарт (1542—1587), Маргарита Наваррская, автор «Гептамерона» (1492—1549), и Диана де Пуатье (1499—1566).

Сонет переводил также П. Красиов. Неизданный перевод А. Курошевой:

Искусник старины, рисунок золотой,
Который ты в обрез вдавил иглою меткой,
И книжный корешок — хоть он работы редкой, —
Теряют прежний блеск, горячий и густой.

И ясень с каждым днем бледней, перевитой
По фону белому причудливою сеткой;
С трудом уже следят глаза мои за веткой
Плюща, бегущего змеящейся чертой.

Но кожи, где тона янтарные разлиты,
Дианы, может быть, Марии, Маргариты
Касались некогда влюбленные персты;

И над пергаментом, рукой Кловиса Эва
Одетым в золото, их нежные мечты
Витают чарою старинного напева.

ДОГАРЕССА

Сонет переводили также А. Биск, Л. Кацман, О. Чюмина (Михайлова), Г. Шенгели. Неизданный перевод М. Травчетова:

Великолепные сеньоры Тициана
Под пышным портиком степенно говорят
И блещет красками их праздничный наряд,
Равняясь роскошью с одеждою султана.

На море, никогда не знавшее тумана,
Спокойно устремлен их горделивый взгляд —
Туда, где отблески мерцают и горят
На флагах шелковых царицы океана.

Меж тем как рыцари блестящею толпой,
По белым лестницам волочат пурпур свой,
И луч сияющий на ней играет зыбко,

Сеньора, делая изящный поворот,
Ребенка черного, который шлейф несет,
Дарит беспечною и гордою улыбкой.

PONTE VECCHIO

Ponte vecchio («старый мост») — мост во Флоренции, застроенный лавками, ювелирными мастерскими и т. д.

13 Бенвенуто Челлини в 1514 г. четырнадцатилетним юнцом поступил в ученики к ювелиру Антонио ди Сандро, владельцу одной из таких мастерских.

Сонет переводил также Г. Шенгели, сохранивший формальную структуру сонета полностью. Неизданный перевод Студии М. Лозинского:

Хоакин, встав с утра, пока не ожил рынок,
Трудился, и эмаль с кистей его текла,
И старая латынь причудливо цвела
На тонком золоте финифтяных пластинок.

А над мостом, где шли священник, рыцарь, инок,
Звенели серебром с церквей колокола,

И солнце, сквозь лазурь небесного стекла,
Венчало нимбом лоб прекрасных флорентинок.

Послушны прелести мелькнувшего лица,
Ученики, забыв сомкнуть гнездо кольца,
Мечтая, медлили оправой адамантов;

В то время, как резцом, острее, чем клинок,
Челлини молодой, угрюм и одинок,
На яблоке меча чеканил бой гигантов.

СТАРЫЙ РЕЗЧИК

2 *Хуан Руис, Хуан Хименес, Алонсо Бесеррил* (Бесеррильо) — славные ювелиры, чеканщики и скульпторы XVI столетия.

13 *Подобно фра Хуану...* — речь идет о Хуане Сеговийском, мастере, прославившемся в тех же видах художественного ремесла, но закончившем жизнь монахом в одном из монастырей Эстремадуры. Умер он в 1487 г., не успев завершить своего последнего труда — великолепной дарохранительницы.

Сонет переводили также Е. Деген, В. Жуковский, Д. Олерон, Г. Шенгели.

ШПАГА

2 *Гарда* — защитная часть эфеса шпаги.

14 *Хулиен дель Рей* — знаменитый оружейник эпохи Возрождения.

Сонет переводил также Е. Деген.

КЛОДИЮСУ ПОПЛЕНУ

Клодиюс Поплен (1825—1892) — один из близких друзей Эредиа. Выступал как поэт-парнасец, но остался более известным как эмальер и ученый.

Другие опубликованные переводы неизвестны.

ЭМАЛЬ

10 *Офир* (Офира) — полулегендарная страна в Африке, откуда корабли Соломона привозили золото.

Сонет переводили также Д. Олерон, Г. Шенгели.

ВИДЕНИЯ ЭМАЛИ

1 *Атанор* — химическая печь у алхимиков.
8 *Хризаор* — крылатый конь, брат Пегаса.
9 *Ахиллову ли скорбь и смерть Пенфесилеи...* — царица амазонок Пентесилея была сражена в бою Ахиллом и им же оплакана.
12 *Победу ли над псом Гераклову в Аверно...* — речь идет об укрощении Гераклом авернского пса Кербера, сторожившего вход в преисподнюю.

Сонет переводили также Д. Олерон, Г. Шенгели. Неизданный перевод Студии М. Лозинского:

Здесь, в сумрачном углу, где ропщет атанор,
Бушующий огонь сквозь кирпичи ограды
Струит упорный жар, и зацветают клады
На меди, где финифть горячий льет узор.

И вот из-под кистей стремится на простор
Чудовищный народ мифической Эллады —
Кентавры, Пан, Силен, Химера, Сфинкс, менады
Или Горгоны кровь, Пегас и Хрисаор.

Изображу ли скорбь Ахилла над сраженной?
Певца, стремящего к супруге возвращенной
Объятья нежные у преисподних врат?

Геракла мрачный бой у смертного предела?
Иль содроганье неиспуганного тела
Царевны, чью скалу Драконы сторожат?

КОНКИСТАДОРЫ

КОНКИСТАДОРЫ

3 *Палос де Могер* — порт в Испании, на побережье Атлантического океана, — место, откуда, начиная с 1492 г. (первая экспедиция Колумба), уплывали в Америку испанские конкистадоры.

Сонет переводили также аноним (см. в библиограф. материалах) Е. Деген, Д. Олерон, Г. Шенгели.

ИСТОЧНИК ЮНОСТИ

О Хуане Понсе де Леон (ок. 1460—1521) см. статью, стр. 232—233.

Сонет переводили Б. Берг, Д. Олерон, Г. Шенгели.

МОГИЛА ЗАВОЕВАТЕЛЯ

Об Эриандо де Сото (1500—1542) и посвященном ему сонете Эредиа см. статью, стр. 233—234.

7 *Мешасебе* — Миссисипи.

Сонет переводил также Г. Шенгели.

CAROLO QUINTO IMPERANTE

3 *Когда меж островов шел Королевским Садом...* — названия Садов Короля и Садов Королевы были даны испанцами двум из архипелагов у берегов Америки.

12 *Бартоломей* (Варфоломей) *Руис* (XVI в.) — о нем см. статью, стр. 234.

Сонет переводил также Г. Шенгели.

ПРЕДОК

Клодиюс Поплен в сделанном им эмалевом портрете Эредиа (этот портрет висел над столом поэта) изобразил его в профиль в доспехах конкистадора; в левом углу портрета художник поместил родовой герб Эредиа с испаноязычной надписью «Cartagena de las Indias», то есть «Картахена Индий», «Картахена индийская» — название города, построенного некогда (на территории нынешней Колумбии) конкистадором Педро де Эредиа.

Другие опубликованные переводы неизвестны. Неизданный перевод Студии М. Лозинского:

Резцом бессмертия изборожден могучий
Завоевателя бестрепетного лик,

Который пред судьбой ни разу не поник,
Спаленный солнцами и боя пылью жгучей.

По склонам диких сьерр, остановивших тучи,
От острова до Анд он всюду крест воздвиг
И вынес старый стяг туда, где материк
В заливе грозовом свои купает кручи.

Последним правнукам, Поплен, твоей рукой,
В доспехе бронзовом с насечкой дорогой,
Их пращур воскрешен, надменный и печальный;

И словно ищет вновь его усталый взор
В эмалевой дали, горячей и зеркальной,
Кастильи Золотой слепительный простор.

ОСНОВАТЕЛЮ ГОРОДА

Посвящен тому же Педро де Эредиа.
[1] *Офир неуловимый* — см. прим. стр. 285.
[14] *Твой град серебряный...* — Родовой герб Эредиа — серебряный город под кроной золотой пальмы — стал гербом Новой Картахены.
Сонет переводили также Е. Деген и Д. Шестаков. Неизданный перевод Студии М. Лозинского:

Устав искать Офир по бесконечным водам,
Ты в очарованном заливе основал,
К неведомой земле бросая свой причал,
Волшебный Карфаген под новым небосводом.

Ты именем своим хотел греметь народам
И верил, что его навеки замешал
С кровавой известью, скрепившей первый вал,
Солдат, твой конь не мог противостать невзгодам!

Над Картагеною огнем пылает высь,
И черные дворцы и стены сорвались
В тревожный океан, свои грызущий скалы,

И лишь в твоем гербе, слепительной мечтой,
Как встарь, конкистадор, твой город небывалый
Горит, серебряный, под пальмой золотой.

ЕМУ ЖЕ

8 *Диск солнца красного преодолен крестом.* — Для многих иидейских племеи солице — верховиое божество.
13 *...три пальмы* — вольность переводчика, в гербе одиа пальма.

Другне опубликоваииые переводы иеизвестны. Неиздаииый перевод Студии М. Лозииского:

Перу и Мексики сражая племена,
В ущельях Анд, а лесах и на речном просторе,
Другие минули, стяжав в кровавом споре
Одни лишь титулы, пустые имена.

А ты, кем кровь моя из рода в род славна,
Построил Карфаген на Караибском море,
И от Дарьенских воли до Магдаленских взгорий
Вся красная земля кресту покорена.

Со скал, где Океан дробит свой вал зеленый,
Твой кремль, наперекор и бурям, и векам
Зубцы и купола вздымает к облакам;

И правнуки твои, без герцогской короны,
Щит метят пальмою, чей золотой намет
В гербе над городом серебряным астает.

МЕРТВОМУ ГОРОДУ

Соиет по существу замыкает конкистадорскнй (только отчастн «фамнльиый») цикл в кннге Эредна.

Даты, поставлеииые поэтом под заглавнем, — это даты больших бедствнй в нстории Картахены. Прошлое Картахеиы удачио охарактеризовано в одной из наших популярных кииг о Колумбни: «В пернод расцвета нспаиской колоинальной нмперин Картахеиа превратнлась в крупный порт н самую снльную крепость нспаицев в Новом Свете... Ежегодио весиой в Картахену прнбывал нспанский флот с товарами для Амернкн; он отсюда увознл груз драгоценных металлов, хранnвшихся до его прнбытня под

защитой крепостных стен» (*Е. Лукашова, Д. Ляликов.* Колумбия. М., 1959, стр. 27—28).

5–8 *С тех пор, как Дрейк привел безбожных англичан... французские гранаты обвили камень твой рядами темных ран...* — В XVI в. Картахена подвергалась нападениям английских корсаров, Дрейка и др., а на исходе следующего столетия сильно пострадала при нашествии французов под предводительством Пуанти. Френсис Дрейк (ок. 1540—1596).

Сонет переводили также Е. Дегеи, Д. Олерои, Г. Шенгели.

ВОСТОК И ТРОПИКИ

ВИДЕНИЕ КЕМА

I

Кем — (Кеми) — древнее название Египта.

4 *Фра* — фиванское название египетского солнечного божества.

14 *Анубис* — проводник мертвых в подземном мире, изображался у египтян с песьей или шакальей головой (поэтому он «лает»).

II

5 *Как в дни Рамзесовы...* — имя Рамзес принадлежало нескольким египетским фараонам.

10 *Нисходит шествие за кораблем...* — не только останки богов в мифах, но и останки реальных фараонов, а иногда и вельмож у египтян доставлялись к месту захоронения на кораблях и с ними же погребались.

11 *Ра* — бог солнца.

III

5–6 *...свой узор Вьет золотой урей...* — Уреус — священный змей, чье изображение венчало тиару богов и фараонов.

7 *Губы тонкие клеймит смола густая...* — смола, употреблявшаяся при мумифицировании.
8 *Гор, Хнум, Пта, Нейт, Мин, Гатор, Тот* — имена различных египетских богов и богинь.
10–11 *...схенти, псхент* (пшент) — двойная корона фараонов Древнего Египта.

Триптих переводили также Д. Олерон, О. Чюмина (Михайлова), последняя только I—II.

ПЛЕННИК

Жером Жан Леон (1824—1904) — французский художник, в 1863 г. выставивший в салоне свою картину «Пленник», которую Эредиа и «переложил» стихами с необыкновенной точностью.
11 *Арнаут* (тур.) — албанец.

Сонет переводил также Д. Олерон.

САМУРАЙ

Самурай — представитель высшего сословия, дословно «двумечник».
8 *Токунгавский щит...* — Токугава — старинный японский род, к которому принадлежали многие сёгуны — правители феодальной Японии.

Сонет переводили также П. Краснов, Г. Шенгели. Неизданный перевод Студии М. Лозинского:

Певучей бивою рассеянно звуча,
Сквозь ставни, где бамбук переплетают травы,
Она увидела: подходит рыцарь славы
Вдоль моря, по пескам, слепящим, как парча.

Идет. Он с веером. За шарфом два меча.
Алеет перевязь, висит помпон кровавый
На темном панцире, и символ Токунгавы
Или Ханазано сверкает у плеча.

Боец, закованный в чешуйчатые блестки,
От лака и шелков сверкающий и жесткий,
Похож на черного громадного жука.

Он увидал ее. Осклабившись под маской,
Он ускоряет шаг, и светятся слегка
Два уса золотых, дрожащие над каской.

ДАЙМИО

Даймио — титул японского феодала.
8 *Ниппон* — старинное название Японии.

Этот и предыдущий сонет являются поэтическими воспроизведениями некоторых образцов старой японской живописи.

Сонет переводил также Д. Олерон.

ОГНЕННЫЕ ЦВЕТЫ

Сонет переводил также Д. Олерон.

СТОЛЕТНИК

Сонет переводил также Г. Шенгели.

КОРАЛЛОВЫЙ РИФ

Сонет переводил также Д. Олерон. Неизданный перевод М. Рыжкиной:

Свет солнца под водой таинственные тени
Дробит в коралловых лесах косым лучом
И в теплом сумраке колеблет водоем
Цветы животного и щупальцы растений.

Все, что впитало йод и соль морских течений,
И водоросль, и мох, и трав косматый ком,
Пласт бледных мадрепор опутало кругом
Тяжелым пурпуром узорных наслоений.

Порой гася эмаль на чешуе своей,
Большая рыба вглубь уходит меж ветвей,
Беспечно странствуя по зарослям тенистым;

И вдруг, разбив пером пылающим волну,
Мгновенно озарит густую глубину
Мерцаньем радужным, зеленым и огнистым.

ПРИРОДА И МЕЧТА

АНТИЧНАЯ МЕДАЛЬ

2 *Феокрит* — греческий поэт начала IV в. до н. э., был уроженцем Сиракуз. Сицилия, в древности колонизировавшаяся финикийцами, карфагенянами, греками, в 214 г. до н. э. подпала под власть римлян. После падения Римской империи Сицилию захватывали вандалы (440), готы (493), а в 535 г. она вошла в состав Византийской империи. Позже, в IX и X вв., Сицилией владели сарацины, им на смену пришли захватчики—норманны. В XIII столетии брат Людовика Святого французский принц Карл Анжуйский, одно время правивший островом, своими жестокостями вызвал народное восстание против французов и почти поголовное их истребление («сицилийская вечерня»). Последующие судьбы Сицилии принадлежат уже истории Италии, еще долго остававшейся раздробленной, но стремившейся к единству.

6 *Лилея Аретуз...* — Несколько мест в древнем мире носили это название, но здесь, очевидно, речь идет о нимфе Аретусе и одноименном источнике на острове Ортигии близ Сиракуз — в переносном смысле о сицилианках, чья кровь смешалась с кровью захватчиков.

10 *Агригент* — древний город на юге Сицилии.

Перевод Всеволода Рождественского публикуется впервые.

Сонет переводили также П. Краснов, Г. Шенгели. Неизданный перевод Студии М. Лозинского:

Как в Феокритов век, пылают на вершине
Багрец и золото этнийского вина,
Но тех, чьей прелестью его свирель звучна,
Тоскующий поэт уже не сыщет ныне.

Когда-то профилем подобная богине,
Гречанка пленная, рабыня и жена,
Смешать в своей крови была обречена
Горячность сарацин с анжуйскою гордыней,

Все тлеиио. Дии бегут. Слабеет голос Муз,
Стал тенью Агригент, и иамин Сиракуз
Одела саваиом лазурь иебесиых далей;

И лишь металл храиит, века преодолев,
Послушиый эпосу, на серебре медалей,
Бессмертиые черты сицилиаиских дев.

ПОГРЕБЕНИЕ

[1] *Фокида* — гористая область в Средией Грецни. В этой области в Дельфах на склоне Париаса, иаходилось зиамеиитое святилище Аполлоиа, где пророчествовала пифия.

[8] *Внимает теиь его прибою Саламииа.* — В 480 г. до и. э. греческий флот разбил в морском сражении при Саламиие флот персов.

Перевод Всеволода Рождествеиского печатается впервые.

Другие опубликоваииые переводы неизвестиы. Неизданиый перевод О. Брошииовской:

К Фоииде, где Пнфои, священиая вершина,
Царнт иад храмамн, перуиами объят,
Когда воителн спускались в древиий Ад,
Вся Греция иесла изображеиье сыиа.

И теии их, иогда пустыииых вод равиина
И острова в ночи иеомрачимой спят,
Виимали с высоты береговых громад
Надгробиой песне волн у иамней Саламина.

А я безрадостио умру в седых годах,
И примет тесиый гроб мой охладевший прах,
И деиьги зазвенят, платя обряд печали.

А между тем я зиал мечты высоиой власть —
Как предии, молодым, под светлым солицем пасть,
Чтоб девы иадо мной и воииы рыдали.

СБОР ВИНОГРАДА

[7] *К меиадам Наксоса критяика подходила...* — остров Наксос, расположеииый в Эгейском море (крупией-

шний из Кикладских островов), по мифу, место встречи бога Диониса (Вакха) с критянкой Ариадной.

8 *Лиэй* — одно из имен Диониса.

Другие опубликованные переводы неизвестны.

СЬЕСТА

Сьеста — полуденный отдых, послеобеденный сон.

Сонет переводили также В. Жуковский, Л. Кацман, Д. Олерон, О. Чюмина (Михайлова).

БРЕТОНСКОЕ МОРЕ

ХУДОЖНИК

Цикл посвящен художнику Эммануэлю Лансье (1835—1881), увлекавшемуся образами Бретани.

Сонет переводил также Д. Олерон.

БРЕТАНЬ

4 *Арвор* (Ar-mor, Armorica) кельтское название «поморья», Бретани.

11 *Менгир* — каменный столп, воздвигнутый в доисторические времена; этих памятников седой древности немало в Бретани.

13 *Сластолюбивый Ис и гордый Оксимор* — полулегендарные города в бретонском фольклоре, поглощенные морем.

Сонет переводил также Д. Олерон.

FLORIDUM MARE

Другие опубликованные переводы неизвестны.

ЗАХОДЯЩЕЕ СОЛНЦЕ

Другие опубликованные переводы неизвестны.

MARIS STELLA

[Ave] *Maris stella* (лат.) — молитва моряков и рыбаков, обращенная к богоматери.

13 *Сен-Мелен в Морле* — церковь в городе Морле на северном побережье Бретани.

13 *Нотр-Дам в Роскоф* — церковь богоматери в городе Роскоф на том же побережье.

Сонет переводил также Эллис.

КУПАНИЕ

Сонет переводил также Б. Бер.

НЕБЕСНЫЙ ГЕРБ

3 *...кимрийских трав...* — Северо-западные районы атлантического побережья Франции в древности были заселены племенами кельтов-кимврийцев.

6 *Ликорн* — дракон.

13 *Архистратиг* — подразумевается архангел Михаил.

Другие опубликованные переводы неизвестны. Неизданный перевод Студии М. Лозинского:

Бывает, облака, когда лазурь светла,
Клубя червленные и медные громады,
Расписывают там, где в блеске слепнут взгляды,
Большим гербом простор небесного стекла.

Вокруг, разинув зев и распластав крыла,
Зверье геральдики, чудовища и гады,
Гиганты пленные, порыву ветра рады,
Дыбят, напрягши грудь, могучие тела.

Да, на полях пространств, когда в боях чудесных
Шли серафимов тьмы на ангелов небесных,
Тот герб себе стяжал князь лучезарных сил;

Подобно рыцарям, что бились на Босфоре,
Кто б ни был этот вождь: Георгий, Михаил,
Он солнце, как безан, несет в зеленом море.

АРМОР

Армор — см. выше прим. стр. 295 к сонету «Бретань».

1 *Раз* — мыс на западе Бретании. *Трогор* — древнее селение невдалеке от того же мыса, богатое археологическими памятниками.

Сонет переводил также Д. Олерон.

ПРИЛИВ

2 *Пенмарк* — мыс к югу от мыса Раз.

Другие опубликованные переводы неизвестны.

МОРСКОЙ ВЕТЕР

Сонет переводили также В. Жуковский, Д. Олерон, Г. Шенгели.

РАКОВИНА

Сонет переводил также Л. Кацман. Неизданный перевод Студии М. Лозинского:

Какими безднами, за годом долгий год,
— Кто нам поведает путь раковины нежной? —
Теченья, буруны и гребни пены снежной
В зеленых пропастях тебя несли вперед?

Сегодня над тобой горит небесный свод,
Ты хочешь отдохнуть на отмели прибрежной.
Напрасная мечта! Глухой и безнадежный,
В тебе всегда гремит великий голос вод.

Моя душа навек темницей звучной стала;
И как встает напев исчезнувшего вала
В твоих извилинах, безумен и угрюм,

Так в сердце у меня, где все полно Любимой,
Невнятный, медленный и все ж незаглушимый,
Рыдает гробовой и отдаленный шум.

КРОВАТЬ

Сонет переводили также Э. Линецкая, Д. Олерон, М. Травчетов.

СМЕРТЬ ОРЛА

Сонет переводили также Л. Кацман, Д. Олерон, Н. Хвостов, З. Ц. (Быкова), О. Чюмина (Михайлова), Г. Шенгели.

PLUS ULTRA

Сонет переводили также Д. Олерон, Г. Шенгели, Д. Шестаков. Неизданный перевод М. Травчетова:

Покорена людьми земля могучих львов,
И змей чудовищных, и бешеных рептилий,
И пройден океан, где паруса флотилий
Избороздили зыбь суровую валов.

Но за Шпицбергеном и снегом ледников,
И за Мальштремами, не знающими штилей,
Есть побережие, куда не допустили
Моря полярные отважных моряков.

Пойдем же! Я пробью пустынное молчанье,
Подобно прадеду, свершив завоеванье,
Но не Америки, а бездны ледяной.

Вперед! Я поднимусь на берег величавый,
И море, ни к кому не льнувшее волной,
Мне сердце опьянит напевом, полным славы.

ЖИЗНЬ МЕРТВЫХ

Поэт *Арман Сильвестр* (1837—1901) в 1870 г. написал книгу «Возрождения», один из разделов которой озаглавлен «Жизнь мертвых».
Сонет переводили также В. Жуковский, Д. Олерон.

ТРАГИКУ Э. РОССИ

Эрнесто Росси (1827—1896) — итальянский драматический актер.

10–11 *...тройных созвучий... железный лад...* — терцины «Божественной комедии» Данте.

Сонет переведен также Д. Олероном.

МИКЕЛЬАНДЖЕЛО

6 *Титан, прикованный к трагической вершине...* — Поэт сравнивает Микельанджело с Прометеем.

Сонет переводили также Е. Дегеи, Д. Олерои, Д. Шестаков.

РАЗБИТЫЙ КУМИР

7 *Сильван* — один из лесных божеств в римской мифологии.

Сонет переводили также Е. Дегеи, Д. Олерон, С. Уманец. Неизданный перевод Студни М. Лозинского:

Мох был благочестив, скрывая очи бога;
Не вступит, все равно, никто в заглохший лес
Пролить вино и мед подателю чудес,
Которым древняя охранена дорога.

Давно и плющ, и хмель, и куст колючий глога
Кумиру падшему сплели густой навес,
Не зная, кто он — фавн, Сильван или Гермес,
И над разбитым лбом вьют два зеленых рога.

Смотри. Наклонный луч навел издалека
На плоское лицо два золотых кружка;
Багряный лист на нем шевелится улыбкой;

И, легкой чарою дыша вокруг него,
Листва, скользящий свет и пятна тени зыбкой
Творят из мрамора живое божество.

ROMANCERO

Этот, написанный терцинами, триптих Эредиа на мотивы испанского эпоса о Сиде Кампеадоре, местами можно рассматривать не только как прямое подражание некоторым эпическим фрагментам, но даже и как их переложение.

В переводе Д. Олерона сохранена старая транскрипция испанских имен и названий.

ПОЖАТЬЕ РУК

3 *Диего Лаинец* (Лаинес) — отец Рюи Диаса де Бивара, Сида Кампеадора, героя испанского эпоса.

41 ... *гордый граф* — граф Гормас.

ТОРЖЕСТВО СИДА

3 *Дон Фернандо* — король Кастилии, Леона и Астурии Фердинанд I (1035—1065).

59 *Бригандина* — холодное оружие.

61 ... *священный стяг Медины* — зеленое знамя пророка.

Триптих был переведен также О. Чюминой (Михайловой).

ЗАВОЕВАТЕЛИ ЗОЛОТА

Общая оценка этого, единственного крупного по объему и внутренне очень значительного произведения Эредиа, а равно и сведения о важнейших реалиях поэмы — даны в статье, см. стр. 237—241.

Олероновский перевод «Завоевателей золота» местами растянут, другие же строки в нем, напротив, остались непереведенными (например, концовка). У Д. Олерона получилось 778 строк вместо 684, принадлежащих Эредиа. Переводчик не успел придать своей работе окончательный вид. Однако при всех отмеченных недостатках олероновская версия «Завоевателей золота» в общем верна. Нумерация строк в книге дана по переводу Д. Олерона.

I

1 *Бальбоа* Васко Нуньес *де* (1475—1517) — испанский мореход и конкистадор, первым пройдя Южноамериканский континент, вышел к Тихому океану.
28 *Зену* — одна из областей Мексики.
32 *Пряные острова* — Молуккские острова.
46 *Сельвасы* (исп.) — тропические леса.
57 *Верагуа* — район на побережье Карибского моря.
60 *Льянос* (исп.) — степные равнины.
65 *Андогойя Пасквале де* — испанский конкистадор XVI в., один из первооткрывателей Перу.
81 *Д'Авила Педрариас* (1440—1531) — испанский конкистадор, губернатор Дариена и основатель города Панамы. Казнил в 1517 г. Бальбоа.

II

8 *Пуэрто Пинас* — пункт сбора конкистадоров.
25 *Альмагро Диего де* (1475—1538) — конкистадор, сначала соратник, а потом соперник Писарро.
26 *Эрнандо Луке де* (Фернандо Лука) (ум. 1552) — первый епископ Перу.
79 *Сан-Матьяс* — пункт сбора конкистадоров.
81 *Пунта де Пассадо* — пункт сбора конкистадоров.
126 *Пекари* — род диких свиней.
157 *Гваякильский вал* — Гваякильский залив.
165 *Властителем громов и Пламенным владыкой* — в сказаниях и верованиях индейцев — гора Чимборасо и вулкан Котопахи.
186 *Тумбец* — один из прибрежных городов древнего Перу.

III

27 *Кортес Эрнан* (1485—1547) — завоеватель Мексики.
33 *Походам на восток...* — Ошибка переводчика. В тексте «западные моря».
37 *Никеза Диего де* — конкистадор, фаворит двора; был человеком злополучной судьбы — пропал без вести в одном из походов.

56 *Шима* — мансовая водка.
67 *Харра* — глнняный сосуд для внна.
71 *Фиск* — государственная казна.
75–76 *...убор и орденский доспех Святого Иакова...* — Регалнн ордена Сант-Яго.
103 *Хуан Родригес Фонсека де* (1451—1524) — архиепнскоп, организатор колониальной админнстрации.
107 *Аделантадо* (исп.) — предводнтель.
111 *Трухильо* — город в Испаннн.

IV

4 *Хуан Варгас* (XVI в.) — епнскоп в Панаме.
42 *Кацики* (каснкн) — вожди ннденскнх племен.
49 *Атагуальпа* (Атахуальпа) — последний властелнн государства инков, был казнен Пнсарро в 1533 г.
51 *Куско* — одна нз столнц государства ннков.
56–57 *...брата он низверг и тяжкою пятой В позоре распростер край Манко золотой.* — Атахуальпа узурпнровал трон у своего брата Гуаскара. Манко — одпн нз древннх правнтелей ннков.
115 *...аймарские останки.* — Аймары — древнее ннденское племя, порабощенное н ассимнлнрованное ннкамн.
127 *Каксамарка* (правнльно Кахамарка) — город в Перу.

V

32 *Карбахал* (Карвахаль) Франсиско де — один нз соратнников Писарро.
56 *Орельяна* Франсиско де (ум. в 1550) — конкнстадор и путешественннк, первый нсследователь Амазонки.
128 *...боритель Попайана.* — Речь ндет о Белалкасаре — Себастнане де Мойана (1495—1551), нмя которого связано с нсторней колумбнйского города Попайана.
150–153 *Гонзальв, чья голова ... топором снесенная...* — Гонсальво Писарро после смертн своего брата Франсиско поднял мятеж, который, однако, не удался, н Гонсальво вместе с Карвахалем былн казнены (1548).
168 *Вальверд* (Вальверде) Внсенте де — капеллан Писарро.

ДОПОЛНЕНИЯ

ИЗ СОНЕТОВ, НЕ ВОШЕДШИХ В «ТРОФЕИ»

Сюда вошли стихотворения, помещенные в Poésie completes de J.-M. Heredia (Paris, Lemerre, 1924). В стихотворении «Фонтану India» имеется в виду фонтан в Гаване и датируется оно 1860 г. «Скалигеры» и «Прометей» были опубликованы в сб. «Современный Парнас» в 1866 г., «Битва» в журнале «Валлонн» (декабрь 1843), «Пряднльщица», «Реки мрака», «Ростры», «Бюсту Психеи» в журнале «Ревю де Де Монд» 1 декабря 1905 г.

ФОНТАНУ INDIA

Перевод В. Левика печатается впервые.

СМЕРТЬ АГАМЕМНОНА

Перевод В. Левика печатается впервые.

ЖЕЛАНИЕ

Перевод В. Левика печатается впервые.

СКАЛИГЕРЫ

Скалигеры — одно из могущественных аристократических семейств в средневековой Италии.

10 *Певец Лауры...* — Петрарка.

14 *Звучит нахальный лязг австрийских палашей!* — Эредиа говорит об оккупации Италии австрийцами.

Перевод М. Гордона печатается впервые.

БИТВА

Сонет написан в духе скандинавских поэм Леконт де Лиля.

Перевод В. Левика печатается впервые.

ПРЯДИЛЬЩИЦА

Перевод М. Гордона печатается впервые.

РЕКИ МРАКА

8 *Перифой* — один из лафидов.

10 *Персефона* — жена бога Гадеса, владыки подземного мира.

11-13 *Лета, Стикс, Коцит, Флегетон* — реки Аида.

12 *И видел мстителей...* — подразумеваются богини мщения, Эриннии, преследующие Ореста за убийство им матери, заколовшей Агамемнона, его отца. *Электра* — сестра Ореста.

Перевод М. Гордона печатается впервые.

РОСТРЫ

3 *Озеро Ютурны* — по имени нимфы Ютурны.

Перевод М. Гордона печатается впервые.

БЮСТУ ПСИХЕИ

Перевод В. Левика печатается впервые.

РЕЧЬ ЭРЕДИА

1 *Дени Пиэш* — французский скульптор.

2 *Селье де Жизор* — архитектор.

3 *Эрин* — Ирландия.

4 *Арморика* — см. прим. стр. 295.

Перевод Н. Голубенцева, печатается впервые.

МАТЕРИАЛЫ К РУССКОЙ БИБЛИОГРАФИИ ЖОЗЕ МАРИА ДЕ ЭРЕДИА *

I. ОТДЕЛЬНЫЕ ИЗДАНИЯ «ТРОФЕЕВ»

Эредиа, Хозе Мария де. Сонеты в переводе Владимира Жуковского. СПб., 1899.

Эредиа, Ж. М. д. Из книги «Трофеи», перевод Л. Кацмана. Киев, «Мысль», [1918].

Эредиа. Избранные сонеты, перевел Георгий Шенгели Одесса, «Омфалос», 1920.

Эредиа, Хозе Мария де. Трофеи, перевод Д. И. Глушкова (Д. Олерона). Л., ГИЗ, 1925.

II. ПЕРЕВОДЫ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЭРЕДИА В КНИЖНЫХ ИЗДАНИЯХ (СБОРНИКАХ РУССКИХ ПОЭТОВ, РАЗЛИЧНЫХ АНТОЛОГИЯХ, ХРЕСТОМАТИЯХ, ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ РАБОТАХ)

Бутурлин, П. Д. Стихотворения, Киев, 1897.
Разбитый кумир; Villula.

Чюмина (Михайлова) О. Н. Стихотворения 1892—1897 гг. (т. II). СПб., 1897.

---

* Составил И. С. Поступальский.

Смерть орла; Горные вершины; Триумфатору; На Цидне; Антоний и Клеопатра; Раб; Элегия; Лебединая песнь; Подражание Петрарке; Догаресса; Полдень.

Второе стереотипное издание — Киев, 1900.

Шестаков, Д. П. Стихотворения. СПб., 1900.
Микель Анджело; Основателю города; Plus ultra.

Французские поэты. Под ред. Н. Новича. СПб., 1900.
Забытый кумир (пер. *С. Уманца*); Антоний и Клеопатра (пер. *В. Жукавского*).

Краснов Пл. Из западных лириков. СПб., 1901.
Забвение; Старинная медаль; Старинный переплет.

Эллис. Иммортели, вып. II. М., 1904.
«И дрогнули враги от дружного напора».

Васильев, А. К. Друзьям, товарищам, любителям стихов. СПб., 1905.
У источника; Бог садов.

Чюмина (Михайлова), О. Н. Новые стихотворения 1898—1904 гг. СПб., 1905.
«Египет. . .»; «Блестящая луна. . .» В качестве автора I и II сонетов цикла «Видение Кемв» указан — Теофиль Готье!

Хризопрас. М., «Самоцвет», 1906—1907. Пер. Сергея Соловьева.
Tepidarium; Вечер после сражения; Антоний и Клеопатра; Плотник Назарета.

Бер, Б. В. Сонеты и другие стихотворения. СПб., 1907.
Надгробная надпись; Родник юности; Погибший в море; Купанье.

Французские лирики XIX века. Пер. и прим. Валерия Брюсова. СПб., «Пантеон» [1909].
Треббия; После Каин.

Волошин, Максимилиан. Стихотворения. М., «Гриф», 1910.
Бегство кентавров; Ponte vecchio.

Эллис. Stigmata. М., «Мусагет», 1911.
В духе Петрарки; Maria atella.

Хвостов, Н. Б. Огни и отражения. СПб., 1912.
Из Эредиа. La mort de l'aigle.

Брюсов, Валерий. Собр. соч. и переводов; XXI: Французские лирики XIX в. СПб., «Сирин», 1913.
Треббия; После Каин.

Мировая Муза. Антология. Сост. Серг. Городецким: т. I: Франция. СПб., 1913.
Бегство кентавров (*пер. М. Волошина*); «И дрогнули враги от дружного напора» (*пер. Эллиса*); В духе Петрарки (*пер. Эллиса*); Ponte vecchio (*пер. М. Волошина*); Maria atella (*пер. Эллиса*).

Доброхотов, Анатолий. Песни воли и тоски. М., 1913.
Позабытые боги.

Ц. [Быкова Зинаида.] Лучи и тени. Пг., «Прометей», 1916.
Смерть Орла.

Чтец-декламатор, Т. II. Киев, 1916.
Tepidarium (*пер. Сергея Соловьева*); Микель-Анджело (*пер. Д. П. Шестакова*); Догаресса (*пер. Александра Биско*); Забвение (*пер. Пл. Краснова*); «Помедли, о путник, над этой могилой» (*пер. О. Чюминой*); Бог садов (*пер. В. Жуковского*); Плотник Назарета (*пер. Сергея Соловьева*); Plus ultra (*пер. Д. П. Шестакова*).

Рабинерсон, Рауль. Из английских и французских поэтов. Киев, 1918.
Антоний и Клеопатра; Треббия.

Липскеров, Константин. День шестой. М., «Творчество», 1922.
Транквилл.

Мир искусств в образах поэзии... Собр. Е. Боричевский. М., 1922.
Состязание (*пер. Вл. Жуковского*); Старый ревчик (*пер. Вл. Жуковского*); Ponte vecchio (*пер. М. Волошина*); Микель-Анджело (*пер. Д. Шестакова*).

Проблемы поэтики. Сб. под ред. В. Я. Брюсова. М.—Л., «Земля и фабрика», 1925.
Soir de bataille (цитатой в исследовании Л. Гроссмана «Поэтика сонета»).

Обществоведение. Сб. под ред. Н. Г. Тарасова, т. III. Изд. 2-ое. Сост. А. А. Деиконский, К. В. Котрохов и Н. Г. Тарасов. Л., «Сеятель», 1925.
«Как стая кречетов на падаль налетает» (*Пер. Н. П. Грацианского?*).

Гроссман, Леонид. Собр. соч., т. IV. М., «Современные проблемы», 1928.
«Вечер после сражения» (пер. *Сергея Соловьева*, цитатой в исследовании «Мастера сонета»).

Брюсов, Валерий. Избранные стихи. Редакция, вступительная статья и комментарии Игоря Поступальского. М., «Academia», 1933.
Антоний и Клеопатра (пер. *Д. Олерона*, цитатой в комментарии).

Лившиц, Бенедикт. От романтиков до сюрреалистов. Антология французской поэзии. Л., «Время», [1934].
Видения эмали.

Шенгели, Георгий. Планер. М., ГИХЛ, 1935.
Кентавры; Пан; Охота.

Лившиц, Бенедикт. Французские лирики XIX и XX веков. Л., ГИХЛ. 1937.
Видения эмали.

Эткинд, Е. Семинарий по французской стилистике, ч. II. Л., 1961.
Антоний и Клеопатра (пер. *Инны Чежеговой*).

Эткинд, Е. Поэзия и перевод. Л., «Советский писатель», 1963.
Раковина (пер. *М. Лозинского*); Кровать (пер. *Студии М. Лозинского*); Кровать (пер. *М. Травчетова*).

Мастера русского стихотворного перевода, кн. 2. Вступ. статья, подготовка текста и примечания Е. Г. Эткинда. Л., «Советский писатель», 1968.
Бегство кентавров (пер. *М. Волошина*).

У ночного окна. Стихи зарубежных поэтов в переводе Бенедикта Лившица. М., «Прогресс», 1970.
Видения эмали.

III. ПЕРЕВОДЫ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЭРЕДИА
В ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНОЙ ПЕРИОДИКЕ

Бутурлин, П. Д. «Наблюдатель», 1892, № 1.
Разбитый кумир; Villulu. (Визуально не подтверждено)

Уманец, С. «Русский Вестник», 1893, № 7.
Забытый кумир.

[Без подп.] Женщина-мужчина XVII века (Монахиня-знаменщик). «Вестник иностранной литературы», 1894, №№ 4—5.
Краснов, Пл. «Всемирная иллюстрация», 1894, № 24.
Забвение; Старинный переплет — там же.

Чюмина, О. «Петербургская жизнь», 1894, № 95—96.
Сон. I. Египет... жгучая полдневная пора; II. Блестящая луна взошла над гладью Нила; III. С минутой каждою растет толпа видений; Сфинкс (автор не указан).

Жуковский, Вл. «Петербургская жизнь», 1894, № 98.
Поэту Арману Сильвестру.

Чюмина, О. «Северный Вестник», 1894, № 9.
Раб; Элегия.

Чюмина, О. «Вестник Европы», 1894, № 10.
Лебединая песнь; Подражание Петрарке; Догаресса.

Чюмина О. «Петербургская жизнь», 1894, № 111—112.
Торжество Сида.

Жуковский, Вл. Бог садов. — «Вестник иностранной литературы», 1895, № 2.
Hortorum deus.

Чюмина, О. «Северный Вестник», 1896, № 5.
Plus ultra.

Чюмина, О. «Вестник иностранной литературы», 1897, №№ 4, 7.
Полдень; «Помедли, о путник, над этой могилой. . .».

Чюмина, О. «Вестник иностранной литературы», 1898, № 5.
Сон.

[Без подп.]. Открытие памятника Леконт де Лиля. — «Вестник иностранной литературы», 1898, № 8.
(Изложение речи Эредиа при открытии памятника).

[Без подп.] Хуан солдат. — «Вестник иностранной литературы», 1905, № 11.
Шестаков, Д. «Слово», 1906, № 424, лит. приложение.
Античная медаль.

Брюсов, Валерий. «Речь», 1909, № 250.
Треббия; После Канн. (Визуально не подтверждено).

Биск, Александр. «Новая жизнь», 1911, № 6.
Догаресса.

Доброхотов, Анатолий. «Вестник Европы», 1912, № 4.
Позабытые боги.

Лозинский, М. «Дом искусства», № 1, 1921.
Старый резчик; Армор (*Пер. М. Лозинского*).

Олерон, Д. (Глушков, Д.) «Звезда», 1924, № 1,
Раковина; Смерть орла; Пахарь; Пастухи.

Гордон, Марк. «Охотничьи просторы», 1960, № 14.
Пламенный цветок; Коралловый риф.

IV. РУССКАЯ ОРИГИНАЛЬНАЯ И ПЕРЕВОДНАЯ ЛИТЕРАТУРА ОБ ЭРЕДИА

Золя, Эмиль. Парижские письма, XXXIII. — «Вестник Европы», 1878, № 2.

[Без подп.] Эредиа. «Энциклопедический словарь Брокгауза — Ефрона», т. VIII. СПб., 1892.

Cerisi Robert de. Письма из Парижа. «Северный Вестник», 1893, № 1, отд. II.

Cerisi Robert de. Письма из Парижа. «Северный Вестник», 1893, № 4.

В.[енгрова] З.[инаида]. Рец. на франц. изд.: Ж.-М. Эредиа. Трофеи. Париж, 1893. — «Вестник Европы», 1893, № 7.

Г-н, В. Заграницею. «С. Петербургские ведомости», 1894, № 47.

К., Пл. [Красов, Платон]. «Бессмертный». «Книжки недели», 1894, № 3.

[Без подп.]. Жозе-Мария де Эредиа. — «Всемирная иллюстрация», 1894, № 24.

Верлен, Поль. Хозэ-Мария де Эредиа. «Всемирная иллюстрация», 1895, № 25.

[Без подп.]. Русская неделя в Париже. «Всемирная иллюстрация», 1896, № 17.

Бутурлин, П. Д. Стихотворения. Киев, 1897.

В[енгерова], З[инаида]. — Парнасцы. «Энциклопедический словарь Брокгауза—Ефрона», т. XXII-а. СПб., 1897.

[Без подп.]. Открытие памятника Леконт де Лиля. «Вестник иностранной литературы», 1898, № 8.

Жуковский, Вл. Предисловие к книге: Хозе-Мария де-Эредиа. Сонеты в переводе Владимира Жуковского. СПб., 1899.

[Без подп.]. Рец. на книгу: Хозе-Мариа де-Эредиа. Сонеты в переводе Владимира Жуковского. — «Мир божий», 1899, № 7.

Деген, Евгений. Два парнасца... — «Мир божий», 1899, № 12.

Березовский, В. Современные течения в искусстве. СПб., 1899, стр. 94.

Нович, Н. Хозе-Мариа де-Эредиа. — В книге: «Французские поэты». СПб., 1900,

Брандес, Георг. Главные течения в литературе XIX века. Киев, 1903.

Брандес, Георг. Собр. соч., Пер. с датского М. В. Лучицкой. 2-ое изд., т. 13. СПб., [1903].

[Без подп.]. Гередиа. — «Большая энциклопедия», под ред. С. Н. Южакова, 3-е изд., т. VI. СПб., 1903.

Брюсов, Валерий. Рец. на книгу: Сергей Маковский. Собрание стихов, кн. 1. СПб., 1905, «Весы», 1905, № 4.

[Без подп.]. Хозе-Мария Эредиа. «Нива», 1905, № 41.

[Без подп.]. Прим. к переводу «Хуана солдата». «Вестник иностранной литературы», 1905, № 11.

[Без подп.]. Некролог Эредиа. «Известия книжного магазина товарищества М. О. Вольф», 1905, № 19.

[Без подп.]. Смерть Хередии и Генри Ирвинга. «Исторический вестник», 1905, № 12.

Анненский, И. Ф. Античный миф в современной французской поэзии. «Гермес», 1908, № 7.

Брюсов, Валерий. Французские лирики XIX века. СПб., «Пантеон», [1909].

Волошин, Максимилиан. Анри де Ренье. «Аполлон», 1910, № 4. Позже в кн. «Лики творчества», 1914

Верлен, Поль. Записки вдовца. Пер. С. Я. Рубановича. М., «Альциона», 1911.

[Без подп.]. «Присуждение Нобелевской премии». «Вестник иностранной литературы», 1911, № 1.

Брюсов, Валерий. Полн. собр. соч., т. XXI. СПб., «Сирин», 1913.

Городецкий, Сергей. — В книге: «Мировая муза», т. 1. СПб., 1913.

Родзевич, С. В поисках Атлантиды. Сб. «Аргонавты», кн. 1. Киев, 1914.

В. [Веселовский?], Ю[рий]. Гередиа. «Новый энциклопедический словарь», т. 13. СПб., 1914 (?).

Соколов, Ю. М. Очерк развития новейшей русской поэзии, I. Саратов, 1923.

Бруссон, Жан-Жак. Анатоль Франс в халате. Л., «Время», 1925.

Гроссман, Л. Поэтика сонета. — В книге: «Проблемы поэтики», сб. под ред. В. Я. Брюсова. М.—Л., «Земля и фабрика», 1925, стр. 122—124.

Л. [Лившиц], Б[енедикт]. Хозе Мария де Эредиа и его «Трофеи». — В книге: Хозе Мария де Эредиа. Трофеи, пер. Д. И. Глушкова (Д. Олерона). Л., ГИЗ, 1925.
Олерон, Д. Предисловие переводчика. — Там же.

Перекати-поле [Лилевич]. Рец. на книгу: Хозе Мария де Эредиа. Трофеи, пер. Д. И. Глушкова (Д. Олерона). — «Октябрь», 1926, № 2.

Дынник, Валентина. Рец. на то же издание. — «Красная новь», 1925, № 8.

Д.[анилин], Ю.[рий]. Поэт единой книги. — «Вечерняя Москва», 1925, № 212.

Макашин, С. Эредиа. «Печать и революция», 1926, № 2.

Бруссон, Жан-Жак. Из Парижа в Буэнос-Айрес. Л., «Время», 1928.

Гроссман, Леонид. Собр. соч., т. IV, М., 1928.
Ромэн, Жюль. Люди доброй воли, III. Л., «Время», 1933.

Э[фрос], А. Эредиа. — Большая Советская Энциклопедия, т. 64. М., 1933.

Рыкова, Н. Жозе (Хосе) Мария де Эредиа. — В книге: Бенедикт Лившиц. От романтиков до сюрреалистов. Л., 1934.

Шиллер, Франц. История западноевропейской литературы нового времени, т. II. М., ГИХЛ, 1936.

Рыкова, Н. Хосе-Мария де Эредиа. — В кн.: Бенедикт Лившиц. Французские лирики XIX и XX веков. Л., ГИХЛ, 1937.

Рыкова Н. Я. Современная французская литература. Л., ГИХЛ, 1939.

Пузиков, А. И. Литература Франции. — В кн.: «Франция и ее владения», М., 1948.

Ш., И. Эредиа. — «Энциклопедический словарь Граната», 7-е изд., т. 54. М., 1948.

Балашов, Н. И. Леконт де Лиль и парнасская группа. — В кн.: «История французской литературы», т. II. М., изд. АН СССР, 1956.

[Без подп.]. Эредиа. — Большая Советская Энциклопедия, 2-е изд., т. 49. М., 1957.

Паустовский, К. Г. Повесть о жизни, кн. первая. М., ГИХЛ, 1962.

Эткинд, Е. Поэзия и перевод. М.—Л., «Советский писатель», 1963.

Эткинд, Е. Семинарий по французской стилистике, ч. II. М.—Л., «Просвещение», 1964.

Черневич, М. Н., Штейн, А. Л., Яхонтова, М. А. История французской литературы. М., «Просвещение», 1965.

Колычев, Осип. Прогулка с Багрицким. — «Смена», 1968, № 19.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

ПРИЛОЖЕНИЯ

Жозе-Мариа де Эредиа

ТРОФЕИ

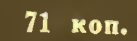
Утверждено к печати редколлегией серии „Литературные памятники" АН СССР

Редактор издательства *О. К. Логинова*
Художник *А. Ф. Серебряков*
Художественный редактор *Н. Н. Власик*
Технический редактор *О. М. Гуськова*

Сдано в набор 8/XII 1972 г.
Подписано к печати 15/V 1973 г.
Формат 70×90¹/₃₂. Усл. печ. л. 12,063.
Уч.-изд. л. 11,2. Бумага № 1.
Тираж 50 000 экз. Тип. зак. № 1556.
Цена в переплете 91 коп.,
в обложке 71 коп.

Издательство „Наука", 103717 ГСП
Москва К-62, Подсосенский пер., 21
1-я типография издательства „Наука"
199034, Ленинград, В. О., 9-я линия, 12

1000

71 коп.

1000

71 коп.

